

ЭКО

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 5 2022 г.

Мировой
«разлом»
и постсоветский
выбор

ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1970 ГОДА,
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

ЭКОномика и организация
промышленного производства

5 (575) 2022

Главный редактор **В.А. КРЮКОВ**, академик РАН,
директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А.Г. Аганбегян, РАНХ и ГС при Президенте РФ, академик РАН, Москва; **А.О. Баранов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, зав. кафедрой НГУ, д.э.н., проф., Новосибирск; **Р. Бардацци**, факультет государственного управления, Университет Флоренции, д-р философии, проф. (Италия); **Е.Б. Бухарова**, директор Института экономики, управления и природопользования СФУ, к.э.н., проф., Красноярск; **Ш. Вебер**, президент РЭШ, д-р философии (Канада – Россия); **Ю.П. Воронов**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **И.П. Глазырина**, зав. лабораторией эколого-экономических исследований ИПРЭК СО РАН, д.э.н., Чита; **Л.М. Григорьев**, НИУ ВШЭ, к.э.н., проф., Москва; **В.И. Зоркальцев**, СЭИ СО РАН им. Л.А. Мелентьева, д.т.н., проф., Иркутск; **В.В. Колмогоров**, к.э.н., Москва; **В.В. Кулешов**, гл. науч. сотр. ИЭОПП СО РАН, академик РАН, Новосибирск; **Чжэ Ён Ли**, вице-президент Корейского института международной экономической политики, д-р философии (Республика Корея); **Юцзюнь Ма**, директор Института России, Хэйлунцзянская академия общественных наук, к.и.н., Харбин (Китай); **С.Н. Мироносецкий**, генеральный директор «Солар Системс»; **А. Му**, Институт Фритьофа Нансена, канд. полит. н. (Норвегия); **В.А. Никонов**, генеральный директор АО «Технопарк новосибирского Академгородка»; **В.И. Псарев**, зав. кафедрой Алтайского госуниверситета, зам. председателя Исполнительного комитета МАСС, к.э.н., д.т.н.; **Н.И. Суллов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, д.э.н., проф., Новосибирск; **А.В. Усс**, губернатор Красноярского края, д.ю.н., проф., Красноярск; **Хонгёл Хан**, Департамент экономики Университета Ханьянг, председатель Корейского института единения, д-р наук, проф. (Республика Корея); **Цзе Ши**, директор Центра международных энергетических исследований, Китайский институт международных исследований, Пекин (Китай); **А.Н. Швецов**, зам. директора по научной работе ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Институт системного анализа РАН, д.э.н., проф., Москва.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.В. Алексеев, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **С.Ю. Барсукова**, НИУ «Высшая школа экономики», д.соц.н., Москва; **Э.Ш. Веселова**, зам. главного редактора, Новосибирск; **К.П. Глущенко**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **Е.В. Гоосен**, Институт экономики и управления Кемеровского госуниверситета, к.э.н., Кемерово; **Е.А. Капогузов**, Омский госуниверситет им. Ф.М. Достоевского, д.э.н., Омск; **В.И. Клисторин**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **Г.П. Литвинцева**, НГТУ, д.э.н., Новосибирск; **В.В. Мельников**, НГУЭиУ, НГТУ, к.э.н., Новосибирск; **Л.В. Мельникова**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **П.Н. Тесля**, зам. главного редактора, к.э.н., Новосибирск; **О.П. Фадеева**, ИЭОПП СО РАН, к.соц.н., Новосибирск; **Л.Н. Щербакова**, Кемеровский госуниверситет, д.э.н.; **В.В. Шмат**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск

УЧРЕДИТЕЛИ:

Учреждение Российской академии наук Сибирское отделение РАН,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН,
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет» (НГУ),
АНО «Редакция журнала «ЭКО»

ИЗДАТЕЛЬ:

Новосибирск, Сибирское отделение Российской академии наук

5 (575) 2022

Editor-in-chief, Member of RAS, **VALERY A. KRYUKOV**, Director of Institute of Economics and Industrial Engineering (IEIE), SB RAS

Editorial Board:

A.G. Aganbegyan, Member of RAS, Russian Academy of National Economy and Public Service Sponsored by the Russian President; **A.O. Baranov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, IEIE, SB RAS, Novosibirsk State University; **R. Bardazzi**, PhD, professor, University of Florence, Italy; **E.B. Bukharova**, Cand. Sci. (Econ.), professor, Institute of Economics, Management and Land Use, Siberian Federal University, Krasnoyarsk; **I.P. Glazyrina**, Dr. Sci. (Econ.), Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, SB RAS, Chita; **L.M. Grigoriev**, Cand. Sci. (Econ.), professor, Higher School of Economics, Moscow; **Jaе Young Lee**, PhD, Korean Institute for International Economic Policy; **Hong Yul Han**, PhD, professor, Hanyang University, The Korea Consensus Institute; **V.V. Kolmogorov**, Cand. Sci. (Econ.), professor; **V.V. Kuleshov**, Member of RAN, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; **S.N. Mironosetsky**, general manager Solar System; **A. Moe**, PhD, The Fridtjof Nansen Institute, Norway; **V.A. Nikonov**, Technopark of Novosibirsk Academgorodok; **V.I. Psarev**, Cand. Sci. (Econ.), Dr. Technical Sci., Interregional Association of the Economic Cooperation 'Siberian Accord', Altai State University; **A.N. Shvetsov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, Institute of Systems Analysis, RAS; **N.I. Suslov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, IEIE, SB RAS; **A.V. Uss**, Dr. Sci. (Law), professor, Governor of Krasnoyarsk Krai; **Sh. Weber**, PhD, Russian Economics School; **Yu.P. Voronov**, Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; **Yutszyun Ma**, PhD (History), Russia Institute, Heilongjiang Academy of Social Sciences, Harbin, China; **Ze Shi**, Center of Energy Research, Institute of International Studies, Beijing, China; **V.I. Zorkaltsev**, Dr. Technical Sci., professor, Energy Systems Institute, SB RAS, Irkutsk.

Editorial Council:

A.V. Alekseev, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **S.Yu. Barsukova**, Higher School of Economics, Dr. Sci. (Sociology); **O.P. Fadeeva**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Sociology); **K.P. Gluschenko**, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **E.V. Goosen**, Institute of Economics and Management of Kemerovo University, Cand. Sci. (Econ.); **E.A. Kapoguzov**, Omsk State University, Dr. Sci. (Econ.); **V.I. Klistorin**, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **G.P. Litvintzeva**, Novosibirsk State Technical University, Dr. Sci. (Econ.); **V.V. Melnikov**, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk State Technical University, Cand. Sci. (Econ.); **L.V. Melnikova**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Econ.); **L.N. Shcherbakova**, Kemerovo University, Dr. Sci. (Econ.); **V.V. Shmat**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Econ.); **P.N. Teslia**, Deputy Editor-in-chief, Cand. Sci. (Econ.); **E.Sh. Veselova**, Deputy Editor-in-chief.

Founders:

Russian Academy of Sciences, Siberian Branch,
Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch, RAS
Novosibirsk State University
ANO Editorial Office of ECO journal

Prepared for publication by

Novosibirsk, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch

В НОМЕРЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

4 От одной несвободы к другой

Тема номера: Мировой «разлом» и постсоветский выбор

8 КУЗЬМИНА Е.М.
Динамика внешнеэкономической
стратегии Республики Беларусь

29 МИГРАНЯН А.А.
Южный Кавказ:
30 лет турбулентности

60 ТЕСЛЯ П.Н.
Экономики стран Балтии
после обретения независимости

ПРОБЛЕМЫ

РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

88 ФРИДМАН Ю.А.,
ЛОГИНОВА Е.Ю.,
РЕЧКО Г.Н.,
ХОХРИНА О.И.
Кузбасс
как углепромышленная территория:
опыт трансформации
и оценка коридоров развития

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

111 АГЕЕВА Е.В.,
БАРАНОВ А.О.
Прогноз развития
инвестиционного комплекса России
в 2022-2023 гг.

УПРАВЛЕНИЕ

131 КОЖЕВНИКОВ М.В.,
ДВИНЯНИНОВ А.А.
Концептуальная модель организации
российского инжиниринга
в энергетике

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

157 РОМАНОВ Р.Е.
Реализация прометеевской
стратегии стимулирования труда
рабочих в сибирском военпроме
(1941-1945 гг.)

КНИЖНАЯ ПОЛКА

178 ДЕМЕНТЬЕВ В.Е.
Российский опыт адаптации
к внешним для экономики шокам
(о книге «Ответ российского бизнеса
на пандемию COVID-19»)

CONTENTS

EDITORIAL

- 4 From One Lack of Freedom to Another

Cover story: The Global Fracture and the Post-Soviet Choice

- 8 KUZMINA, E.M.
Dynamics of Foreign
Economic Strategy
of the Republic of Belarus
- 29 MIGRANYAN, A.A.
South Caucasus:
30 Years of Turbulence
- 60 TESLA, P.N.
The Baltic Economies
after Independence

REGIONAL DEVELOPMENT

- 88 FRIDMAN, Yu.A.,
LOGINOVA, E.Yu.,
RECHKO, G.N.,
KHOKHRINA, O.I.
Kuzbass as a Coal-producing Territory:
Transformation Experience
and Assessment
of Development Corridors

MONITORING OF ECONOMIC TRANSFORMATION

- 110 AGEEVA, E.V.,
BARANOV, A.O.
Forecast of the Development
of the Investment Complex of Russia
in 2022-2023

MANAGEMENT

- 131 KOZHEVNIKOV, M.V.,
DVINYANINOV, A.A.
The Conceptual Model
of the Russian Energy Sector
Engineering Setup

ECONOMIC HISTORY OF RUSSIA

- 157 ROMANOV, R.E.
Implementation
of the Prometheus Strategy
for Stimulating Workers' Labor
in the Siberian Military Industry
(1941-1945)

BOOKSHELF

- 178 DEMENTIEV, V.E.
Russian Experience of Adaptation
to External Shocks to the Economy
(On the book "Russian Business
Response to Pandemic COVID-19")

От одной несвободы к другой

Мантру о том, что мир стремительно меняется в последние десятилетия, неизбежно повторяет всякий, рассуждающий о проблемах и путях развития экономики и общества. Чаще всего под этими изменениями подразумеваются научно-технологический прогресс и те возможности, которые он открывает перед человечеством с точки зрения улучшения условий жизни и созидательной деятельности. Но есть у данных процессов и другая сторона, которая до недавних пор находилась как бы вне «мейнстрима» конструкций будущего. А именно – изменение системы международных экономических отношений вследствие появления и укрепления новых лидеров и ослабления позиций «героев минувших дней», утраты ими многих прерогатив прежнего влияния. Крах СССР был воспринят его политическими противниками как безусловная победа и возможность определять и направлять мирохозяйственные и политические процессы в том направлении, в каком они считают нужным.

В рамках этой парадигмы США и страны ЕС формировали и развивали систему экономических и политических отношений с новыми суверенными государствами, возникшими на месте бывших советских республик. В их новой картине мира России не отводилось сколь-нибудь значимой роли в процессах интеграции и кооперации с этими странами. Время показало, что они были неправы. Более того, на мировой палитре с каждым годом все более ярко и зримо обозначается роль стремительно растущего Китая – прежде всего, в вопросах развития экономики и, в определенной степени, социальной сферы новых государств. В первую очередь – центральноазиатских республик, а затем – Украины и Белоруссии.

Лейтмотивом преобразований во всех государствах на постсоветском пространстве было не только стремление к реализации амбиций и целей их элит, но и желание большинства граждан ощутить вкус «этого сладкого слова – свобода». Люди устали от доминировавших в СССР норм и правил «демократического

централизма», предполагавшего безоговорочное подчинение принятым решениям (где, когда и кем – это другой вопрос).

В результате мифологизации представлений о свободе «демократизация всех сторон жизни» общества в период перестройки на всем пространстве бывшего СССР привела к тому, что все постсоветские страны, каждая по-своему, проделали путь от одной несвободы (подавления личной инициативы и предприимчивости) к другой, вызванной колоссальными трудностями, а зачастую и невозможностью не только самостоятельного экономического развития, но и поддержания достигнутого ранее уровня жизни значительной части населения. Помощь в преодолении этих трудностей обернулась для молодых демократий утратой политической и экономической независимости, только теперь уже по отношению к «новым» внешним силам.

Отметим, что упомянутая мифологизация в социально-экономическом аспекте имеет две составляющих – внутреннюю и внешнюю¹. Внутренняя – это тот миф о состоянии экономики и путях ее развития, который поддерживается национальными элитами. В рассматриваемый нами период это была прежде всего «абсолютизация всемогущества свободного рынка»². Необходимость его доминирования принималась большинством постсоветских лидеров как аксиома. Остальным пришлось смириться. Как писал И. Валлерстайн³, «Капитализм... это – социальная система, в которой именно те, кто действует по ее правилам, оказывают решающее влияние на социальное целое и задают некие условия, а все остальные должны либо приспособливаться к ним, либо пенять на себя. Это такая социальная система, в которой поле действия (scope) этих правил (закон стоимости) увеличивалось; те, кто навязывал эти правила, становились все менее склонными к социальному компромиссу, эти правила все больше и глубже проникали в социальную ткань, несмотря на то,

¹ Постановка проблемы экономической мифологизации в данном ракурсе принадлежит уважаемому коллеге чл.-корр. РАН Р. С. Гринбергу – см.: «Экономическая мифология живет и побеждает. О странной жизни в “постфактическом мире”» // «Независимая Газета». 2018. 24 декабря.

² Там же.

³ Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / Пер. с англ. Науч. ред. и предисл. А. И. Фурсова. Изд. 2-е испр. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2018. 304 с. [С. 133].

что общественное противодействие им становилось все сильнее и организованней».

При этом, однако, на стадии обсуждения преобразований на постсоветском пространстве Я. Корнай отмечал: «Ключевой момент преобразований состоит в том, чтобы на первый план выступила частная инициатива, получила юридическую защиту частная собственность... Чем быстрее будет меняться общественный климат, тем эффективнее будет роль частного производства и частной торговли в обеспечении производства и снабжении. Это самое главное условие, которое нужно создать, прежде чем иностранцы будут допущены к восстановлению разрушенной экономики»⁴. Итак, внутренняя мифологизация – подмена роли и значения «долгожданной» частной инициативы сохранением статус-кво тех, кто оказывает влияние на развитие вновь созданной системы «чисто рыночного» капитализма.

Внешняя мифологизация, как отмечает Ф. Оппенгеймер, связана с представлением о том, что «внешние сообщества» помогают «молодым демократиям» в проведении реформ и преобразований исключительно в интересах последних: «Вся мировая история от первобытных времен до наших дней представляет собой не что иное, как непрерывную борьбу между “экономическими” и “политическими” методами»⁵. Анализ положений данной работы привел Д. Травина к выводу о том, что «экономические методы... представляют методы созидания, политические – методы перераспределения, с помощью которых созданное отнимается у того, кому оно принадлежит». «Будем размышлять не о проблеме построения светлого будущего без эксплуатации (которое вряд ли вообще возможно), а о том, почему в реальной жизни одни страны стали богатыми, а другие остались бедными», – предлагает автор⁶.

Статьи тематической подборки настоящего номера «ЭКО» в полной мере подтверждают упомянутые мифологические заблуждения, описывая жизнь постсоветских стран

⁴ Корнай Я. Путь к свободной экономике. Страстное слово в защиту экономических преобразований / Пер. с англ. М.: Экономика, 1990. 149 с. [С. 3].

⁵ Оппенгеймер Ф. Государство: переосмысление. М.: RUSSTATE.ORG, 2020. [С. 77–78].

⁶ Травин Д. Я. Почему Россия отстала? СПб.: Изд. Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. 368 с. [С. 21–22].

«в постфактическом» мире. Так, в Белоруссии, когда ЕС приступил к реализации Восточного проекта, «скоординированная внешняя политика Союзного государства, да и оно само стали рассматриваться... как пережиток прошлого» (статья Е. М. Кузьминой). Воздействие политических методов перераспределения влияния и созданного экономического потенциала на развитие постсоветских стран ярче всего проявилось, вне сомнения, на Украине⁷ и в Прибалтике (статья П. Н. Тесли). Для экономической политики большинства стран, представленных в данном выпуске и в «ЭКО» № 3/2022, присущи «отсутствие их экономического взаимодействия, высокий уровень зависимости от внешних факторов» (статья А. А. Мигранян).

Имеющиеся подвижки по ряду вопросов текущего экономического положения (относительно устойчивый рост уровня жизни в странах Балтии) не сравнимы по масштабам с тем реальным уровнем, который имел место в эпоху СССР. Ни одной из представленных в настоящей подборке стран пока не удалось сформировать сколь-нибудь значимые предпосылки для устойчивого поступательного роста национальной экономики. Среди ключевых причин – мифологизация сформированных в них «рыночных» отношений. На Южном Кавказе – это, по сути, клановая олигополия, мало общего имеющая с развитием и поощрением предпринимательства, в странах Балтии – открытая псевдорыночная среда, регулярно подпитываемая значительными внешними финансовыми инъекциями.

Изменение ситуации, очевидно, невозможно вне демифологизации «достигнутых успехов», без реальной демократизации внутренних экономических процессов, развития и поощрения межгосударственной кооперации и интеграции на постсоветском пространстве. Движение в этих направлениях требует времени, сосредоточенности и взаимного доверия.

Главный редактор «ЭКО»

КРЮКОВ В. А.

⁷ Мигранян А. А. Украинский выбор: 30 лет спустя // ЭКО. 2022. № 3. С. 41–61.

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-5-8-28

Динамика внешнеэкономической стратегии Республики Беларусь

Е.М. КУЗЬМИНА, кандидат политических наук. E-mail: e_kuzmina07@mail.ru
Центр постсоветских исследований, Институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Москва

Аннотация. Республика Беларусь всегда развивала экспортоориентированную экономику. Одна из главных её стратегических задач – диверсификация внешнеэкономических связей. В статье проведен анализ этих процессов на основе стратегических документов Беларуси, союзного государства Беларуси и России и Европейского союза. Исследовано влияние западных санкций на развитие экономик союзного государства. Особое внимание уделено изучению экономического взаимодействия Беларуси с Китаем. Результаты формирования такой внешнеполитической стратегии республики и влияние на нее внутригосударственных процессов и мировой экономической и политической конъюнктуры показаны с использованием статистических данных.

Ключевые слова: Беларусь; экспортоориентированная экономика; диверсификация внешнеэкономических связей; Союзное государство России и Беларуси; ЕАЭС; ЕС; Восточное партнерство; США; санкции Запада; торгово-экономическое сотрудничество; Китай

Экономика Республики Беларусь (РБ) сразу с обретением независимости начала развиваться как экспортоориентированная. Экспорт товаров и услуг с 2000 г. не опускался ниже 60% ВВП, а в лучшие годы (2011–2012 гг.) возрастал до 79%¹. Поэтому выстраивание эффективной внешнеэкономической стратегии традиционно входит в число приоритетных задач белорусских властей.

Хотя крупнейшим экономическим и торговым партнером страны всегда была (и остается) Россия, для республики не менее важным и актуальным было выстраивание отношений с Европейским союзом, особенно с сопредельными Польшей и Литвой, а также с США, а чуть позднее и с Китаем. Сопредельные страны имели для республики, не имеющей выхода к морям,

¹ Exports of goods and services (% of GDP) – Belarus. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.ZS?view=chart&locations=BY>

большое значение в вопросе транзита ее товаров на мировые рынки. Отдельным треком является развитие внешнеэкономических связей Беларуси с постсоветскими странами, как в формате Евразийского экономического союза, так и в рамках Соглашения о Зоне свободной торговли СНГ.

Крупнейшие торговые партнеры Беларуси в 2001–2020 гг., %

Страна	2001	2005	2010	2015	2020	2021
Доля в белорусском экспорте						
Россия	53,2	35,8	39,4	38,6	44,6	41,0
Украина	5,7	5,7	10,1	9,4	12,6	13,5
Польша	3,3	5,3	3,5	2,8	4,3	5,3
Литва	3,7	2,5	1,8	3,6	3,5	3,6
Германия	3,2	4,4	1,8	4,0	3,1	4,4
Великобритания	3,0	7,0	3,7	11,0	2,8	0,6
Китай	1,9	2,7	1,9	2,9	2,6	2,1
Казахстан	0,4	1,1	1,8	2,0	2,5	2,3
Нидерланды	1,7	15,1	11,3	4,3	2,4	5,6
Территории, более никуда не включенные	0,6	0,4	0,9	3,4	4,9	н/д
ЕС	28,9	44,8	30,2	31,6	21,3	н/д
Доля в белорусском импорте						
Россия	65,6	60,4	51,8	55,8	49,6	58,7
Китай	0,5	1,7	4,8	7,7	11,1	9,5
Германия	7,3	6,7	6,8	4,6	5,1	4,2
Украина	3,3	3,5	3,4	3,1	4,2	3,6
Польша	2,4	3,5	3,1	3,6	3,8	2,8
Италия	2,0	2,4	2,2	2,1	2,1	1,9
Турция	0,3	0,4	0,7	1,6	1,8	1,7
США	1,6	1,4	1,2	1,3	1,4	1,3
Нидерланды	1,0	1,0	0,9	0,7	1,2	0,7
Территории, больше никуда не включенные	1,7	3,1	3,5	1,8	3,5	н/д
ЕС	21,3	21,5	21,7	19,1	20,3	н/д

Источник. Данные ВТО и Белстата.

Консолидированный Запад зачастую был недоволен внутриполитическими процессами в РБ, в первую очередь – несменяемостью верховной власти. Уже с 1997 г. республика находится под санкциями, введенными сначала ЕС, а затем и США. Это породило еще одно обстоятельство развития белорусской

экономики – перманентное ограничение доступа к внешним ресурсам и рынкам в западном направлении.

Экономическое развитие Беларуси и ее внешнеэкономические связи исследовались российскими, белорусскими и европейскими учеными. Можно выделить работы, посвященные деятельности Беларуси в рамках Союзного государства России и Беларуси и Евразийского экономического союза. Менее разработана тема участия республики в формате Восточного партнерства ЕС, а экономический аспект взаимодействия освещался в российской литературе хуже всего, поскольку, в отличие от Грузии, Молдовы и Украины, торгово-экономическое взаимодействие РБ со странами ЕС велось в основном в двустороннем формате.

В данной статье мы рассмотрим динамику развития внешнеэкономической политики Беларуси с момента обретения независимости по 2021 г. А также проанализируем взаимодействие с основными торговыми партнерами, которое зачастую трансформировалось в зависимости от внутриполитических реалий РБ и отношения к ним внешних игроков. Работа в большей степени построена на анализе международной (ВТО, ЕАЭС) и национальной (Белстат, Национальный банк РБ и др.) статистики, а также официальных документов – программ и стратегий развития РБ, Европейского союза, США, Китая, Союзного государства России и Беларуси.

Внешние возможности и ограничения для Республики Беларусь

Географически Беларусь расположена на перекрестке путей из России в Европу, из Центральной Азии в Европу и из Китая в Европу. Но при этом она не имеет выходов к морям. Таким образом, уже сама география определяет необходимость многовекторности во взаимодействии с соседями как на востоке, так и на западе. Это взаимодействие оказалось достаточно неравномерным и сложным.

Власти РБ всегда говорили о такой политике как о единственно возможной для страны. «Наша многовекторность исходит из экономических интересов. Мы экспортоориентированная страна, и нам деваться некуда. Мы продаем значительно больше, чем потребляем из произведенного», – неоднократно утверждал

президент А. Лукашенко². Это же отражено в стратегических документах страны, например, в Концепции Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития на период до 2035 г. (2018), где обозначены пути достижения многовекторности: диверсификация внешней торговли, ориентация товарных потоков на новые перспективные рынки при сохранении позиций на традиционных рынках, развитие производственной кооперации³.

Расположение Беларуси между Россией и Евросоюзом, казалось бы, должно нести стране преимущества экономического плана. Однако геополитические и идеологические разногласия между Брюсселем и Минском, а также между ЕС и Россией поставили страну перед геополитическим выбором пути развития. Свою роль сыграла и позиция США.

Отношения с Россией

С середины 1990-х годов, с приходом к власти А. Лукашенко, российско-белорусские отношения носят союзный характер. С декабря 1999 г. страны строят Союзное государство России и Беларуси (СГРБ). Причем инициатором его создания была белорусская сторона. Форматы сотрудничества были определены Договором о создании Союзного государства⁴. Согласно документу, должны были появиться союзная конституция, единая валюта и гражданство СГРБ, а также ряд общих межгосударственных структур, из которых сегодня созданы лишь Высший государственный совет, Парламентская ассамблея, Совет министров, Постоянный комитет, которые пока (за исключением госсовета) не в полной мере соответствуют предполагавшимся форматам. Фактически в Союзном государстве все спорные политические и экономические вопросы решаются президентами.

Отдельным разделом Договора о создании Союзного государства оговаривается экономическое взаимодействие в части формирования единого экономического пространства. Последнее

² Лукашенко: наша политика многовекторна, но это не значит, что она между Востоком и Западом. URL: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-nasha-politika-mnogovektorna-no-eto-ne-znachit-cto-ona-mezhdu-vostokom-i-zapodom-443042-2021>

³ Концепция Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года. Минск. 2018. 82с.

⁴ Договор между РФ и Республикой Беларусь от 08.12.1999 «О создании Союзного государства». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25282/

предполагает унифицированное, а затем и единое законодательство в сфере хозяйственной деятельности, введение единой валюты с созданием единого эмиссионного центра, формирование общего рынка ценных бумаг с единым регулированием. Определена также необходимость координации политики внешних заимствований, привлечения иностранных инвестиций и установления единых принципов взимания налогов. В планы входило объединение транспортной и энергетической систем двух стран, создание взаимоувязанной сети связи и телекоммуникаций, размещения совместного оборонного заказа и объединения систем технического обеспечения Вооруженных сил России и Белоруссии. Сегодня эти планы выполнены лишь частично.

Половинчатость решений и действий по созданию единого экономического пространства и унификации экономического законодательства привели к экономическим противоречиям и перманентным торговым войнам между двумя странами.

Часть вопросов, особенно в сфере торговли, удалось решить при формировании Единой таможенной территории Евразийского экономического союза и принятии в апреле 2017 г. Таможенного кодекса ЕАЭС. Беларусь получила реальный доход от перераспределения таможенных пошлин внутри Союза, а также снятия большинства тарифных и нетарифных ограничений во взаимной торговле стран – членов ЕАЭС.

Экономические отношения двух стран достаточно тесные. В Беларуси по состоянию на конец 2020 г. работали более 2 тыс. предприятий с участием российского капитала, более 1,3 тыс. совместных предприятий. В России создано около 50 совместных сборочных производств и около 160 компаний с белорусским уставным капиталом [Союзное государство..., 2021. С. 22]. Интенсивно развивается региональное взаимодействие: РБ имеет соглашения о сотрудничестве с 71 российским регионом⁵.

Беларусь экспортирует в Россию в большей степени продовольствие: молочную продукцию (85% от общего объема белорусского экспорта этой товарной группы), мясо и мясные субпродукты (64%), продукты из рыбы и морепродуктов (84%). Другой большой экспортной группой является продукция

⁵ Кузьмина Е. Региональное сотрудничество России и Беларуси в рамках ЕАЭС. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/regionalnoe-sotrudnichestvo-rossii-i-belorussii-v-ramkakh-eaes/>

машиностроения: средства наземного транспорта, в первую очередь трактора и средства транспортировки (63%), оборудование и механические устройства (75%), электрические машины и оборудование (75%). Третью группу составляют некоторые виды готовой продукции: изделия из пластмассы (70%), мебель (46%) и изделия из черных металлов (64%). В 2020 г. белорусский экспорт в Россию составил 13 млрд долл., или 45% от общего объема⁶.

Из России в республику импортируются минеральное топливо, нефть и газ (91% импорта этой товарной группы), черные металлы (84%), каучук и резина (48%), алюминий и изделия из него (66%) и др. Следующую крупную группу импорта составляет машиностроительная продукция: электрические машины и оборудование (37%), оборудование и механические устройства (25%), наземный транспорт, в первую очередь легковые автомобили (44%).

Россия играет важную роль в финансировании белорусских экономических проектов. Накопленные российские инвестиции в национальную экономику к началу 2021 г. достигли 5,143 млрд долл.⁷ Только в 2020 г. их доля составила 29,95% от общего объема. Следующий после России Кипр (в инвестициях которого также значительна доля российского капитала) имеет долю в 17,4%⁸. К российской помощи можно отнести и многолетние беспощинные поставки нефти в объеме от 18 млн до 23 млн т⁹.

По данным Федерального казначейства РФ, опубликованным в феврале 2022 г., Беларусь по итогам 2020 г. имела перед Россией задолженность в размере 8,3 млрд долл.¹⁰

В хозяйственных отношениях между странами присутствуют негативные моменты, которые осложняют трансграничное взаимодействие: административные и другие нетарифные ограничения, дополнительные санитарные и фитосанитарные меры,

⁶ Данные ВТО. URL: <https://www.trademap.org/Bilateral.aspx?nvpm>

⁷ Беларусь получила более \$1,5 млрд прямых инвестиций в ЕАЭС в 2020 году. URL: <https://sputnik.by/20211118/belarus-poluchila-bolee-15-mlrd-pryamykh-investitsiy-v-eaes-v-2020-godu-1058067855.html>

⁸ Посчитано автором по данным Министерства финансов РБ. URL: <https://www.nbrb.by/statistics/ForeignDirectInvestments>

⁹ Скрытый счет на \$100 млрд как Россия содержит белорусскую экономику // РБК. 02.04.2017. URL: <https://www.rbc.ru/economics/02/04/2017/58e026879a79471d6c8aef30> (дата обращения: 30.04.2020)

¹⁰ Долги стран перед Россией. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php>

помимо установленных Евразийским союзом; неравное распределение таможенных пошлин; системные изъятия из национального режима в области государственных закупок; недоговоренность в вопросе общего рынка энергоресурсов. Минимальная скоординированность законодательства также привносит сложности в торгово-экономические отношения.

В результате в 2018 г. встал вопрос об углублении экономической интеграции в рамках Союзного государства. На прошедшем в декабре 2022 г. Госсовете СГРБ в Бресте премьер-министр России Д. А. Медведев предложил повысить уровень интеграции до заявленных в Договоре 1999 г. пределов, т.е. начать движение к формированию единых денежно-кредитной, валютной, налоговой и ценовой политики, создать единые правила конкуренции и защиты прав потребителей, а также постепенному объединению транспортной и энергетической систем двух стран.

Белорусская сторона в надежде, что начавшееся потепление отношений с Западом (о чем речь пойдет далее) позволит несколько диверсифицировать экспорт и сохранить президентскую власть за А. Лукашенко, была не готова на такое углубление интеграции и хотела лишь допуска своих производителей до российских госзакупок. Минск также выступил за «возможность блокировать любые решения, затрагивающие наиболее острые проблемы взаимоотношений и вопросы внешней политики». [Политические процессы..., 2020. С. 233]. Россия с таким предложением не согласилась, напомнив партнеру о разнице экономических потенциалов двух стран: в 2019 г. ВВП Беларуси составлял 3,8% относительно ВВП России¹¹. Это вызвало в белорусской прессе жесткую антисоюзную и даже антироссийскую кампанию. А. Лукашенко обвинил Россию в желании «не мытьем, так катаньем» поглотить Республику Беларусь¹².

Дополнительной остроты ситуации придали изменения в ценообразовании на российскую нефть, поставляемую в Беларусь, в результате налогового маневра. В начале 2019 г. экспортная пошлина на нефть была заменена пропорционально увеличенным налогом на добычу полезных ископаемых. Это

¹¹ Посчитано автором по данным ЕЭК. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/national.aspx.

¹² Лукашенко заподозрил Россию в желании присоединить Белоруссию. URL: <https://ria.ru/20181214/1548021508.html>

лишило республику дохода от беспошлинного получения нефти при постепенном росте ее цены до мирового уровня. По белорусским оценкам, речь шла об 11 млрд долл. до 2024 г.¹³ Минск настаивал на компенсации. Россия отвечала, что прежние цены фактически были скрытыми дотациями. Белорусское руководство пригрозило повышением цены на транзит российской нефти на 23% и даже приостановкой прокачки российской нефти в Европу под предлогом ремонта нефтепровода «Дружба».

И хотя президенты РФ и РБ уверяли, что им удалось договориться о ревизии процесса союзного строительства и разработки «дорожных карт» дальнейшего развития объединения, соответствующие документы до сих пор не подписаны. А в начале 2020 г. Минск обусловил их подписание решением вопроса цены на нефть и налоговых послаблений для республики¹⁴.

Существуют и политические причины расхождений в вопросах интеграции. Для Москвы всегда были важны синхронизация внешнеполитического курса и поддержка ее политической линии. Россия сама оказывала такую поддержку Беларуси в период довольно жестких западных санкций 2000-х гг., что позволило стране сохранить не только экономику, но и суверенитет. Однако Минск не принял сторону Москвы в ситуации в Грузии в 2008 г. и на Украине в 2014 г., а с введением антироссийских западных санкций пытался зарабатывать на завуалированном реэкспорте европейских и украинских товаров. Фактически «руководство РБ склонно рассматривать обязательства в рамках Союзного государства в лучшем случае в парадигме ”дружественного нейтралитета“, дистанцируясь от России при любом обострении ее отношений с Западом» [Политические процессы..., 2020. С. 233]. Скоординированная внешняя политика Союзного государства, да и оно само стало рассматриваться белорусскими экспертами как пережиток прошлого, мешающий стране налаживать отношения с Западом. Все чаще их речи сводятся к достаточности

¹³Минск оценил свои потери от налогового маневра России в 2020 году. URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/10/2019/5d9eee5d9a7947101c8505a8>

¹⁴ Беларусь не планирует вести диалог о дорожных картах до решения вопросов с поставками нефти – Макей. URL: <https://www.belta.by/politics/view/belarus-ne-planiruet-vesti-dialog-o-dorozhnyh-kartah-do-reshenija-voprosov-s-postavkami-nefti-makej-382218-2020/>

экономического взаимодействия с Россией, без учета всех остальных сфер сотрудничества в рамках СГРБ.

Взаимоотношения с ЕС и США

Сложные взаимоотношения внутри Союзного государства в определенной мере обусловлены и внешнеэкономической конъюнктурой, и интересами внешних акторов, в первую очередь ЕС и США, которые рассматривают углубление интеграции в рамках СГРБ и Евразийского союза как попытку восстановления политического единства региона и даже воссоздания СССР.

Кроме того, Запад изначально был не согласен с несменяемостью верховной власти в стране. Первые европейские санкции против РБ были введены уже в сентябре 1997 г. после продления полномочий президента А. Лукашенко до 2001 г. по результатам референдума. ЕС тогда приостановил процесс ратификации соглашения о партнерстве и сотрудничестве и временного торгового соглашения с РБ, сохранив только проекты по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. В декабре 2004 г. черный список был расширен из-за якобы фальсификации парламентских выборов и изъятия из Конституции пункта об ограничении занимать пост главы государства более чем два срока подряд¹⁵. В 2006 г. по результатам президентских выборов последовал очередной раунд ужесточений.

США ввели санкции в октябре 2004 г., приняв «Акт о демократии в Беларуси»¹⁶, который называет правление А. Лукашенко авторитарным и запрещает американским компаниям и государственным агентствам предоставлять Белоруссии займы, кредитные гарантии, страховые выплаты, ПИИ. Исключение сделано только для гуманитарной помощи. Оппозиции, наоборот, обещались различные виды поддержки и финансирование теле- и радиовещания на Беларусь. В 2011 г. была принята новая версия Акта¹⁷, которая осудила подавление оппозиции. Были также

¹⁵ 15 декабря Совет ЕС по внешним связям принял решение продлить запрет на выдачу виз двум чиновникам, подозреваемым в подтасовке голосов на выборах и нарушении прав человека во время парламентских выборов в октябре. Это Л. Ермошина, президент ЦИК Беларуси и Ю. Подобед, начальник милицейских сил в Минске. URL: http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive/vipusk_39

¹⁶ Акт о демократии в Белоруссии. URL: <https://polit.ru/article/2004/10/27/belocracy/>

¹⁷ Тихоненко И. Конгресс США одобрил акт о демократии в Беларуси. URL: <https://www.golosameriki.com/a/us-policy-belarus-2011-07-07-125180609/238296.html>

введены санкции против 157 чиновников и отдельных белорусских предприятий. В 2012 г. А. Лукашенко, как нелегитимному президенту, был запрещен въезд в США. В конце 2018 г. статус главы американской дипломатической миссии в Минске был понижен до Временного поверенного, что сохранялось до февраля 2019 г.

Запад вел двойственную политику в отношении Минска. Несмотря на неоднократные ужесточения санкционной политики, в мае 2009 г. белорусская делегация участвовала в учредительном форуме Восточного партнерства. В марте 2012 г. европейским предпринимателям вновь запретили ведение экономической деятельности с белорусскими юридическими лицами из санкционного списка из-за «нелегитимных» президентских выборов, а в середине года Минск подписал дорожную карту сотрудничества в рамках партнерства и начал работу Европейский диалог по модернизации с белорусским обществом. На саммите Восточного партнерства в ноябре 2013 г. было заявлено о переходе ЕС от «политики заморозки отношений» к новому способу вовлечения Беларуси в сотрудничество [Смирнова, 2016. С. 171].

Постепенно нормализовались отношения и с США. В декабре 2010 г. подписано соглашение о совместном противостоянии терроризму. В этот же период стабилизируется взаимная торговля, а с 2013 г. начинается рост американских инвестиций¹⁸. С 2013 г. активизируется сотрудничество на уровне МИДов и правоохранителей двух стран. В сентябре 2014 г. в США состоялся белорусско-американский инвестиционный форум¹⁹.

Серьезное потепление отношений с Западом произошло в 2015 г., хотя президентом вновь был избран А. Лукашенко. В марте 2015 г. Беларусь подписала соглашение с Соединенными Штатами об улучшении выполнения международных налоговых правил и реализации закона США о налоговом контроле счетов

¹⁸ Беларусь и Америка. URL: <http://web.archive.org/web/20150716164639/http://allby.tv/article/386/belarus-i-amerika>

¹⁹ «Лучше, чем я ожидал!» Белорусско-американский инвестиционный форум в Нью-Йорке и перезагрузка отношений. URL: <http://www.ctv.by/novosti-ssha/belorusko-amerikanskiy-investicionnyy-forum-v-nyu-yorke>

в иностранных финансовых учреждениях²⁰, а в октябре частично были приостановлены санкции против предприятий РБ²¹, и это продлилось каждые полгода до мая 2021 г. В начале 2019 г. МИД Беларуси снял ограничения на число американских дипломатов в Минске, в результате была расширена дипломатическая миссия США, а в июне 2020 г. был назначен посол²².

С Европой в рамках Восточного партнерства удалось договориться о диалоге по правам человека и торговле. С октября 2015 г. по февраль 2016 г. ЕС приостановил почти все санкции против страны, сохранилось эмбарго на поставки в республику оружия и полицейской спецтехники.

В 2016 г. Евросоюз позволил сотрудничество со своими финансовыми институтами, начал программу «Стимулирование развития частной инициативы в Беларуси» (SPRING) по развитию частного малого и среднего бизнеса, а также организацию системы делового консультирования [Тяжелова, Шарапова-Антонова, 2018. С. 65–66].

Созданная в 2016 г. Координационная группа ЕС-Беларусь, помимо решения вопросов основных прав и свобод, увеличения деловой и образовательной мобильности и упрощения визового режима, занималась вопросами взаимной торговли и таможенного контроля [Мельянцов, 2017 С. 75]. Другим направлением ее работы была подготовка республики к вступлению в ВТО [Тяжелова, Шарапова-Антонова, 2018. С. 67].

Беларусь настаивала на первоочередности развития экономических связей²³, со своей стороны активно инвестируя в развитие транспортной инфраструктуры и реконструкцию таможенного пункта пропуска «Брузги» в Гродненской области. ЕС же настаивал

²⁰ Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Соединенных Штатов Америки об улучшении соблюдения международных налоговых правил и реализации Закона Соединенных Штатов Америки о налоговом контроле счетов в иностранных финансовых учреждениях. URL: <https://www.alfabank.by/upload/docs/bank/nalog/Соглашение.pdf>

²¹ Ковалевский В. Санкции США в отношении Беларуси остаются временно приостановленными. URL: <https://www.golosameriki.com/a/vkav-belarus-sanctions/3308937.html>

²² Джули Фишер приведена к присяге в качестве посла США в Беларуси. URL: <https://web.archive.org/web/20201224055322/https://news.tut.by/economics/712620.html>

²³ Лукашенко: «Нельзя допустить, чтобы "Восточное партнерство" стало чисто политизированной организацией». URL: <http://www.ctv.by/novosti-minska-i-minskoy-oblasti/lukashenko-nelzya-dopustit-chtoby-vostochnoe-partnerstvo-stalo>

на выполнении Минском своих обязательств по правам человека и проведении реформы избирательного законодательства.

В последние десять лет в РБ открывались представительства многих европейских и американских фондов. С 2012 г. по 2021 г. в Беларуси работало Агентство США по международному развитию (USAID)²⁴. В сфере экономики большая часть его программ была сосредоточена на развитии малого и среднего бизнеса. Активную политику в отношении сопредельных стран, включая Белоруссию, ведет Польша, где в 2007 г. введена карта поляка для неграждан польского происхождения из сопредельных государств, которая дает право на получение бесплатного образования в Польше, значительно расширяет возможности трудоустройства.

Беларусь в эти годы наращивает торговлю с ЕС. Основными продуктами белорусского экспорта являются нефтепродукты (производящиеся из закупаемой в России нефти), пиломатериалы, калийные удобрения и железные прутки. В ответ республика получает лекарства и человеческую кровь, фрукты (в первую очередь яблоки и груши), оборудование и механические устройства, электрические машины и наземный транспорт.

Взаимоотношения с Китаем

Белорусские власти и бизнес большое значение придают освоению новых рынков для возможности диверсификации экспорта. Наиболее перспективным считается развитие отношений с Китаем, как в части выхода на его рынок, так и в плане расширения инвестиционного взаимодействия. Двусторонние отношения интенсифицировались сравнительно недавно, в 2010-е годы. В 2001 г. белорусско-китайский торговый оборот составлял всего 184,3 млн долл., в 2010 г. – 2159,9 млн долл., в 2019 г. – уже 4225,8 млн долл.²⁵ Причем росли как китайский импорт, так и белорусский экспорт. В 2020 г. доля белорусского экспорта в Китай составила 3% от общего объема (восьмое место), но его объемы в 2015–2020 гг. ежегодно прирастали на 20%. Импорт из КНР в те же годы в валютном исчислении увеличивался в среднем

²⁴ Программе USAID Community Connections в Беларуси исполнилось 15 лет. URL: <https://www.usaid.gov/ru/belarus/usaidbelarus-community-connections-turned-15-main-facts-about-program-and-its-alumni>

²⁵ Посчитано автором по данным ВТО. URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm

на 15% в год, и в 2020 г. достиг 11% от общего объема (второе место после России).

Основными товарами белорусского экспорта в Поднебесную являются калийные удобрения (11%), мясо и мясные субпродукты (14%), молочная продукция (в основном сыворожка и сгущенное молоко, 4%) и масса из древесины и целлюлозы (59%). Китай поставляет в страну электрические машины и оборудование (34%), оборудование и механические устройства (21%), средства наземного транспорта (14%), органические химические соединения (34%) и обувь (51%).

Импульс развитию экономических отношений придало открытие Китаем в 2015 г. льготных и коммерческих кредитных линий для Беларуси. В стране работают Эксимбанк, Банк развития Китая, Банк Китая и другие, при финансовой поддержке которых реализуется или уже реализовано около трех десятков крупных инвестиционных проектов в области транспорта, энергетики, промышленности²⁶. В 2018 г. Белорусии был выделен льготный правительственный кредит КНР сроком на 15 лет для реализации инвестиционного проекта «Организация высокотехнологичного агропромышленного производства полного цикла на 2016–2032 годы» (второй этап) в сумме 2540 млн юаней (около 400 млн долл.)²⁷. Соглашение между Министерством финансов РБ и Китайским рейтинговым агентством о присвоении стране кредитного рейтинга позволяет размещать белорусские гособлигации на финансовом рынке КНР²⁸. Банк развития Китая предоставил ОАО «АСБ Беларусбанк» кредит в 100 млн евро для развития национальной экономики²⁹.

Предпринимаются усилия в области регулирования трансграничной торговли. Между Министерством сельского хозяйства и продовольствия РБ и Главным таможенным управлением КНР

²⁶ Кредитно-финансовое и инвестиционное сотрудничество Беларуси и Китая. URL: <https://china.mfa.gov.by/ru/bilateral/credinvest>

²⁷ Беларусь намерена привлечь кредит в 1,75 млрд китайских юаней для реализации проекта в АПК. URL: <https://www.interfax.by/news/belarus/1237488>

²⁸ Китайское рейтинговое агентство ССХИ присвоило Беларуси суверенный кредитный рейтинг на уровне AA+ со стабильным прогнозом. URL: <https://www.interfax.by/news/belarus/1247078>

²⁹ Банк развития Китая ОАО согласился предоставить «АСБ Беларусбанк» 100 млн евро для развития национальной экономики. URL: <https://www.belta.by/economics/view/kitaj-predostavit-belarusi-100-mln-evro-dlja-razvitiia-ekonomiki-345235-2019/>

подписан протокол о ветеринарных и санитарных требованиях по поставкам в Китай кормовых молочных продуктов³⁰. В апреле 2019 г. заключен меморандум об укреплении партнерства для ускоренного совершения таможенных операций в рамках трансъевразийских железнодорожных контейнерных перевозок³¹ и подписаны межправительственные соглашения «О международных автомобильных перевозках пассажиров и грузов» и «О технико-экономической помощи»³².

За 30 лет общий объем китайских инвестиций в Беларусь составил более 2,6 млрд долл., в том числе около 1,1 млрд долл. ПИИ³³.

Со второй половины 2014 г. под Минском функционирует белорусско-китайский индустриальный парк «Великий камень»³⁴. Особое значение для его китайских резидентов имеет торгово-логистический комплекс на его территории, позволявший наладить удобные торговые цепочки с рядом европейских компаний. Именно на торгово-логистическую инфраструктуру была израсходована львиная доля китайских вложений в этот парк. Из других направлений деятельности наиболее активно развивалась сфера IT-технологий.

Внеэкономические связи Беларуси после президентских выборов 2020 г.

Картина изменилась после непризнания странами Запада результатов президентских выборов в Беларуси в августе 2020 г. На них вновь победу одержал А. Лукашенко, выиграв у продвигаемой местной оппозицией при поддержке Запада «альтернативного кандидата» С. Тихановской. Резко усложнилась ситуация в экономике, испытавшей последствия мирового пандемийного кризиса и отток вкладчиков из банковской

³⁰Участие Президента Беларуси в форуме «Пояс и путь» в Пекине // Голос Веткашчыны29.04.2019. URL: <http://www.vetkagolos.by/2019/04/29/uchastie-prezidenta-belarusi-v-forume-poyas-i-put-v-pekine/>

³¹ Реализация Соглашения будет способствовать укреплению безопасности цепи поставок от отправителя до получателя и содействию в упрощении законной торговли между Беларусью и Китаем. URL: https://www.alta.ru/ts_news/67311/

³² Переговоры с Председателем КНР Си Цзиньпином. URL: <https://president.gov.by/ru/events/peregovory-s-predsedatelem-knr-si-tszinpinom-20949>

³³ Кредитно-финансовое и инвестиционное сотрудничество Беларуси и Китая. URL: <https://china.mfa.gov.by/ru/bilateral/credinvest>

³⁴ Индустриальный парк «Великий камень». URL: <https://industrialpark.by/>

системы РБ в результате паники. Запад стал восстанавливать старые и вводить с декабря 2020 г. новые санкции против страны. Под ограничения попали высокотехнологичные предприятия ОПК, которые сотрудничают с Россией³⁵.

Для преодоления кризисных явлений в экономике в 2020 г. правительство РБ провело значительные финансовые интервенции в международные резервные активы и привлекло внешние займы на сумму, эквивалентную 3146,9 млн долл. Из них Правительство и банки РФ предоставили 1051,1 млн долл., и еще 500 млн Москва выдала через Евразийский фонд развития. Для сравнения: Эксимбанк Китая выделил 126,2 млн долл., МБРР – 67,1 млн долл., ЕБРР и СИБ – 11 млн долл.³⁶ Кроме того, Минск договорился с Москвой об увеличении на два года льготного периода кредита и продления срока кредита, полученного на строительство АЭС³⁷. Благодаря этой поддержке сокращение ВВП в 2020 г. составило только 0,7%³⁸. Внешнеторговый оборот при этом сократился на 14,5% из-за карантинных ограничений в мире.

В первые месяцы после выборов официальный Минск пытался наладить отношения с Западом. Однако результата это не принесло. Наиболее чувствительными стали санкции 2021 г., формально связанные с принудительной посадкой в Минске самолета компании Ryanair и задержанием сооснователя Telegram-канала NEXTA Р. Протасевича. ЕС закрыл европейское небо и аэропорты для белорусской компании «Белавиа», был расширен санкционный список, в него включены заводы МАЗ и БелАЗ, «Белаэронавигация» и «Новая нефтяная компания». Всего под санкции США попала 21 компания, в том числе «Беларуськалий», «Белнефтегаз», «Белказтранс», «Белказатранс Украина»,

³⁵ ЗАО «Белтехэкспорт» (занимается продажей вооружений и военной техники за рубеж, в том числе в страны Африки, Южной Америки, Азии и Ближнего Востока); ОАО «Электромеханический завод АГАТ» (автоматизированные системы управления и электроника); АО «140 ремонтный завод» (ремонт и модернизация бронетанковой техники); Минский завод колесных тягачей (МЗКТ) И наиболее быстро развивающаяся в последние годы IT-компания Synesis.

³⁶ Государственный долг на 1 января 2021 года. URL: https://www.minfin.gov.by/ru/public_debt/pressreleases/8074d74891f14642.html

³⁷ Посчитано автором по: Внешняя торговля товарами и услугами Республики Беларусь. URL: <https://www.nbrb.by/statistics/foreigntrade>

³⁸ Национальные счета. Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/national.aspx

«Энерго-Ойл», «Интер Табакко», Абсолютбанк, Следственный комитет РБ, Национальный Олимпийский комитет и «Новая нефтяная компания Восток», зарегистрированная в Смоленске³⁹. Кроме того, был введен запрет для европейских банков инвестировать в экономику Беларуси и помогать ей в размещении краткосрочных облигаций и получении кредитов. Ужесточились требования в части экспорта в РБ товаров двойного назначения.

Введенные санкции не могли не повлиять на экономику республики. Так, продажа калийных удобрений составляет 10% всего белорусского экспорта. Хотя ни одно государство ЕС не входит в пятерку крупнейших покупателей⁴⁰, общая доля европейских стран (включая Великобританию) в их экспорте – 17,4%, США – 5,2%. С учетом Украины под санкциями оказались 34% экспорта калийных удобрений, замещение таких потерь требует времени и серьезных усилий. Еще одной проблемой будет перевод торговых потоков калийных удобрений с портов Клайпеды и Таллина, на российскую Усть-Лугу. Помимо того, что она находится дальше, в ней нет свободных терминалов для насыпных продуктов, их еще необходимо построить.

Доля нефтепродуктов в экспорте РБ – 9,5%⁴¹. Крупнейшим их покупателем была Украина (62,2%). В пятерку, помимо России (7,7%), также входят Эстония (8,7%), Польша (5,2%) и США (4,2%). Доля ЕС в потреблении белорусских нефтепродуктов – 22,4%.

Одновременно с усилением санкций шло наращивание вооружений и воинских контингентов НАТО у белорусских границ в Польше и странах Балтии. Эта угроза еще больше сблизила Минск с Москвой.

Для сохранения стабильности в экономике Беларусь и Россия вернулись к углублению интеграции в Союзном государстве. Десятого сентября 2021 г. были подписаны 28 дорожных карт,

³⁹ Issuance of Executive Order Blocking Property of Additional Persons Contributing to the Situation in Belarus; Issuance of Belarus General License 4 and related Frequently Asked Questions; Belarus Designations. 08/09/2021 // <https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/recent-actions/20210809>

⁴⁰ Крупнейшие покупатели – Бразилия (доля в экспорте белорусских удобрений – 20,6%), Китай (12,9%), Украина (11,2%), Индия (7,7%), Индонезия (5%).

⁴¹ Нефтепродукты производятся в основном из поставляемой по льготным ценам российской нефти. Так, в 2018 г. цена нефти составляла 300 долл., цена белорусских нефтепродуктов из этой нефти на западном рынке составляла 434 долл./т.

а 4 ноября – Декрет Высшего Государственного совета СГРБ «Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 годы». К ним были отнесены: во-первых, проведение единой структурной макроэкономической политики и создание общего финансового рынка; во-вторых, создание единого экономического пространства и обеспечение равных условий хозяйствования; в-третьих, гармонизация налогового и таможенного законодательства, проведение единой налоговой, торговой и таможенно-тарифной политики в отношении третьих стран, международных организаций и объединений; в-четвертых, проведение согласованной политики в области охраны труда, социальной защиты населения, пенсионного обеспечения⁴².

По мнению экспертов российско-белорусской Ассоциации внешнеполитических исследований имени А.А. Громыко, для выполнения программы «на национальных уровнях нужно принять около 400 нормативных актов. Важна синхронизация работы органов госуправления РФ и РБ. Также необходимо прочертить роль институтов Союзного государства, которые позволят скорординировать работу национальных властей» [Российско-белорусские отношения..., 2022. С. 4].

В целях совместного противостояния беспрецедентному давлению, осуществляемому НАТО на Россию и Беларусь, была принята Военная доктрина Союзного государства. По предложению А. Лукашенко, может быть также создан совместный медиа-холдинг.

Тем временем отношения с КНР развиваются поступательно. Лидер Китая первым поздравил президента А. Лукашенко с переизбранием. В пандемийный 2020 г. Китай единственный не сократил торговлю с Беларусью, а в 2021 г. она выросла на 8,7%⁴³. Но из опасения, что санкции ЕС против Беларуси могут угрожать стабильной работе железнодорожных экспрессов на маршруте Китай – Европа, как одного из базовых условий интенсификации экономических связей, китайская сторона начала переговоры

⁴² Декрет Высшего Государственного совета Союзного государства «Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 годы». URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=ad2100022>

⁴³ Торгово-экономическое сотрудничество. URL: <https://china.mfa.gov.by/ru/bilateral/trade>

с Украиной по расширению транзитных путей в Европу, несмотря на ряд бизнес-споров с украинским правительством (например, по поводу собственности авиазавода «Мотор-СИЧ»⁴⁴).

Некоторые выводы

За годы независимости Беларуси удалось лишь частично диверсифицировать свои внешнеэкономические связи.

Крупнейшим торговым партнером страны так и остается Российская Федерация, хотя ее доля в торговле с Беларусью за 30 лет несколько сократилась за счет увеличения долей Китая, Украины и Казахстана и частично ЕС.

РФ остается крупнейшим инвестором белорусской экономики, и взаимосвязанность производственных сфер двух стран достаточно глубока. Сохранению тесных связей способствует также развитие интеграционных объединений, в которых участвуют обе страны – СГРБ и ЕАЭС.

Расположение между Россией и Европейским союзом давало Беларуси надежду стать экономическим мостом между этими центрами силы, однако ей удавалось быть некоторым транзитным участком между ними лишь на какое-то время. Основные причины этих трудностей находились как внутри самой страны, так и складывались из ее противоречий с Брюсселем и Москвой.

Налаживанию более тесных экономических, да и политических связей с Европейским союзом мешало нежелание президента А. Лукашенко подчиниться требованиям Запада по проведению политических реформ и сменяемости власти в стране. И в результате с конца 1990-х годов республика находится под западными санкциями с периодическим их ослаблением или ужесточением.

Диверсификацию внешнеэкономических связей Беларусь пыталась строить и за счет налаживания и укрепления торговых и инвестиционных отношений с Китаем, который за этот период вошел в пятерку крупнейших торговых партнеров Беларуси.

Серьезную роль в выборе внешнеэкономической стратегии Беларуси сыграли политические и ценностные разногласия между Россией и Западным миром, усилившиеся после событий на Украине 2014 г. и приведшие к санкционному противостоя-

⁴⁴ Кармазин И. Двигатели прогресса: как США и Китай делят главный украинский завод. URL: <https://iz.ru/1137820/igor-karmazin/dvigateli-progressa-kak-ssha-i-kitai-deliat-glavnii-ukrainskii-zavod>

нию. Беларусь в этой ситуации попыталась получить для себя экономические дивиденды, хотя в последние годы не раз нацеливалась и на политические выгоды, играя на противоречиях между Москвой и Брюсселем. Это было необходимо, по мнению официального Минска, как для сохранения национальной модели государственного управления экономикой, так и минимизации изменений во внутривластной системе страны.

Именно поэтому страна участвовала в европейской программе Восточного партнерства и одновременно всячески тормозила развитие Союзного государства России и Беларуси, отдавая предпочтение более узкому формату экономической интеграции в ЕАЭС.

Лишь жесткие санкции консолидированного Запада, введенные по результатам президентских выборов 2020 г. и сложившейся внутривластной ситуации, подтолкнули власти Беларуси к интенсификации интеграционных процессов с Россией в рамках СГРБ.

Поддержка Беларусью России в обострении геополитических противоречий с Западом и специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины в 2022 г. стало продолжением этой политической линии и обернулась для нее введением тотальных санкций со стороны Запада.

Результатом этих санкций, по мнению белорусских экономистов, может стать сокращение экспорта на 40%. Впрочем, степень падения внешних связей, а значит, и экономики страны, будет зависеть не только от силы санкций, но и от возможности применения их юрисдикции на всю внешнюю торговлю Беларусью (вторичные санкции), в первую очередь – с Китаем, Индией, Бразилией и странами СНГ. Будут ли они иметь возможность импортировать белорусские товары через российские порты, на которые наложены западные рестрикции, – вот пока еще не решенный вопрос.

Острой для Беларусью, особенно в краткосрочной перспективе, может стать проблема торговли продуктами питания (из основных товарных групп экспорта). С одной стороны, республика потеряла реэкспорт западных товаров в РФ, с другой – был введен запрет поставок ее продукции в розничные сети Польши и стран Балтии. В совокупности с ожидаемым сокращением внутреннего спроса в России и Беларусью из-за роста инфляции

и безработицы это может негативно сказаться не только на продажах, но и на объемах внутреннего производства продовольствия. Значительные сложности могут испытывать также производители изделий из черных металлов (53,7% белорусского экспорта этой товарной группы поставлялось в ЕС) и лесоперерабатывающие производства (65,6%).

Вместе с тем ограничены и возможности расширения российской помощи республике в силу необходимости преодоления собственных экономических дисбалансов, вызванных разрывом связей с Западом и выстраивания новой экономической стратегии. Правда, некоторые вопросы финансирования можно будет решать при участии Евразийского банка развития и Евразийского фонда развития, ассоциированных с Евразийским союзом.

Во многом экономическая ситуация в Республике Беларусь в среднесрочной перспективе будет зависеть не только от правильности экономических решений внутри страны, но и от внешних факторов. К ним можно отнести силу западного давления на основных торговых партнеров Беларуси в СНГ и Азии в вопросе вторичных санкций и реакции на это давление, результаты завершения российской военной операции на Украине и скорость налаживания стабильного развития экономики России.

Литература / References

Мельянцов Д. Беларусь – Европейский союз: количество не переходит в качество // Белорусский ежегодник. 2017. С. 74–82.

Melyantsov, D. Belarus – European Union: quantity does not turn into quality. *Belarusian Yearbook*. 2017. Pp. 74–82 (In Russ.).

Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы. Коллективная монография / Отв. ред. Э.Г. Соловьев, Г.И. Чуфрин. М.: ИМЭМО РАН, 2020. 276 с

Political processes in the post-Soviet space: new trends and old problems. (2020). Collective monograph / Ed. ed. E.G. Solovyov, G.I. Chufirin. Moscow. IMEMO RAN. 276 p. (In Russ.).

Российско-белорусские отношения в 2022 г.: союзные программы, новые вызовы и направления интеграции: Аналитический доклад. (2022). М.: Ассоциация внешнеполитических исследований имени А.А. Громыко, Институт Европы РАН. 20 с.

Russian-Belarusian Relations in 2022: Union Programs, New Challenges and Directions for Integration: An Analytical Report. (2022). Moscow. Association for Foreign Policy Research named after A.A. Gromyko, Institute of Europe RAS. 20 p. (In Russ.).

Смирнова Е. Восточное партнерство Европейского союза и Республики Беларусь: история взаимодействия и дальнейшие перспективы сотрудничества // Евразийский юридический журнал. 2016. № 1. С. 168–176.

Smirnova, E. (2016). Eastern Partnership of the European Union and the Republic of Belarus: the history of interaction and further prospects for cooperation. *Eurasian legal journal*. No. 1. Pp.168–176 (In Russ.).

Союзное государство Беларуси и России: результаты для граждан и перспективы / Громыко А.А., Рахманов С.К. и др.; Ассоциация внешнеполитических исследований имени А.А. Громыко. М., 2021. 56 с.

The Union State of Belarus and Russia: results for citizens and prospects / Gromyko A.A., Rakhmanov S.K. and etc. (2021).; Association for Foreign Policy Research named after A.A. Gromyko. Moscow. 56 p. (In Russ.).

Тяжелова В., Шаранова-Антонова К. (2018). ЕС-Беларусь: трудный путь к сближению // Европейский союз: факты и комментарии. № 91. С. 62–70.

Tyazhelova, V., Sharapova-Antonova, K. (2018). EU-Belarus: a difficult path to rapprochement. *European Union: facts and comments*. No. 91. Pp. 62–70 (In Russ.).

Статья поступила 29.03.2022.

Статья принята к публикации 06.04.2022

Для цитирования: Кузьмина Е. М. Динамика внешнеэкономической стратегии Республики Беларусь // ЭКО. 2022. № 5. С.8–28. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-5-8-28

Summary

Kuzmina, E. M., Cand. Sci. (Political), Center for Post-Soviet Studies, Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Dynamics of Foreign Economic Strategy of the Republic of Belarus

Abstract. The Republic of Belarus has always developed an export-oriented economy. One of its main strategic objectives is to diversify foreign economic relations in order to strengthen the economy. The paper analyzes these processes on the basis of strategic documents of Belarus, the Union State of Belarus and Russia, and the European Union. The impact of Western sanctions on the development of the Union State economies is studied. Special attention is paid to the study of Belarus' economic interaction with China. The results of the formation of this foreign policy strategy of the republic and the influence of domestic processes and the world economic and political conjuncture on it are shown with the use of statistical data.

Keywords: Belarus; export-oriented economy; diversification of foreign economic relations; Union State of Russia and Belarus; EAEU; EU; Eastern Partnership; USA; Western sanctions; trade and economic cooperation; China

For citation: Kuzmina, E. M. (2022). Dynamics of Foreign Economic Strategy of the Republic of Belarus. *ECO*. No. 5. Pp. 8–28. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-5-8-28

Южный Кавказ: 30 лет турбулентности

А.А. МИГРАНЯН, доктор экономических наук

E-mail: a.mihrianyan20@gmail.com.

SPIN-код: 9433–7609. ORCID: 0000–0001–6014–5955

Институт экономики РАН, Москва

Аннотация. В статье исследуются политические процессы формирования государственности постсоветских республик Южного Кавказа, проблемы обеспечения военно-политической безопасности и стабильности в регионе, демократизации политико-политических институтов. Изучаются социально-экономические особенности формирования и развития стран региона, выявляются отличительные особенности сложившихся в них экономических систем. Определены факторы и экономический потенциал республик, влияющие на выбор моделей внешнеэкономического сотрудничества и интеграционных предпочтений. Проведена оценка главных макроэкономических параметров национальных экономик, выявлены особенности экономических моделей, обоснован циклический характер экономического развития республик Южного Кавказа.

Ключевые слова: политические системы; государственные институты; экономическая модель; этапы экономического развития; экономический потенциал; Южный Кавказ; Азербайджан; Армения; Грузия

Несмотря на свой довольно ограниченный политико-экономический потенциал, Южный Кавказ исторически играет важную роль в международных отношениях, оставаясь регионом, где сталкиваются интересы всех наиболее крупных акторов мировой политики: России, США, ЕС, Турции, Ирана, арабских стран, а в последние годы и Китая. Благодаря своему выгодному геостратегическому положению этот регион оказывает большое влияние на глобальные геополитические и интеграционные процессы, затрагивая интересы не только ближайших соседей, но и всех стран евразийского пространства.

Малый по масштабам регион (территория всего 186,1 тыс. км², население не более 15 млн чел.), будучи расположенным на пересечении транспортных маршрутов Евразии (север-юг, запад-восток), в XXI веке вновь стал трансграничным коридором, определяющим конкурентоспособность и политический вес внешних игроков. Интерес к данному региону со стороны политиков, ученых и аналитиков поддерживается не только благодаря его уникальности, но и в связи с тем, что внутри себя он

не перестаёт быть крайне противоречивым, конфликтогенным и нестабильным.

Исследования стран Южного Кавказа проводятся как в историографическом, социально-культурном, политическом аспектах (М. Гасанова, М. В. Кривошеева, Э. Г. Вартамян, А. М. Исмаилова, А. В. Костарев, С. Р. Авертисян, Э. Минасян, В. Д. Дзидзоев), так и с точки зрения происходящих внутри региона процессов, его трансграничного значения и экономического развития (П. Шинковская, Л. Гринин, И. Щербак, М. Титаренко, Л. Рожкова, Е. Прокопенко, М. Колисниченко, С. Маркедонов, Н. П. Наджафов, И. Муродян, В. И. Сажин, Л. Б. Вардомский, А. Г. Пылина и др.). Тематика и направления исследований постоянно расширяются в силу нестабильности региона и высокой динамичности происходящих в нем изменений. Цель данной работы – обобщение исследований, выявление и обоснование основных трендов и особенностей развития экономических систем Азербайджана, Армении и Грузии, их геостратегических интересов и геополитических факторов развития.

Становление государственности стран Южного Кавказа

В современной системе политических отношений треугольник стран Южного Кавказа остается самым сложным и конфликтогенным регионом, где, кроме внутренних противоречий, то и дело возникают столкновения геополитических интересов внешних акторов, напрямую влияющие на безопасность и стабильность стран.

Становление политических систем и государственности, крайне неоднородных по своему составу, экономическому потенциалу, этнокультурным ориентирам и с противоречивыми интересами, стран южно-кавказского региона характеризовалось схожими процессами. Во всех трех государствах оно происходило крайне болезненно, сопровождалось вооруженными конфликтами (между Азербайджаном и Арменией, Грузии с Абхазией, Южной Осетией и внутри страны), потерей территорий и падением уровня жизни населения (1990–1994 гг.).

В конце 1990-х на первый план вышли проблемы обеспечения безопасности и социально-экономической стабильности, преодоления тотальной бедности и социальной напряженности,

вызванной разрушительными последствиями распада союзной экономики и смены экономического уклада, разрывом прежних кооперационных связей и выстраиванием новых торгово-экономических отношений с внешним миром.

Сложность преодоления общих для всех стран региона социально-экономических проблем усугублялась отсутствием опыта государственности, что выражалось в подмене государственных институтов семейными, клановыми связями и формированием института землячества [Бекларян, 2011]. Эффективность избранных парламентов была крайне низка, в то время как исполнительная власть активно интегрировалась с клановыми структурами. Кроме того, для всех стран региона было характерно длительное сохранение административного ресурса у руководителей советского периода, которые по факту лишь сменили название должностей. В Армении и Грузии их смена была осуществлена «революционным» путем, там основным институтом государственной власти в настоящее время являются парламенты (парламентские республики), в Азербайджане позиции унаследованных от СССР элит до сих пор крепки.

Клановые и семейные связи с самого начала стали основным способом выстраивания хозяйственных отношений внутри национальных экономик и к 2000-м годам привели к созданию групп влияния. В Азербайджане особенно выделялись олигопольные группы по контролю нефтегазового сектора, в Армении – промышленные группы по добыче и переработке металлов, сельскохозяйственной переработке, производству алкогольной продукции и торговле; в Грузии – в торговле, транспортных услугах, позже – в сфере туризма и сервисных услуг.

Одновременно создавались новые внешнеэкономические связи, которые определили выбор торговых и инвестиционных партнеров, и соответственно, круг экономических интересов внешних акторов, влияющих на регион. Поэтому формирование полноценных рыночных отношений растянулось на долгие годы и до сих пор имеет свою специфику в каждой стране, несмотря на развитие рыночных институтов и либерализацию экономики (в разной степени и со своим национальным интересом).

Во всех трех странах региона, в отличие от других государств постсоветского пространства, сформированы мононациональные (либо с жестким доминированием государствообразующей

нации) сообщества. Поэтому определяющим фактором политических процессов в них изначально были и остаются национальные интересы, во многом опирающиеся на национальные традиции и этноконфессиональные особенности. Они не просто противоречат друг другу, но нередко находят выражение в жестких этнических и территориальных конфликтах, вплоть до военного противостояния [Гаджиев, Примова, 2012].

Попытки совмещения национальных традиций и демократических и либерально-экономических реформ привели к созданию крайне противоречивых институциональных систем, в которых на фоне формализованных демократических институтов и рыночных отношений доминировали неформальные авторитарные практики и кланово-земляческие вертикали распределения экономической ренты (в Азербайджане и по сей день сохраняются эти противоречия, в Армении и Грузии после перехода к парламентским институтам верховной власти клановость размывается и в большей степени передается олигопольным структурам в экономике). В такой специфической системе источником власти и конкурентоспособности экономических субъектов является административный ресурс, поэтому во всех странах наблюдались подчиненность институтов власти экономическим интересам элит, самоидентификация титульных наций посредством победы в территориальных и этноконфессиональных конфликтах.

Противоречивость в политических системах и столкновение интересов внешних акторов обусловили насильственные смены власти во всех странах [Петрова, Сляднева, 2015]. В Азербайджане в 1992 г. на фоне неудач в первой Нагорно-Карабахской войне, в Армении дважды – в 1996–1997 гг. и 2018 г., в большей степени в связи с нарастанием социальной напряженности из-за снижения уровня жизни и конфликта интересов элит, в Грузии – в 1992 г., 2003 г., 2008 г. и 2013 г., на фоне межнациональных противоречий внутри страны, военных неудач в Осетии и Абхазии и утраты контроля над ними, социальной напряженности и низкого уровня жизни.

Все страны региона характеризуют свои политические системы как демократические. Азербайджан сохранил президентскую форму власти, Армения и Грузия после проведенных конституционных реформ стали парламентскими республиками, соответственно в 2015 г. и 2018 г. В обоих случаях переход

сопровождался политической нестабильностью и неконституционными методами смены власти.

Сразу после обретения независимости страны повысили свою активность на международном треке, что способствовало формированию новой конфигурации Южного Кавказа как самостоятельного макрорегиона. Однако этот процесс, в отличие от других макрорегионов евразийского пространства, отличался стремлением каждой из стран самостоятельно интегрироваться в международные блоки и структуры, не вступая во взаимодействие друг с другом, реализуя разновекторные интересы. Низкий уровень интеграции внутри региона обусловлен наличием нерешенных меж- и внутринациональных конфликтов. Основным вектором интеграции была и остается степень влияния региональных игроков.

В первые десять лет независимости для всех стран центром притяжения была Россия, после 2000-х наблюдается устойчивая тенденция снижения российского фактора в их международной и интеграционной повестке. По итогам армяно-азербайджанской войны 2020 г. Россия укрепила и даже расширила свое военно-политическое присутствие, но в экономической сфере она больше не доминирует.

В Азербайджане ведущая роль в экономических связях принадлежит Турции, наращивает торговые отношения с республикой Евросоюз, традиционно развивается сотрудничество с Ираном. Армения также диверсифицирует внешнеэкономические связи. Будучи членом ЕАЭС, она одновременно пользуется преимуществами ассоциированного партнерства с ЕС, сохраняет на высоком уровне торгово-экономические отношения с Ираном. Грузия после 2008 г. стабильно остается в сфере интересов и под патронажем ЕС и мировых кредитных институтов, которые определяют не только ее торговые и внешнеэкономические связи, но и в целом политику экономических реформ и специфичность реализуемой экономической модели. Второй по значимости экономический партнер Грузии (первый по торговым связям) – Турция.

Дезинтеграционный трек внутри Южного Кавказа достиг своего максимума в 2015–2016 гг. По оптимистичным сценариям ведущих российских экспертов [Захаров, Арешев, 2010; Крылов, 2017], данным задолго до второй Карабахской кампании в 2020 г.,

перемирие между Азербайджаном и Арменией могло бы снять противоречия этноконфессионального конфликта, блокирующие внутрирегиональное сотрудничество, обеспечить развитие трансграничных коммуникаций (транспортные железнодорожные коридоры) энергетических проектов. В целом оптимистичный посыл экспертов оправдан на теоретическом уровне, но практическая реализация разблокировки транспортных коммуникаций, оживления экономического сотрудничества между странами по итогам 2021 г. остается на прежнем уровне из-за сохранения противоречий и нерешенности территориальных споров.

Экономическое развитие региона: от кризиса к кризису

Формирование национальных экономических систем на Южном Кавказе происходило в условиях военной и политической нестабильности. Поэтому экономические потери в регионе не только были обусловлены сломом традиционного уклада, деградацией промышленного сектора, утратой конкурентоспособных технологий, разрывом кооперационных и торговых связей, но и усугублялись из-за военных потерь, транспортной изоляции, энергетического кризиса, мощного миграционного оттока [Социально-экономическое..., 2012].

Армения и Грузия практически утратили конкурентоспособные отрасли экспорта, в первые десять лет там вдвое сократился объем промышленного производства. Богатый ресурсами Азербайджан восстанавливался быстрее соседей, демонстрируя более высокие показатели социально-экономического развития, но при этом сильно зависел от ценовых флуктуаций и спроса на мировых энергетических рынках. На фоне благоприятной для своего экспорта конъюнктуры он инициировал единственный в регионе интеграционный проект (строительство газопровода Баку – Тбилиси – Эрзурум), что стимулировало структурные сдвиги и в его собственной экономике, и в грузинской. Армянская экономика развивалась в закрытом режиме, структурные сдвиги характеризовались плавным ростом доли сельского хозяйства, сервисных отраслей [Зоидов, Зоидов, 2014].

Общей для всех стран региона особенностью была и остается трудоизбыточность: высокий уровень безработицы и миграционного оттока. Это обуславливает зависимость национальных

экономик и уровня жизни населения от экономического благополучия в странах, принимающих трудовых мигрантов и определяющих объемы и стабильность их денежных переводов.

Еще одна общая черта – циклический характер развития национальных экономик, при котором периоды спада/подъема определялись этапами становления рыночной системы и ситуацией на мировых рынках. С 1992 по 2021 гг. можно выделить несколько экономических циклов, характеризовавшихся резкими кризисными спадами с последующим восстановлением.

Первый, наиболее болезненный *трансформационный кризис (1990–1995 гг.)* был связан с переходом на рыночные отношения и собственно становлением государственности. Неравномерность экономических потерь в странах региона обусловлена разницей концептуальных подходов к проведению реформ, разным уровнем сохранения экономических связей с Россией, различиями в экономической структуре и ресурсном потенциале, а также в степени влияния военно-политических и внешних факторов [Гаспарян, 2009]. Во всех южнокавказских республиках реформы переходного периода осуществлялись на фоне военных конфликтов, что придало им свою специфику и усугубило потери.

В *Азербайджане* этот период был наиболее разрушительным (за 1990–1995 гг. ВВП сократился на 42%)¹. В ходе военной кампании 1991–1992 гг. было потеряно около 40% сельскохозяйственных территорий, из-за наплыва беженцев, гиперинфляции резко возросла нагрузка на бюджет. В результате реформы носили по большей части ситуативный характер, основные усилия направлялись на сдерживание инфляции, выполнение социальных обязательств и поддержание военных расходов. Одновременно правительство активно искало зарубежных партнеров для инвестирования в развитие топливно-энергетического комплекса и налаживания новых рынков сбыта (транзита). Ситуация стала улучшаться после подписания «контракта века»², уже в 1996 г.

¹ Рассчитано автором по статистической базе данных UNCTAD. URL: http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?IF_ActivePath

² Контракт, подписанный 20 сентября 1994 г. между 13 крупными нефтедобывающими компаниями из 8 стран о совместной разработке трёх нефтяных месторождений – «Азери – Чираг – Гюнешли» в азербайджанском секторе Каспийского моря на условиях долевого распределения продукции.

реальный ВВП вырос на 5% к предыдущему году [Жуков, Резникова, 2012].

Концентрация усилий на нефтегазовом секторе принесла свои плоды, но практически лишила поддержки другие отрасли: в республике уменьшился промышленный сектор, начала формироваться экспортоориентированная сырьевая экономика, доходы от которой позволяли поддерживать социальные, военные и инфраструктурные расходы и обеспечивать высокие темпы роста в периоды роста мирового спроса на энергоресурсы.

В Грузии ВВП упал на 31%. Общие для региона сложности переходного периода усугублялись агрессивной политикой блокады экономических, торговых и транспортных связей с Россией, которая требовала закрытия коридоров радикальным исламистам в Чеченскую Республику и поддержала требования Абхазии и Южной Осетии по сохранению права использовать национальные языки, позже и требования автономий для них. Критически зависящая от поставок российских ресурсов, после разрыва отношений с РФ республика практически лишилась своего промышленного потенциала, существенно сократились и объемы сельскохозяйственного производства. Переход к рынку и политические решения первых властей Грузии о фактической самоизоляции привели к полной структурной перестройке грузинской экономики. В промышленности сохранились лишь производства по переработке сельскохозяйственного сырья, упал до минимального уровня экспорт, стали проявляться черты натурального хозяйствования. Сохраняющиеся риски военных конфликтов, гиперинфляция привели к возникновению бюджетного и кредитного кризисов в 1993 г. и смене власти.

С приходом Э. Шеварднадзе (1994 г.) республика приступила к экономическим реформам под патронажем и при финансовой поддержке МВФ. Реформы в Грузии отличались высокой степенью либерализации: были полностью упразднены ограничения в сфере внешнеэкономической деятельности, введена национальная валюта (сначала переходная, а затем лари), инициировано жесткое администрирование государственных расходов (практически упразднены расходы на социальную поддержку), проведена налоговая реформа. В 1995 г. началось восстановление экономики, однако преодолеть рост безработицы, падение уровня жизни населения и его миграционный

отток не удалось до сих пор [Андропова, Катамадзе, 2018]. Так, по состоянию на 2020 г. норма потребления в Грузии составляла 1,9 долл. в сутки³.

Армения в 1991–1993 гг. прошла через жесткую энергетическую и транспортную блокаду, обусловленную военным конфликтом с Азербайджаном и ситуацией в Грузии. Страна оказалась практически в полной изоляции. В условиях энергетического кризиса и мобилизационной экономики военного времени власти республики вынуждены были отложить экономические реформы и заняться снабжением и распределением скудных ресурсов. Данный период характеризовался тотальным дефицитом топлива, электроэнергии, финансовых средств на всех уровнях (от госбюджета до домохозяйств), в экономике доминировали бартерные отношения.

После окончания военных действий летом 1994 г. первоочередной задачей был выход из транспортной блокады (через Грузию и Иран), но до сих пор она преодолена не полностью. Проблема энергетического кризиса была решена благодаря поддержке России (перезапуск армянской АЭС, поставки энергоресурсов) и соглашению с Ираном о поставках электроэнергии. Тогда же начались реформы под патронажем МВФ по программе «шоковой терапии». Незначительный ресурсный потенциал (небольшие месторождения меди, молибдена и др. металлов) не привлек большого внимания инвесторов, что привело к отказу от переработки сырья и фактически лишило республику существенной части промышленного потенциала, но либерализация экономики позволила стимулировать предпринимательскую активность, что способствовало ее быстрому восстановлению (в 1995 г. ВВП вырос на 10% относительно 1992 г.)⁴.

При этом структура отраслей радикально изменилась: вместо сложной наукоемкой продукции химической промышленности, которая доминировала до 1990 г. (60% от ВВП), правительство стимулировало рост производства малогабаритных и неэнергоёмких продуктов (ювелирные изделия, добыча и переработка меди, сельскохозяйственная продукция), с тем чтобы обеспечить их экспорт в условиях транспортной изоляции.

³ Национальная служба статистики Грузии. URL: <https://www.geostat.ge/en>

⁴ По статистической базе данных UNCTAD. URL: http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?IF_ActivePath

Последующие спады были вызваны влиянием мировых кризисов. В 2009 г. наибольший спад был в Грузии (на 16% относительно предыдущего года, в том числе из-за прекращения торгово-экономических отношений с Россией после войны 2008 г.), в Армении ВВП сократился на 13%. Азербайджан, благодаря росту цен на энергоресурсы и введению в эксплуатацию новых месторождений, этих мировых катаклизмов практически не заметил – в 1998 г. рост ВВП превысил 10%, в 2009 г. составил чуть более 8%⁵.

Кризис 2014–2015 гг. был вызван падением цен на энергоресурсы, экономическим спадом в России, глобальным переходом от свободной конкуренции к геополитическому и санкционному внешнему давлению. На этот раз в большей степени был задет Азербайджан из-за неблагоприятной ценовой конъюнктуры на основные статьи его экспорта (спад темпов роста до 1,4% в 2014 г. и падение на 29,5% в 2015 г.). Армения падением ВВП на 9,2% в 2015 г. (против роста на 4,7% годом ранее) обязана в первую очередь «эффекту заражения» через интеграционные связи с Россией в рамках ЕАЭС. В Грузии экономический спад 2015 г. (минус 15,2% ВВП⁶) был связан с потерей доходов от транзита энергоресурсов, туристических потоков из-за геополитической конфронтации с Россией, высокой инфляции и волатильности национальной валюты [Иванов, 2019].

Кризис 2020 г. имел общемировой характер и был вызван введением ограничений экономической активности из-за пандемии коронавируса, а также падением спроса на энергоресурсы; для региона дополнительным кризисным фактором стала вторая Нагорно-Карабахская война, от которой в большей степени пострадала экономика Армении, как проигравшей стороны.

Экономику *Азербайджана* начало лихорадить уже в 2019 г., когда годовой темп роста упал до 1,3% (против 15% в 2018 г.) в связи с негативной динамикой спроса и цен на углеводороды. В 2020 г. валовой продукт сократился на 11,3% под влиянием обвала цен и спроса на экспортируемые энергоресурсы, карантина в первом квартале и ноябрьской военной кампании в Нагорно-Карабахской области. Совокупный объем инвестиций

⁵ База данных статистики Всемирного банка. Расчёты автора. TheWorld Bank/ URL: <https://data.worldbank.org/indicator>

⁶ Там же.

уменьшился на 4%, а в нефтегазовом секторе – на 18,8%, снижение объемов грузовых перевозок составило 19,6%, пассажирских – 40,5%, розничной торговли – 1,4%, услуг – 26,8%⁷. При этом возросла нагрузка на бюджет из-за роста военных и социальных расходов, связанных с необходимостью поддержки здравоохранения и пострадавших от карантина отраслей, а также резко выросшего количества безработных (на 45,2% по сравнению с 2019 г.⁸). Кризис сопровождался обесцениванием национальной валюты (манат), ростом государственного долга, при этом средства Государственного нефтяного фонда Азербайджана оставались в резерве. Неблагоприятная ситуация в денежно-кредитной системе вызвала рост социальной напряженности в первом полугодии 2020 г., но он был нивелирован победой в военном конфликте.

Для *Армении* 2020 г. был ознаменован не только экономическими потерями, но и кризисом государственности после поражения от Азербайджана. Падение ВВП на 7,6% было обусловлено преимущественно противопандемийными ограничениями. Это воспринималось особенно болезненно после ускоренного роста в предыдущий период (в 2019 г. ВВП вырос на 8,7%, промышленное производство – на 9%) и на фоне поражения в Нагорном Карабахе и привело к правительственному кризису. Проблемы восстановления армянской экономики связаны с потерей промышленного потенциала, снижением экспортной выручки, дефицитом государственных финансов и инвестиционных ресурсов, разрушением туристической отрасли и снижением поступающих в республику доходов мигрантов. Прямые военные потери оцениваются в пределах 1–1,5% от ВВП, потери от экспортных потоков интегрированной в армянскую экономику Нагорно-Карабахской области официально не учитываются [Мкртчян, 2020].

Валовой продукт *Грузии* по итогам 2020 г. упал на 11,3%, что было обусловлено потерями туристической отрасли, сокращением пассажирских и грузовых перевозок (в том числе – транзитных) и в целом ограничениями деловой активности и привело

⁷ Данные официальной статистики Госкомстата Азербайджанской Республики. URL: <https://www.stat.gov.az/>

⁸ Europe and Central Asia Economic Update, Spring 2021. URL: <https://www.worldbank.org/en/region/eca/publication/europe-and-central-asia-economic-update>

к резкому падению доходов госбюджета и населения. При этом резко ускорилась инфляция (цены товаропроизводителей за год выросли на 10%, а индекс потребительских цен – на 40,6%). Для поддержки населения и бизнеса Грузия была вынуждена прибегнуть к заимствованию у своего основного кредитора – МВФ. Суммарный объем ее обязательств перед фондом составил 5,5 млрд долл. (при этом совокупный внешний долг на конец 2020 г. достиг 19,7 млрд долл., или 120% от ВВП, а внешний государственный долг – 8,9 млрд долл., или 54% от ВВП); транш в 113 млн долл. в 2020 г. был полностью направлен на покрытие отрицательного платежного сальдо (дефицит счета текущих операций – 1,8 млрд долл., или 10,8% от ВВП)⁹. Рост долгового бремени республики на всех уровнях в условиях снижения притока инвестиций (на 30% за 2020 г.), сохраняющихся рисков пандемии, военных конфликтов, политической нестабильности ставит ее в крайне уязвимое положение и не позволяет эффективно развивать экономику.

Проблемы грузинской экономики заключаются в ее сервисной структуре, отсутствии промышленного экспортного потенциала, а, следовательно, и резервов по снижению уровня безработицы (18,3% по итогам 2020 г. – самый высокий показатель в регионе), преодолению бедности. Решение этих проблем возможно лишь при кардинальной смене геоэкономических ориентиров, возврате к индустриальной модели экономики, что невозможно в сложившихся условиях тотальной зависимости от внешних кредиторов, кураторов грузинской модели государственности.

Экономические модели южнокавказских республик

Страны южнокавказского региона, переживающие общие циклы турбулентности и становления государственности, реализуют различающиеся экономические модели.

Азербайджан – самая мощная в экономическом отношении страна в регионе, обладает значительными природными и ресурсными

⁹ Данные официальной статистики Национальной службы статистики Грузии.
URL: <https://www.geostat.ge/en>

богатствами (запасами нефти¹⁰ и газа¹¹, руд и неметаллических полезных ископаемых), диверсифицированными факторами производства, высоким потенциалом развития сельского хозяйства и туризма, хорошо развитой транспортно-логистической инфраструктурой. Выгодное географическое положение страны определяет ее широкие транзитные возможности.

Богатый ресурсный потенциал, благоприятные природно-климатические и географические условия предопределили экспортно-ориентированную сырьевую модель экономики республики, что обуславливает ее зависимость от ценовой конъюнктуры на мировых рынках сырьевых ресурсов, уязвимость перед внешними шоками и экстенсивный характер воспроизводства.

Основная проблема данной модели – это ярко выраженный дисбаланс развития, когда доминирование ресурсодобывающих отраслей (43% в 2012 г., 47,9% в 2018 г. и 40% в 2020 г.¹²) не сопровождается ростом неэнергетического сектора. В настоящее время доля добычи нефти и газа в ВВП превышает долю обрабатывающей промышленности в 10 раз, что существенно увеличивает риски азербайджанской экономики в условиях исчерпания нефтяных запасов, растущей сложности добычи газа [Новиков, 2021]. Рост затрат в сфере нефте- и газодобычи приводит к снижению рентабельности отрасли, а поддержание экспортного потенциала энергетического сектора требует все

¹⁰ Занимает 19-е место (2019 г.) в мире по доказанным объемам нефти 7 млрд барр. (1 млрд т), или 0,45% от всех мировых запасов, по данным ОПЕК. // Источник: ОПЕК, Annual Statistical Bulletin, 2020. // URL: https://www.opec.org/opec_web/en/press_room/6045.htm. Те же данные указывает актуальная статистика ВР, уточняя долю в мировых запасах до 0,4%. Источник: Statistical Review of World Energy 2020 (англ.) // URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf>

¹¹ По данным ОПЕК, объем доказанных месторождений газа составляет 1718 млрд м³ и занимает 21-е место в мире с долей 0,83%. // Источник: ОПЕК, Annual Statistical Bulletin, 2020. // URL: https://www.opec.org/opec_web/en/press_room/6045.htm. Данные ВР отличаются, общий объем доказанных месторождений природного газа составляет 2800 млрд куб. м и 1,4% от мировых запасов. // URL: Statistical Review of World Energy 2020 (англ.). URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf>

Данные правительства существенно отличаются, указывает цифра от 1,5 до 7 трлн м³ газа, включая сопутствующий газ при добыче нефти (т.н. «газовые шапки»).

¹² Данные официальной статистики Госкомстата Азербайджанской Республики. URL: <https://www.stat.gov.az/>

больше инвестиционных вливаний. Это закрепляет отраслевой дисбаланс и не позволяет формировать достаточные условия для ускоренного развития несырьевого сектора (что постоянно декларируется).

Доходы от экспорта энергоресурсов концентрируются в Государственном нефтяном фонде Азербайджана и направляются на финансирование крупных инфраструктурных проектов, поддержание социальной сферы.

В целом реализуемая в республике экономическая модель создает благоприятные условия для ускоренного роста валовых показателей в период высоких цен и растущего спроса на энергоресурсы, но остается крайне уязвимой в период низкого спроса. Цикличность экономического роста, несмотря на растущий поток экспортной выручки, не позволяет обеспечить равномерное экономическое развитие. Эффективному развитию несырьевых секторов препятствует также преимущественно олигопольный тип конкуренции.

Армения не имеет значительных природных ресурсов, при благоприятных климатических условиях здесь в дефиците земли, пригодные для земледелия. Из производственных факторов ее главный ресурс – квалифицированные кадры. Страна не имеет выхода к морским торговым путям, соседство с исторически враждебными крупными исламскими странами, нестабильной Грузией часто ставит ее в режим транспортной изоляции.

Исходный ресурсный потенциал определяет специфику армянской экономики, которая представлена системой мелкотоварных производств, сосредоточенных в АПК, предприятиями по добыче медной руды и производству строительных материалов, развитыми финансовым сектором и сферой услуг. Экспортный потенциал формируется за счет продукции сельского хозяйства, меди, обработанных драгоценных камней и ювелирных изделий.

Высокий уровень предпринимательской активности обеспечивает быструю адаптивность экономической системы, условия конкуренции приближены к свободному рынку, за исключением экспортоориентированных секторов. Однако внутреннее потребление ориентировано на импорт, что предопределяет высокую зависимость от внешних факторов как уровня потребительских цен и инфляции, так и частоты циклических спадов.

Гибкость экономической модели в периоды благоприятной внешней конъюнктуры обеспечивает высокие темпы роста ВВП, но не позволяет решить проблему бедности населения. Потребительский спрос и финансирование социальных проектов (в части инфраструктурной поддержки) во многом поддерживаются за счет денежных переводов мигрантов и диаспоральных финансовых вливаний.

Сложившаяся отраслевая структура отличается большим удельным весом торговли и сектора услуг, туристической и гостиничной сферы. Дилеммой экономической модели Армении является зависимость ее роста от внутреннего спроса. Поскольку тот во многом удовлетворяется за счет импорта, его стимулирование ведет к росту импорта и как следствие – к усилению внешней финансовой зависимости и долгового бремени государства. А экстенсивный характер воспроизводства требует наращивания прямых инвестиций, чему препятствуют сохраняющиеся риски политической и военной нестабильности в регионе. Тридцатилетний опыт функционирования данной модели показывает ее высокую уязвимость [Маркаров, Давтян, 2020].

Грузия также не имеет значимой ресурсной базы, масштабы ее экономики малы. Однако благоприятный климат, выгодное географическое положение и максимальный уровень либерализации [Аккиева, 2019] обеспечивают динамичность ее макроэкономических параметров. Среднегодовые темпы роста ВВП в периоды подъемов составляют 5–7%. Источниками этого роста являются туристический сектор (42% в структуре ВВП по итогам 2019 г.), ресторанный бизнес и услуги населению (19%) и транзит энергоресурсов (8%). Промышленный и сельскохозяйственный потенциал страны был практически утрачен за годы реформ. Почти полная зависимость от импорта продукции, обеспечивающей внутренний спрос, делает экономику Грузии чрезвычайно уязвимой в вопросах продовольственной и экономической безопасности [Дёгтев и др., 2016], поэтому ей также свойственна дилемма экономического роста армянской модели.

Помимо вышеназванных факторов, экстенсивный экономический рост в Грузии обеспечивают финансовые вливания международных кредиторов, направленные на развитие рыночных институтов и увеличивающие долговое бремя. Подобная модель

демонстрирует не просто уязвимость, а тотальную зависимость экономики от внешних рынков¹³.

Различия в обеспеченности производственными факторами, степени развития экономических свобод, финансового, инвестиционного и ресурсного потенциалов, условий внешней торговли предопределяют разницу в темпах и качестве экономического роста стран Южного Кавказа.

За годы независимости ВВП на душу населения в Азербайджане вырос с 4394 долл. в 1992 г. до 14431 долл. в 2020 г. (особенно бурный рост наблюдался в 2000–2010 гг., затем среднегодовые темпы составили 3,9%); в Армении – с 1626 долл. до 13261 долл. (за 2010–2020 гг. прирост 82,1%) и в Грузии – с 1711 долл. до 14918 долл. (прирост в 2010–2020 гг. 97,8%)¹⁴. Все три страны по этому показателю существенно отстают от мировых лидеров и относятся к группе умеренно развитых экономик. Примечательно, что Армения и Грузия, несмотря на низкий экономический потенциал, показывают практически такой же результат, как Азербайджан, что свидетельствует о сопоставимом уровне рисков и потенциале действующих экономических моделей.

Различия экономических моделей не оказывают заметного влияния на уровень инвестиций по отношению к ВВП, среднее значение данного показателя за 30 лет у Азербайджана – 26,9%, у Армении – 23,8% и у Грузии – 22,4%. Но если объем накопленных инвестиций на единицу валового продукта практически одинаков во всех странах, то различия в уровне валовых сбережений к ВВП, отражающие внутренний потенциал развития экономики, существенно различаются. В Азербайджане его среднее значение за тот же период составляет 25,9%, в Армении – 12,32% и в Грузии – показатель отрицательный¹⁵, что отражает низкий уровень доходности экономики и жизни населения и неэффективность экономической модели. Таким образом, по итогам 30 лет

¹³ Грузия: особенности экономического роста. Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. Аналитический центр при Правительстве РФ, вып. № 46, 2019.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Рассчитано автором по статистической базе данных World Economic Outlook Международного валютного фонда. URL: <http://www.imf.org/external/country/>

наиболее успешно развивалась азербайджанская экономика благодаря ее значительному ресурсному потенциалу.

Экономические модели всех трех стран, отличаясь по источникам развития, отраслевой структуре и другим характеристикам, демонстрируют высокий уровень цикличности и зависимости от внешних факторов.

Макроэкономика и основные проблемы

Несмотря на нестабильность и сохраняющиеся военно-политические, экономические риски, все три республики имеют потенциал роста и развития, о чем свидетельствуют их макроэкономические показатели.

Азербайджан. Динамика темпов роста ВВП республики в полной мере отражает этапы становления и развития энергетического комплекса и циклы мирового энергетического роста. В 1992–1995 гг. в период рыночных реформ и подготовки контрактов на добычу нефти экономика сокращалась со скоростью 18,5% ежегодно (среднее значение за период), в 1995–2000 гг. среднегодовые темпы роста уже составляли 7,3% ВВП, в 2000–2005 гг. – 12,1% и в 2005–2010 гг. – 15,9%. Затем темпы падают до 2,5% в 2010–2015 гг. и 0,002% в 2015–2020 гг.

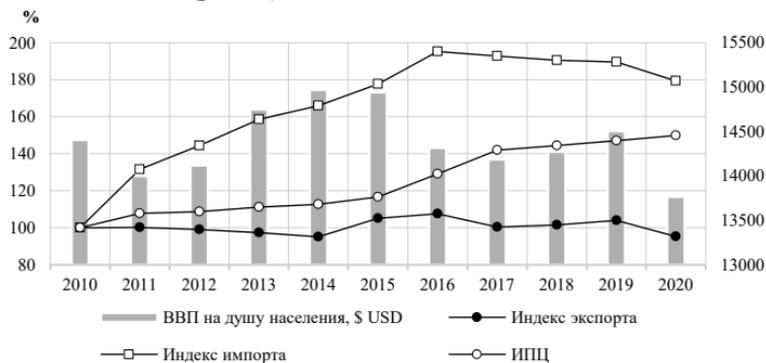
Ускоренный рост 2000-х годов был обеспечен разработкой нефтяных месторождений Азери, Чираг и Гюнешли (оператор – «Азербайджанская международная операционная компания», начало работ соответственно в 1997 г., 2005 г. и 2008 г.)¹⁶ и комплекса месторождений Шах-Дениз (добыча ведется с 2006 г. несколькими компаниями под контролем BP)¹⁷. К концу 2015 г. добыча нефти выросла до 1 млн барр., газа – до 18,2 млрд м³, что и определило бурный рост экономики.

Рост объемов добычи и экспорта энергоресурсов происходил в период чрезвычайно благоприятной ценовой конъюнктуры, что также стимулировало увеличение валовых показателей (ценовой фактор). Однако изменение тренда на мировых рынках

¹⁶ Статистическая база данных BP. Источник: Statistical Review of World Energy 2020 (англ.) // URL: http://www.bp.com/en_az/caspian/operationsprojects/ACG/projecthistory.html.

¹⁷ Статистическая база данных BP. Источник: Statistical Review of World Energy 2020 (англ.) // URL: http://www.bp.com/content/dam/bp-country/en_az/pdf/legalagreements/PSAs/SD-PSA.pdf.

и падение спроса и цен на энергоресурсы весьма ощутимо сказались на экономике Азербайджана [Исмаилова, 2020]: объемы ВВП сократились на 30% за 2015–2016 гг. и на 11% в 2019–2020 гг. (рис. 1).

Источник. Составлено автором по базе данных официальной статистики Госкомстата Азербайджанской Республики. URL: <https://www.stat.gov.az/>

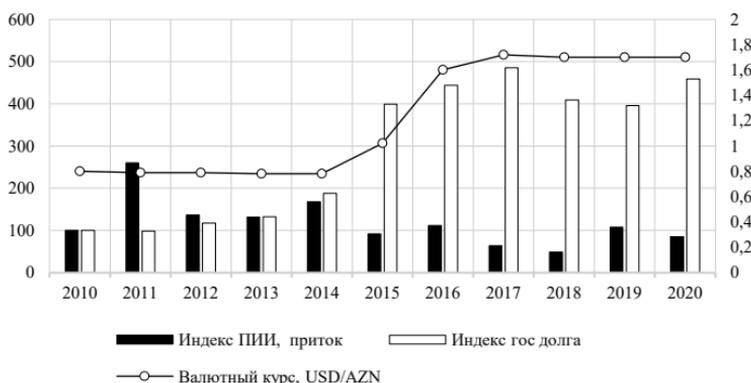
Рис. 1. Динамика макроэкономических показателей Азербайджана в 2010–2020 гг. Душевой ВВП – правая шкала, индексы – левая шкала (2010 г. = 100)

Прямая зависимость экономики республики от энергетического сектора подтверждается опережающими темпами роста экспорта, в котором на долю нефти и газа приходится более 80%, и обратной корреляцией с показателем динамики импорта, а также удельным весом энергосектора в доходах и расходах государственного бюджета (в периоды пиковых значений добычи и экспорта экспортная выручка от продажи нефти и газа формировала 40–60% доходов и 80–90% всех расходов государства) [Мигранян, 2021].

Чрезвычайно высока зависимость экономики Азербайджана и от импорта, за счет которого удовлетворяется до 95% потребностей в товарах повседневного спроса и более половины потребностей – в продуктах питания. Это в свою очередь предопределяет высокий уровень индекса потребительских цен (ИПЦ) и инфляции. Среднегодовой темп прироста ИПЦ за 2010–2020 гг. составил около 28%, а инфляции по экономике в целом – 5% (рис. 1). Это свидетельствует о высоком уровне инфляционной нагрузки на население и дотационном характере поддержки

производителей, за счет ограничения цен которых удается сдерживать инфляцию в экономике в целом.

Инфляционное давление на потребительский сектор поддерживается волатильностью курса национальной валюты – маната, который за последние 10 лет подешевел в два с лишним раза (рис. 2). В совокупности высокие темпы роста цен и падение покупательной способности маната определяют высокие темпы роста валовых показателей и низкие – экономического развития, о чем свидетельствует сохраняющаяся сырьевая отраслевая структура экономики.

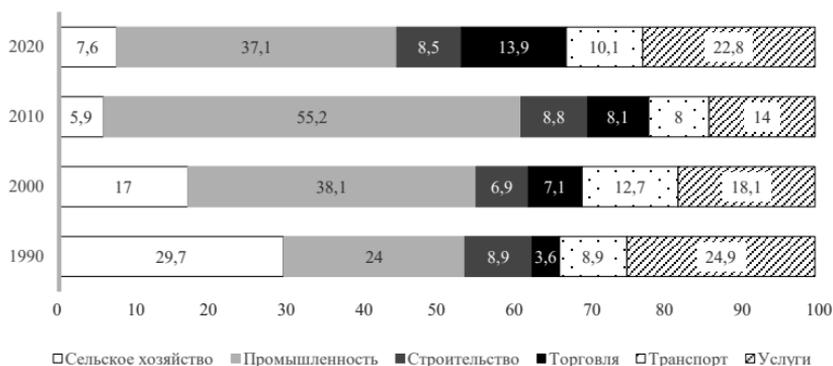
Источник. Составлено автором по базе данных официальной статистики Госкомстата Азербайджанской Республики. URL: <https://www.stat.gov.az/>

Рис. 2. Показатели финансовой безопасности Азербайджана в 2010–2020 гг. Валютный курс – правая шкала, индексы – левая шкала (2020 г. = 100)

К 2010 г. отраслевая структура азербайджанской экономики была далека от сбалансированной (рис. 3). Рост в ней удельного веса промышленного сектора до 55,2% от ВВП объясняется беспрецедентным ростом объемов и цен нефтегазовой добычи (доля этого сегмента в объеме промышленного производства достигла в тот год своего максимума 78%), в то время как вклад сельского хозяйства сократился до 5,9% от ВВП, строительства – 8,8%, торговли – 8,1%, транспортных услуг – 8% и сервисных отраслей – 14%.

Кризис 2014–2015 гг. побудил власти в 2018 г. принять новую стратегию развития экономики, которая предусматривала

стимулирование инвестиций в несырьевые секторы. Перерабатывающие отрасли в результате действительно начали расти в среднем на 1,5–3% ежегодно. В 2020 г. в период кризисного спада доля промышленного сектора снизилась до 37,1% (нефтегазового – до 51,9% в объеме промышленного производства), доля строительства почти не изменилась, вырос удельный вес сельского хозяйства, торговли, транспорта и сервисных услуг. Рост сферы услуг и несырьевых отраслей до 48% в валовом объеме промышленного производства обеспечили увеличение занятости и доходов населения (заработных плат). Однако развитие несырьевого сегмента экономики идет довольно медленно, что обусловлено действующей экономической моделью.

Источник. Составлено автором по базе данных официальной статистики Госкомстата Азербайджанской Республики. URL: <https://www.stat.gov.az/>

Рис. 3. Отраслевая структура экономики Азербайджана в 1990–2020 гг., %

Переориентация инвестиционных потоков на сервисный и перерабатывающий секторы требует увеличения доходов экономики, что в условиях кризиса на мировых рынках предполагает наращивание физических объемов добычи и экспорта энергоресурсов [Эйюбов, 2019]. В условиях доминирования прямых инвестиций в энергетический сектор их высокие темпы роста в годовом исчислении коррелируют с темпами роста ВВП, энергетического сектора промышленности и экспорта. Это говорит о действующей в республике модели экстенсификации экономики за счет расширения мощностей сырьевого сектора

и развития экспортной инфраструктуры. Увеличение социальных расходов, объемов поддержки нессырьевых отраслей и военного сектора в периоды кризисов приводит к росту государственного долга (рис. 2) из-за необходимости компенсации выпадающих доходов от энергосектора (максимум был в 2018 г. – 48% от ВВП, минимум в 2012 г. – 7,3%, в 2020 г. – 20%).

Растущий уровень внешней задолженности создает дополнительное финансовое давление на экономику и обуславливает ее инерционное развитие с выраженным трендом снижения эффективности, о чем свидетельствует сокращение подушевого ВВП, который в период восстановления после очередного спада некоторое время остается на низком уровне (рис. 1). Таким образом, азербайджанская экономика в обозримой перспективе, вероятнее всего, сохранит сырьевую экспортоориентированную модель с высоким уровнем динамичности валовых показателей и прямой зависимостью от циклов на мировых энергетических рынках.

Армения. Ее скромная по масштабам экономика характеризуется сглаженными циклами и невысокими темпами роста, который опирается преимущественно на динамику внутреннего потребления населения и государства. Экономическая модель сохраняет высокий уровень рисков из-за нестабильной военно-политической обстановки, слабой ресурсной базы и финансовой зависимости от внешних источников финансирования потребительского спроса (денежные переводы мигрантов в 1995–2020 гг. составляли в среднем 14% от ВВП в год¹⁸, плюс есть диаспоральные вливания) и внешних же инвестиций.

Среднегодовые темпы экономического роста по основным циклам имеют следующие значения: в трансформационный период 1990–1995 гг., как и в сопредельных странах, наблюдался спад ВВП в среднем за год на 10%. Но восстановительный рост начался уже в 1993 г. и шел более высокими темпами, чем у соседей, благодаря гибкости мелкотоварного типа хозяйствования, имеющимся зачаткам рыночных отношений в теневом секторе республики еще со времен плановой системы.

В 1995–2000 гг. среднегодовой рост ВВП составлял 4,6%, в 2000–2005 гг. достиг 11,5%, что было обусловлено благоприятной

¹⁸ В 2013 г. уровень денежных переводов в Армению составлял 19,7% от ВВП, а в 2020 г. – 10,5%, наибольший объем переводов поступает из РФ. Данные Всемирного банка, расчеты автора.

внешнеэкономической конъюнктурой (стабильные цены на импорт) и далее постепенно снижался: в 2005–2010 гг. – 6% в среднем за год, в 2010–2015 гг. – 4% и в 2015–2020 гг. – 2,7%¹⁹. Понижительный тренд темпов экономического роста Армении связан с неблагоприятной конъюнктурой на мировых отраслевых рынках и ситуацией в странах ЕАЭС (особенно в России), в целом рецессией мировой экономики, геополитическими факторами и кризисами 2014–2015 и 2020 гг.

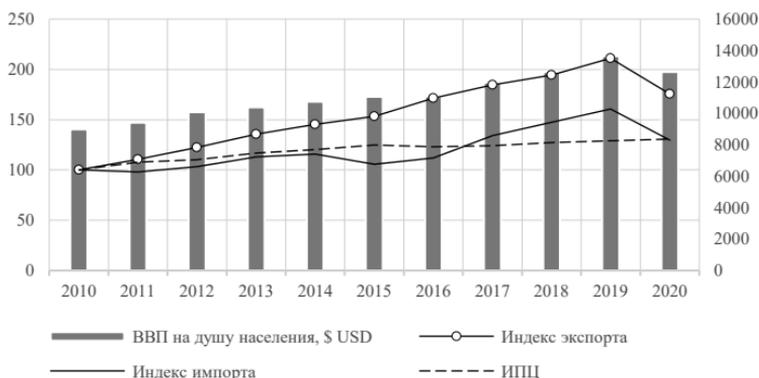
Обусловленная реализуемой моделью зависимость армянской экономики от внешних денежных поступлений и покупательной способности населения, порождает чувствительность к темпам роста стран, принимающих мигрантов из республики. Высокий уровень потребления импортной продукции повседневного спроса приводит к прямой зависимости ВВП от цен на импортные товары, устойчивости валютного курса и волатильности мировых рынков. Высокий удельный вес инвестиций и кредитов в экономике (пиковое значение внешних капиталовложений – 94,5% от ВВП – было достигнуто в 2011 г.) делает ее зависимой от стоимости и доступности этих ресурсов. При этом определяющую роль в решении проблем недостаточности инвестиционных и кредитных ресурсов для армянской экономики играют сохраняющиеся риски военной конфронтации вокруг Нагорного Карабаха, которые негативно влияют на инвестиционную привлекательность страны.

Экономический рост в 2010–2020 гг. сохранял высокие темпы между кризисными спадами 2012 г., 2015 г. и 2020 гг. (рис. 4), вызванными влиянием кризиса в России в 2014–2015 гг. (эффекты заражения в рамках ЕАЭС) и коронакризисом в 2020 г. При этом величина ВВП на душу населения оставалась высокой для региона и характеризовалась устойчивым планомерным ростом в среднем на 10,2% в год.

Восстановление экономики каждый раз происходило преимущественно за счет наращивания экспортной выручки и внешних инвестиций в республику. Динамика экспорта демонстрирует значительные циклические колебания. Устойчивый рост с темпами около 8% ежегодно наблюдался в 2017–2019 гг. после

¹⁹ Рассчитано автором по статистической базе данных World Economic Outlook Международного валютного фонда. URL: <http://www.imf.org/external/country/>

прохождения периода адаптации в Евразийском экономическом союзе, что открыло стабильный доступ к рынкам сбыта продукции АПК, а сотрудничество с ЕС в рамках ассоциированного соглашения об экономическом партнерстве позволяет поддерживать высокий уровень экспорта в страны Европы руд и драгоценных камней.

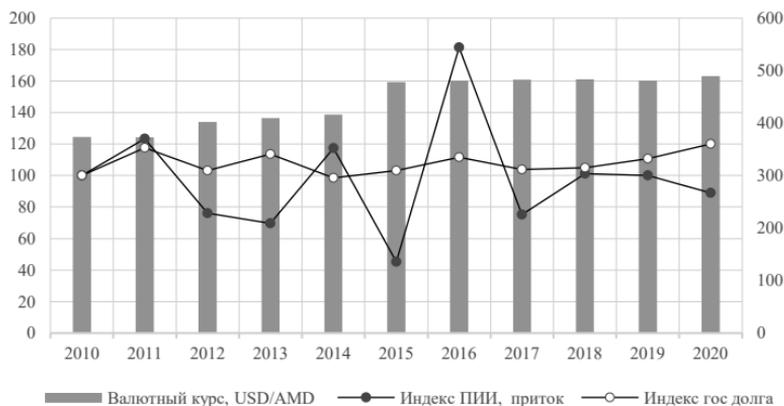
Источник. Составлено автором по базе данных официальной статистики Стат. комитета Республика Армения. URL: <https://www.armstat.am/file/doc/99525133.xls>

Рис. 4. Макроэкономические показатели экономики Армении в 2010–2020 гг. Правая шкала – ВВП, левая шкала – индексы (2010 г. = 100)

Импорт растет медленнее экспорта (рис. 4), что позволяет улучшать состояние платежного баланса, но не решает проблему дефицита финансовых ресурсов (оттока капитала)²⁰. Умеренные темпы роста импорта, в отличие от азербайджанской экономики, не коррелируют с динамикой инфляции и ИПЦ. Основной фактор инфляционного давления в республике – характер ее денежно-кредитной политики: высокая ставка учетного процента, дорогие кредитные ресурсы, избыточная денежная масса и резервирование средств на государственном уровне (в большинстве своем из кредитных источников). Дорогие кредиты не позволяют бизнесу наращивать производство, проводить модернизацию, а внутренний спрос покрывается за счет внешних источников (валютные

²⁰ Основные предварительные макроэкономические показатели, полученные по текущим оперативным сводкам, характеризующие социально-экономическое положение РА // URL: <https://www.armstat.am/file/doc/99520603.pdf>

поступления от мигрантов и диаспоральная помощь), в результате банковская система проводит закачку национальной валюты для поддержания стабильности валютного курса, причем все последующие издержки покрываются из государственных фондов. При этом за счет государственного регулирования цен производителей инфляция в целом по экономике растет медленнее ИПЦ, что свидетельствует об инфляционном подогреве внутреннего спроса (рис. 4). Ускоренные темпы роста цен для населения по товарам конечного потребления хотя и обеспечивают рост стоимостных объемов ВВП, приводят к снижению уровня жизни, особенно на фоне высокой безработицы (до 15% по итогам 2020 г.) и снижающегося курса национальной валюты (рис. 5).

Источник. Составлено автором по базе данных официальной статистики Стат. комитета Республика Армения. URL: <https://www.armstat.am/file/doc/99525133.xls>

Рис. 5. Показатели финансовой безопасности Армении.
Правая шкала – обменный курс,
левая шкала – индексы (2010 г. =100)

Показатели финансовой безопасности Армении характеризуются высоким уровнем риска: устойчивый рост государственного долга, нестабильный понижательный тренд динамики прямых инвестиций и растущий курс доллара по отношению к драму (рис. 5). Уровень государственного долга к ВВП (62,8%) говорит о высокой вероятности технического дефолта.

Проблемы армянской экономики (особенно в части развития производственного потенциала) подпитывают сохраняющиеся

риски новых конфликтов вокруг Нагорного Карабаха, зависимость от внешних кредиторов, дефицит государственных финансов, рост миграционного оттока и безработицы. Для их решения нужно разблокировать коммуникации, урегулировать внешнеполитические конфликты, реализовать эффективные стимулы для ускоренного роста промышленного сектора.

Грузия. Ее экономика после выхода из СССР развивалась по наиболее драматичному сценарию. Кроме потерь, связанных с переходом на рыночные отношения, республика получила значительный урон от дестабилизации внутривнутриполитической ситуации и межэтнических конфликтов. Ее промышленный потенциал был практически утрачен, и экономика ориентировалась в основном на сервисные отрасли (с доминированием туризма). Это подтверждается данными среднегодовых темпов роста ВВП республики. В 1990–1995 гг. экономика сокращалась в среднем на 20,6% в год, восстановительный рост начался лишь к концу 1995 г. Стабилизация политической ситуации и завершение рыночных реформ привели к длительной фазе роста в среднем на 5,4% в 1995–2000 гг. и 6,4% в 2000–2005 гг.²¹ Но в 2008 г. последовал новый резкий спад, который был связан с войной в Южной Осетии и последующим разрывом отношений с основным экономическим партнером – Россией. Его частично удалось компенсировать кредитными вливаниями и донорской поддержкой ЕС после подписания ассоциированного соглашения в режиме ЗСТ+ (всеобъемлющее сотрудничество). Тем не менее после 2005 г. в разрезе пятилетних периодов среднегодовые темпы роста экономики устойчиво снижались: 6,1% – в 2005–2010 гг., 5,2% – в 2010–2015 и 2,4% – в 2015–2020 гг.

В целом динамика экономического роста республики после 2010 г. показывает нестабильный рост с кризисными спадами (рис. 6), совпадающими с периодами кризисов в мировой экономике из-за высокого уровня зависимости от туризма и импорта, который практически полностью покрывает внутренний спрос. Начиная с 2010 г. туристический сегмент и сопровождающие его сервисные услуги составляют более 40% грузинской экономики. Внешнеэкономическая активность республики циклична, отличается равномерностью темпов роста импорта и экспорта

²¹ Рассчитано автором по статистической базе данных World Economic Outlook Международного валютного фонда. URL: <http://www.imf.org/external/country/>

и связана с факторами платёжеспособности населения и циклами инвестиционных проектов.

Источник. Составлено автором по базе данных официальной статистики Национальной службы статистики Грузии. URL: <https://www.geostat.ge/en>

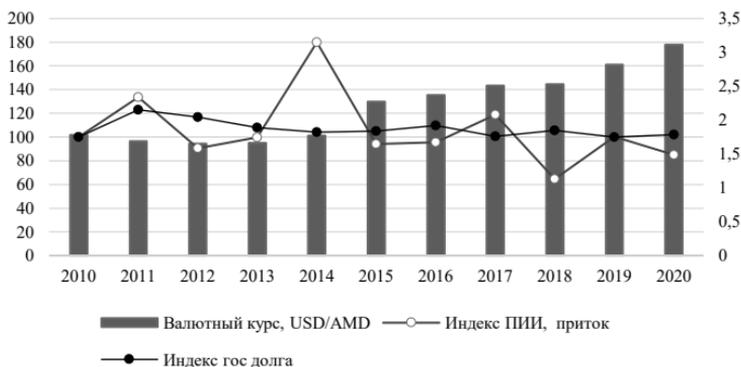
Рис. 6. Макроэкономические показатели Грузии в 2010–2020 гг.
Правая шкала – ВВП на душу населения,
левая шкала – индексы.

Темпы роста потребительских цен в республике – самые высокие в регионе (17% в среднем за год в течение 2010–2020 гг.), что вызвано политикой либерализации экономики по требованиям МВФ как основного кредитора (особенно в части ценообразования и тарифов на социально значимые услуги: электроэнергия, тепло и т.п.). Инфляцию в целом сдерживают низкие темпы роста цен у производителей, объясняющиеся невысокой конкурентоспособностью их продукции на внешних рынках.

Экономика Грузии сохраняет высокий уровень рисков потери финансовой независимости из-за растущего госдолга, хронического дефицита государственного бюджета (в конце 2020 г. достиг 9,3% от ВВП) и снижения темпов роста прямых инвестиций (рис. 7).

Обесценивание лари относительно доллара усугубляет ситуацию социальной напряженности в республике. При сохраняющейся высокой деловой активности населения потери туристической индустрии ведут к росту безработицы, что ускоряет падение уровня жизни населения. На этом фоне власти вынуждены

увеличивать расходы по социальной поддержке населения, что противоречит требованиям МВФ, приводит к росту бюджетного дефицита и внешней задолженности.

Источник. Составлено автором по базе данных официальной статистики Национальной службы статистики Грузии. URL: <https://www.geostat.ge/en>

Рис. 7. Показатели финансовой безопасности Грузии в 2010–2020 гг. Правая шкала – обменный курс, левая шкала – индексы (2010 г. =100)

Исследование основных параметров развития экономик стран Южного Кавказа позволило выявить разные экономические модели стран региона, отсутствие их экономического взаимодействия, высокий уровень зависимости от внешних факторов, механизмы влияния которых различаются в зависимости от специфики реализуемой модели. Ни одна из республик не способна преодолеть имеющиеся у нее проблемы и обеспечить устойчивый рост и развитие национальной экономики.

Сырьевая экспортоориентированная модель Азербайджана требует поддержания экспортного потенциала на высоком уровне, что стимулирует власти страны к наращиванию инвестиций в энергетический комплекс и развитие нефте- и газотранспортной инфраструктуры, обеспечивающий выход на международные рынки. Заинтересованность Баку в развитии энергетического сектора формирует и региональный интеграционный потенциал, что отражается на растущей зависимости Грузии от транзита энергоносителей через свою территорию.

Армения продолжает испытывать проблемы, связанные с транспортной изолированностью, дефицитом инвестиционных ресурсов и высоким уровнем зависимости от внешних рынков. Проблема миграционного оттока обострилась после второй Нагорно-Карабахской войны и роста зависимости от денежных переводов мигрантов и диаспор. Это стимулирует власти республики к разблокировке транспортных коммуникаций, но в отличие от Азербайджана Армения будет стремиться к участию в широкой многосторонней интеграционной схеме, предполагающей участие в новых транспортных коридорах России и Ирана, что позволит ей отстаивать национальные интересы после проигрыша в войне.

Замкнутость грузинской экономики на локальных сервисных отраслях и туризме существенно снижает экономический и интеграционный потенциалы страны. Максимальная либерализация ее экономики по лекалам МВФ и ЕС не позволяет стимулировать экономический рост через механизмы государственной поддержки. Транзитное положение усугубляет зависимость от ситуации на внешних рынках, но обеспечивает дополнительный приток валюты в периоды экономического роста.

В целом турбулентность экономик всех Южно-Кавказских республик обусловлена низким уровнем их конкурентоспособности, но имеющиеся ресурсный, географический и климатический потенциалы создают достаточный уровень для поступательного экономического развития. Ориентация на внешние рынки требует активизации интеграционных процессов внутри региона, но инерционность реализуемых стратегий экономического развития будет способствовать консервации проблем и их сглаживанию, что способствует сохранению действующих экономических моделей.

Литература

Аккиева С. И. Внедрение европейской интеграции на Южном Кавказе: мнение ЕС и России // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 11. Электронный журнал. URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnal/pap/2019/11/politics/akkieva.pdf, DOI: <https://doi.org/10.24158/pep.2019.11.1>.

Андропова И. В., Катамадзе А. Трансформация экономической политики Грузии // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2018. Т. 26. № 2. С. 212–223 DOI: 10.22363/2313–2329–2018–26–2–212–223.

Бекларян Э. А. Современные политические процессы в странах Южного Кавказа // Теория и практика общественного развития. 2011. № 3. С. 214–216.

Гаджиев К. С., Примова Э. Н. Природа политических режимов стран Южно-кавказских государств // Мир и политика. 2012. № 5 (68). С. 7–17.

Гаспарян Д. М. Южный Кавказ как перекресток международных интересов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 3. С. 61–67.

Дёгтев А. С., Маргоев А. Р., Токарев А. А. Экономика Грузии в пространстве противоречий региональных держав // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № (2(47)). С. 219–233. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-2-47-219-233>

Жуков С., Резникова О. Центральная Азия и Азербайджан: долгосрочные энергетические стратегии // Кавказ и глобализация. 2012. № 2. Т. 6. С. 114–144.

Захаров В. А., Арешев А. Г. (2010). Кавказ после 08.08.08: старые игроки в новой расстановке сил. М.: Изд. «Квадрила». 272 с.

Зоидов К. Х., Зоидов З. К. Эволюция трансформационных экономических систем стран Южного Кавказа в условиях интеграции и глобальной нестабильности // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. № 9. С. 188–202.

Иванов С. М. Южный Кавказ в региональной геополитике // Дипломатическая служба. 2019. № 2 (83). С. 41–52.

Исмаилова Л. Г. К вопросу российско-азербайджанских торгово-экономических отношений // Наука, техника и образование. 2020. № 4 (68). С. 79–83.

Крылов А. Б. Особенности современного этапа развития Южного Кавказа // Архонт, 2017. № 3. С. 4–7.

Маркаров А. А., Давтян В. С. Социально-экономическая ситуация в Армении в период пандемии COVID-19: влияние карантинных мер на энергетический сектор // Геоэкономика энергетики. 2020. № 4 (12). С. 59–76.

Мигранян А. А. Социально-экономическая ситуация в странах Южного Кавказа в период пандемии коронавируса // Постсоветский материк. 2021. № 3 (31). С. 68–81. DOI: 10.48137/2311-6412_2021_3_68.

Мкртчян Т. На пути преодоления «большого локдауна»: восстановление или новый спад? // Вестник Армянского государственного экономического университета. 2020. № 4. С. 42–61.

Новиков В. В. Геополитические и экономические факторы развития энергетического сектора Азербайджана и Турции // Геоэкономика энергетики. 2021. № 1 (13). С. 157–174. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_13_1_157

Петрова С. В., Сляднева Г. В. Политическая ситуация в регионе южного Кавказа в контексте геополитических и цивилизационных процессов // Вестник Томского Государственного педагогического университета. 2015. № 2 (155). С. 72–77.

Социально-экономическое развитие постсоветских стран: итоги двадцатилетия // Отв. ред. Л. Б. Вардомский. М.: ИЭ РАН, 2012. С. 167–238.

Чо Ё. Развитие сотрудничества стран на Южном Кавказе в сфере железнодорожного транспорта. Роль международного режима после Карабахской войны // Мировая политика. 2021. № 1. DOI: 10.25136/2409-8671.2021.1.35008 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35008

Эйбов М. Р. Макроэкономическая модель безопасного функционирования национальной экономики Азербайджана в долгосрочном периоде // Управление. 2019. № 2. С. 71–86.

Статья поступила 18.03.2022.

Статья принята к публикации 08.04.2022

Для цитирования: Мигранян А.А. Южный Кавказ: 30 лет турбулентности // ЭКО. 2022. № 5. С. 29–59. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2022-5-29-59.

Summary

Migranyan, A.A., *Doct. Sci. (Econ.), Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

South Caucasus: 30 Years of Turbulence

Abstract. The paper examines the political processes of formation of statehood of the post-Soviet republics of the South Caucasus, the problems of ensuring military and political security, democratization of political institutions and stability in the region. Socio-economic peculiarities of the formation and development of the countries of the region are studied, the distinctive features of the economic systems formed in them are revealed. The author defines the factors and economic potential of the republics that influence the choice of models of foreign economic cooperation and integration preferences. The main macro-economic parameters of the national economies have been assessed, the features of economic models have been revealed, the cyclical nature of economic development of the republics of South Caucasus has been justified.

Keywords: *political systems; state institutions; economic model; stages of economic development; economic potential; South Caucasus; Azerbaijan; Armenia; Georgia*

References

Akkieva, S.I. (2019). Introduction of European integration in the South Caucasus: opinion of the EU and Russia. Society: politics, economics, law., No. 11. *electronic journal*. Available at: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/pep/2019/11/politics/akkieva.pdf. DOI: <https://doi.org/10.24158/pep.2019.11.1>.

Andronova, I.V., Katamadze, A. (2018). Transformation of economic policy of Georgia. *Bulletin of RUDN*. Series: Economics. T. 26. No. 2. Pp. 212–223. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313–2329–2018–26–2–212–223.

Beklaryan, E.A. Modern political processes in the countries of the South Caucasus. *Theory and practice of social development*. 2011. No. 3. Pp. 214–216. (In Russ.).

Cho, Yo. (2021). Development of cooperation between countries in the South Caucasus in the field of railway transport. The role of the international regime after the Karabakh war. *World policy*. No. 1. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409–8671.2021.1.35008. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35008

Degtev, A.S., Margoev, A.R., Tokarev, A.A. (2016). The economy of Georgia in the space of contradictions of regional powers. *Bulletin of MGIMO-University*. No. 2(47). Pp. 219–233. (In Russ.). <https://doi.org/10.24833/2071–8160–2016–2–47–219–233>

Eyubov, M.R. (2019). Macroeconomic model of safe functioning of Azerbaijan's national economy in long-term period. *Management*. No. 2. Pp. 71–86. (In Russ.).

Gasparyan, D. M. (2009). South Caucasus as a crossroads of international interests. *News of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen*. No. 3. Pp.61–67. (In Russ.).

Hajiev, K.S., Primova, E.N. (2012). Nature of political regimes of the countries of the South Caucasus states. *Peace and politics*. No. 5 (68). C. 7–17. (In Russ.).

Ismailova, L. G. (2020). To the issue of Russian-Azerbaijani trade and economic relations. *Science, technology and education*. No. 4 (68). Pp. 79–83. (In Russ.).

Ivanov, S.M. (2019). South Caucasus in regional geopolitics. *Diplomatic service*. No. 2 (83). Pp. 41–52. (In Russ.).

Krylov, A.B. (2017). Features of the modern stage of development of the South Caucasus. *Archont*. No. 3. Pp. 4–7. (In Russ.).

Markarov, A.A., Davtyan. V.S. (2020). The socio-economic situation in Armenia during the COVID-19 pandemic: the impact of quarantine measures on the energy sector. *Geoeconomics of Energy*. No. 4 (12). Pp. 59–76. (In Russ.).

Migranyan, A.A. (2021). Socio-economic situation in the countries of the South Caucasus during the coronavirus pandemic. *Post-Soviet mainland*. No. 3 (31). Pp. 68–81. (In Russ.). DOI: 10.48137/2311–6412_2021_3_68

Mkrtchyan, T. (2020). On the way to overcoming the “big lockdown”: recovery or a new recession? *Bulletin of the Armenian State University of Economics*. No. 4. Pp. 42–61. (In Russ.).

Novikov, V.V. (2021). Geopolitical and economic factors of development of the energy sector of Azerbaijan and Turkey. *Geoeconomics of energy*. No. 1 (13). Pp. 157–174. (In Russ.). DOI: 10.48137/2687–0703_2021_13_1_

Petrova, S.V., Slyadneva, G.V. (2015). The political situation in the region of the southern Caucasus in the context of geopolitical and civilizational processes. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University (TSPU Bulletin)*. No. 2 (155). Pp.72–77. (In Russ.).

Socio-economic development of the post-Soviet countries: the results of the twentieth anniversary. (2012). Ed. L. B. Vardomsky. Moscow. IE RAS, Pp. 167–238. (In Russ.).

Zakharov, V.A., Areshev, A.G. (2010). *Caucasus after 08.08.08: old players in a new alignment of forces*. Moscow. Quadrila Publ. 272 p. (In Russ.).

Zhukov, S., Reznikova, O. (2012). Central Asia and Azerbaijan: long-term energy strategies. *Caucasus and globalization*. No. 2. Vol. 6. Pp. 114–144. (In Russ.).

Zoidov, K.H., Zoidov, Z.K. (2014). Evolution of transformational economic systems of the countries of the South Caucasus in conditions of integration and global instability. *Regional problems of economic transformation*, No. 9. Pp. 188–202. (In Russ.).

For citation: Migranyan, A.A. (2022). South Caucasus: 30 Years of Turbulence. *ECO*. No.5. Pp. 29–59. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-5-29-59.

Экономики стран Балтии после обретения независимости

П.Н. ТЕСЛЯ, кандидат экономических наук

E-mail: teslia.pavel@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5128-2564

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск

Аннотация. Быстрое вхождение стран Балтии в ЕС и переход на евро произвели неоднозначное воздействие на их экономику. Финансовый кризис 2008 г. был перенесен Эстонией, Латвией и Литвой гораздо болезненнее, чем другими членами ЕС. Их высокие темпы роста ВВП и душевых доходов не имели достаточно твердого основания: инвестиционная активность финансировалась не внутренними источниками, а притоком иностранного капитала, направляемого преимущественно в финансовый и торговый секторы. Реальные инвестиции были недостаточными, и Балтия по-прежнему не обладает надежным потенциалом полномасштабного присутствия на высокотехнологичных рынках. Степень успешности в модернизации экономики была наилучшей у Эстонии, за ней следовала Латвия, а Литва оказалась замыкающей. Социальная политика стран Балтии также не свидетельствует о серьезной заботе прибалтийских правительств о своих гражданах и негражданах. Безработица, бедность, слабая социальная защищенность и другие беды остаются большой проблемой – почти самой тяжелой из всех стран ЕС. Неудивительно, что из Латвии и Литвы быстро и неотвратно эмигрирует народ. В Эстонии это, к счастью, не так, что является надежным свидетельством сравнительно неплохих успехов этой страны.

Ключевые слова: «Балтийские тигры»; страны Балтии; экономическая интеграция; экономическая специализация; социальная политика; Европейский союз; еврозона; бывшие советские республики

Из всех бывших советских республик только страны Балтии стали членами ЕС и перешли на евро. В статье рассматриваются произошедшие в результате тесной интеграции с Евросоюзом экономические изменения.

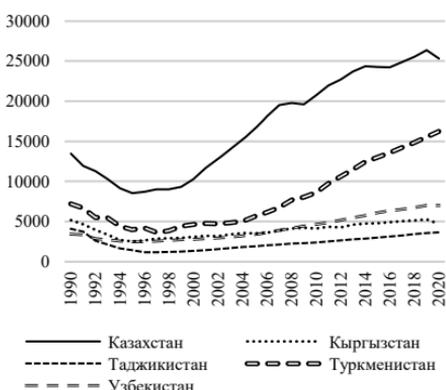
Некоторые важные темы (политические аспекты взаимоотношений между странами бывшего СССР, а также непростые вопросы межнациональных и межкультурных отношений), существенные для понимания того, что происходит в экономиках Эстонии, Латвии и Литвы, мы сознательно оставим в стороне. Обратиться к ним можно будет после того, как спадет острота возникших в последнее время международных конфликтов, когда будет более понятен расклад геополитических сил и станет ясна новая политико-экономическая панорама международных отношений.

Экономические успехи стран Балтии на фоне остальных постсоветских республик

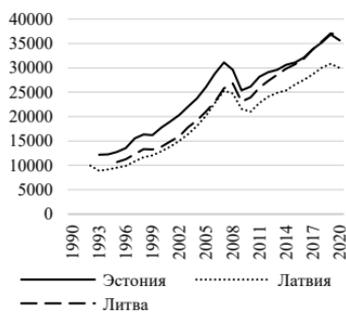
После распада СССР развитие различных групп бывших советских республик происходило по очень разным траекториям. Если рассматривать душевой ВВП как сводную характеристику степени успешности их хозяйствования, то схематически экономическую историю бывшего СССР можно представить на рисунке 1 (а, б, в, г).

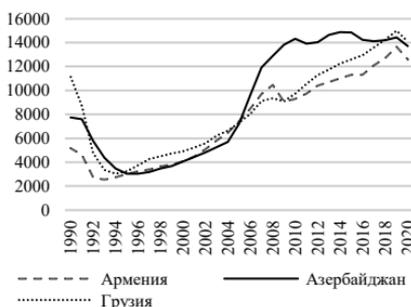
а) славянские республики и Молдова

б) республики Центральной Азии

в) республики Прибалтики

г) республики Кавказа

Источник. Построено автором по данным Всемирного банка и МВФ. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD>, <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April/download-entire-database>.

Рис. 1. Динамика душевого ВВП бывших советских республик по ППС в 1990–2020 гг. (цены 2017 г.), долл.

Наибольшего успеха добились прибалтийские республики. Их развитие происходило с высокими и достаточно устойчивыми темпами. Шок перехода к рыночной экономике в начале 1990-х гг. оказался, конечно, болезненным (к сожалению, в доступных источниках нет сопоставимых данных за первую половину 1990-х гг., поэтому соответствующий период на рисунке не представлен), еще более чувствительный удар был нанесен мировым финансовым кризисом 2008–2009 гг., однако прибалтийские экономики достаточно быстро восстанавливались и продолжили рост; Эстония и Литва чуть замедлились, а Латвия росла с тем же темпом, что и до кризиса. За постсоветское тридцатилетие душевой ВВП в Прибалтике был почти утроен. Россию, которая до распада СССР была лидером по душевому ВВП среди советских республик, Прибалтийские страны уверенно опередили, как, впрочем, и всех остальных. В целом, эта тройка во многих отношениях развивалась сходным образом, большого разрыва внутри нее не получилось. Отметим, что в советские годы Эстония, Латвия и Литва получали от союзного правительства достаточно солидные финансовые и нефинансовые трансферты, а теперь получают их уже от Европейского союза.

За постсоветский период не появилось заметного разрыва и между кавказскими республиками. Одно время Азербайджан устремился в отрыв на волне высоких нефтяных цен, однако мировой финансовый кризис резко приостановил взлет его экономики, и спустя 30 лет после распада СССР республики кавказской тройки так же, как и прибалтийской, оказались примерно на едином уровне душевого ВВП.

В двух остальных группах республик однородности не наблюдалось. В славянской тройке в составе России, Беларуси и Украины после 2008 г. произошел раскол, – украинская экономика получила два очень болезненных удара. Во-первых, это был сам мировой финансовый кризис, во-вторых, – шок от вступления Украины в ассоциацию с Европейским союзом, приведшего к разрыву хозяйственных связей с Россией, что было усугублено затяжным региональным военным конфликтом. В результате евростремительного откола Украины от России и Беларуси (между двумя последними есть разрыв в уровне экономической активности, но он не нарастал, хотя и не сокращался) украинская экономика, деградируя, сравнивалась по эффективности

с молдавской (которая довольно устойчиво росла, хотя и медленными темпами), оказавшись при этом самой слабой в Европе.

Центральноазиатская группа бывших советских республик, как говорит международная статистика, демонстрировала устойчивое различие между лидерами (Казахстан и Туркменистан) и отстающими (Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан). Про лидеров можно кратко отметить, что их во многом сходный по темпам экономический рост совершенно по-разному сказался на народном благосостоянии и структурах их экономик.

Таким образом, страны Балтии показывали сравнительно успешное развитие, заметно опережая остальные постсоветские республики. Но насколько это лидерство устойчиво и стабильна его база? Этот вопрос требует детального рассмотрения.

Насколько были успешны рыночные реформы в странах бывшего Советского Союза?

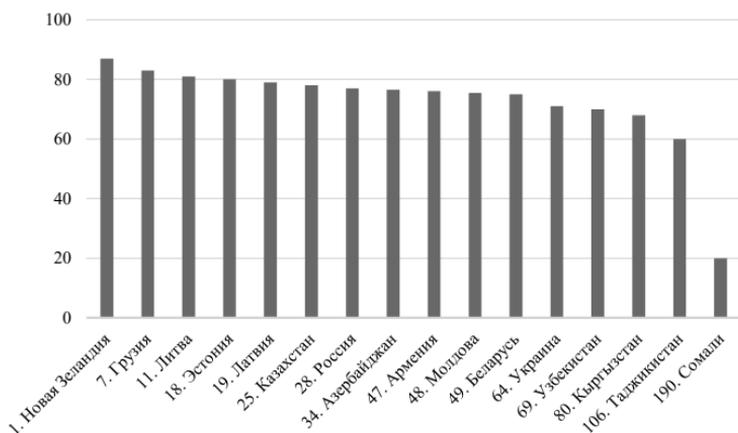
Экономического успеха достигают страны, в которых действует эффективный хозяйственный механизм. В советские годы, особенно в поздний период, институты развития были далеки от совершенства, поэтому во всех постсоветских республиках в 1990-х гг. проводились реформы. Для укрупненной оценки их успешности часто обращаются к статистике группы Всемирного банка, выпускавшей периодический обзор Doing Business. Воспользуемся данными из последнего издания этого источника¹ и пяти предшествующих. При всех недостатках Doing Business² эта статистика позволяет получить однородную, основанную на единой методологии непротиворечивую картину развития рыночных механизмов в большинстве стран мира³.

¹ Doing Business. Comparing Business Regulation in 190 Economies. World Bank Group. 2020. (URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/32436>)

² В частности, на его сайте можно найти сообщение о том, что его дальнейшее издание будет приостановлено из-за ряда обнаруженных серьезных ошибок в отражении информации о состоянии дел в нескольких странах. Более серьезной проблемой является методологическая ограниченность ультралиберальных установок аналитиков Doing Business. По сути, главнейшим условием успехов экономических преобразований они считают прогресс приватизации. Любое усовершенствование в деятельности государственных институтов игнорируется. «Чем меньше государства – тем лучше» – кредо Doing Business.

³ К сожалению, неполнота представительности стран в обзоре Doing Business привела к тому, что мы не увидим, что происходит в Туркменистане – в стране проводится политика информационной закрытости.

Doing Business нацелен на оценку легкости предпринимательства, он измеряет 12 параметров экономической свободы⁴, собирает и публикует данные о регулировании занятости и о заключении контрактов с правительством. По каждому из этих параметров производится экспертное оценивание в терминах близости к полной свободе предпринимательства (100 баллов) или несвободы (ноль) и путем агрегирования (взвешенного усреднения) определяются сводные страновые статистики. На рисунке 2 приведен график балльной оценки сводных показателей степени свободы ведения бизнеса в бывших советских республиках (кроме Туркменистана) и указаны их места в рейтинге из 190 стран⁵.

Источник. Построено по данным Doing Business.

Рис. 2. Оценки легкости ведения бизнеса в бывших республиках СССР (кроме Туркменистана)

⁴ Процессы регистрации бизнеса, найма и увольнения работников, получения разрешения на строительство, подключения к электросетям, передачи собственности, получения доступа к кредитам, защиты миноритарных инвесторов, уплаты налогов, участия в международной торговле, обеспечения исполнения контрактов и урегулирования неплатежеспособности.

⁵ Для периода до 2012 г., после которого стали составлять хронологически сопоставимую статистику, балльных оценок не показывали, известны только места стран в мировом рейтинге. На рисунке 2 для понимания масштабов разброса рассматриваемых показателей в мировом масштабе приведены также индикаторы для двух стран, Новой Зеландии и Сомали, соответственно, первой и последней по степени развитости рыночных институтов.

Примечательно, что попавшая на чуть более высокую, чем у России, позицию в мировом рейтинге свободы ведения бизнеса, экономика Казахстана прогрессировала почти с такой же скоростью, что и российская. На самом низком уровне оказалась легкость предпринимательства в Таджикистане (хотя за последний год эта республика и совершила довольно сильный рывок), а большинство постсоветских республик занимают промежуточные места (Туркменистан выпал из обзора из-за своей информационной закрытости).

Из бывших советских республик лидирующую позицию, по оценкам Doing Business, заняли Грузия и Прибалтика. Примечательно, что Грузия, отстающая от прибалтийских республик вдвое по ВВП на душу населения, опередила их по степени развитости экономических свобод. В целом, реформирование в странах Центральной Азии происходит достаточно интенсивно; так, если бы замыкающий список Таджикистан развивался бы теми же темпами, что и ранее, то за следующее десятилетие он мог бы по показателям степени экономических свобод сравняться с мировым лидером, Новой Зеландией, при условии, что последняя остановилась бы в своем развитии⁶.

Что произошло после обретения странами Балтии независимости

Задолго до распада СССР первой из 15 республик, открыто заявившей о своих претензиях на самостоятельность, стала Эстония (16 ноября 1988 г.). За ней последовали Литва и Латвия, соответственно, 26 мая и 28 июля 1989 г. Если Эстония сначала пошла по пути преобразования политических институтов, то Латвия и Литва на первый план выдвинули экономическую и языковую независимость [Воротников, 2016]. Союзный центр не смог справиться с нарастающим системным кризисом и предложить национальным республикам эффективную модель реформирования общесоюзной институциональной структуры.

⁶ Это замечание приводит к интуитивному соображению относительно интерпретации оценок Doing Business и их качества: нельзя полагаться только на сводные страновые показатели легкости ведения бизнеса, следует учитывать состояние частных индексов по отдельным аспектам предпринимательства. Однако это не отменяет ценность сводной статистики Doing Business.

После обретения независимости прибалтам удалось избежать серьезного насилия в общинах. Насколько известно, в конце 1980-х гг., когда они освободились от советской власти, погибло менее двадцати человек (все литовцы) и ни одного советского военнослужащего или представителя славянского населения. В 1990-х гг. не сообщалось о смертельных случаях или насильственных конфликтах на этнической почве, хотя коренные жители и славяноязычные общины испытывали немало обид друг к другу. В странах Балтии было много бандитских разборок, убийств с целью вымогательства и самоубийств; антисемиты оскверняли еврейские синагоги и (в апреле 1999 г.) мемориал Холокоста в Риге; некоторые прибалты – могилы красноармейцев; тем не менее этнического насилия при этом было мало. В успешном и мирном переходе к независимости состоял главный вклад стран Балтии в историю самой масштабной социально-политической катастрофы XX века.

Важное отличие от остальных постсоветских республик состояло и в том, что страны Балтии имели двадцатилетний опыт самостоятельной государственности в межвоенный период. Этот этап их истории стал в 1990–1991 гг. для многих правоконсервативных политиков «историческим идеалом», положенным в основу государственного строительства. Память о событиях 1939–1940 гг. также играла свою роль, и идея о нейтралитете была отброшена.

Первоначальное независимое развитие всех трех стран Балтии протекало сходным образом. Каждая из них стремилась как можно быстрее провести реформы и вступить в евроатлантические структуры, в первую очередь в ЕС и НАТО. ЕС поощрял этот «принцип регаты»: переговоры с евроструктурами велись с каждой страной в соответствии с результатами выполненного «домашнего задания». Именно так Эстония, наиболее экономически успешная, оказалась первой приглашенной к членству в ЕС, в 1997 г., а Латвия и Литва – в 1999 г. Литва быстрее реформировала оборонную сферу и раньше других начала переговоры с НАТО. Но как бы ни соревновались страны Балтии, в ЕС и НАТО они все вступили одновременно – в 2004 г.

Поспешность реформ (и не только она) имела негативные последствия. Так, приватизация привела к доминированию иностранного капитала. В Эстонии доля иностранцев в капитале

крупных предприятий и банков составляла 80–90%, в Литве – в среднем около трети, а в финансовом секторе – до 70% [Симонян, 2002]. В настоящее время положение немного изменилось в пользу отечественных инвесторов, но несущественно. Структурные реформы в странах Балтии также были не вполне удачны, примерно как и в России, а в чем-то даже хуже. Они привели к деиндустриализации, «пузырям» на кредитных рынках, росту внешней задолженности, трудовой миграции, «утечке мозгов», депопуляции и т.п. Прибалтийские страны сильно пострадали от мирового финансового кризиса, не в последнюю очередь, из-за раздутого финансового сектора⁷: в 2008 г. в Латвии и Эстонии его доля была не менее 24% ВВП, что вдвое выше, чем в США на пике «пузыря» [Ослунд, 2011. С. 111–112].

При решении вопроса о приеме в Европейский союз страны Балтии были отнесены к категории с переходной экономикой, требующей глубокой структурной перестройки, так как там имели место высокая безработица и ВВП, более низкий по сравнению с другими членами ЕС⁸. Вхождение в ЕС использовалось балтийской тройкой для достижения экономической стабильности и рыночных преобразований. Бюджет ЕС и его многочисленные фонды⁹ стали для них источником финансовой помощи при решении задач развития сельского хозяйства, создания новых рабочих мест, поддержки малого и среднего бизнеса, проектов в образовательной сфере, НИОКР и др. В отдельные годы внешняя подпитка их экономики составляла до 25% ВВП.

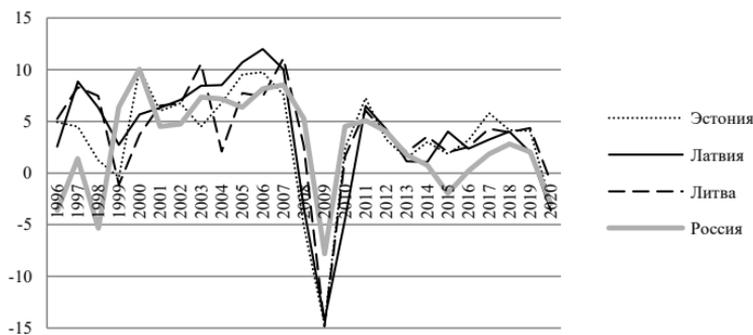
Первые годы членства прибалтийских стран в ЕС ознаменовались впечатляющим экономическим ростом (рис. 3), за что их прозвали «Балтийскими тиграми» по аналогии с успешными азиатскими собратьями, однако политическому руководству Латвии, Литвы и Эстонии не удалось обеспечить декларированное на заре

⁷ Финансовый сектор стран Балтии пользовался огромной популярностью у иностранных инвесторов. В Латвии, например, наибольшую долю ПИИ – 25%, поглотила сфера финансового посредничества, за ней шла недвижимость с 13%, затем – оптовая и розничная торговля с долей 10%. Реальный сектор Латвии иностранных инвесторов привлек заметно слабее: в обрабатывающие производства вложили 12% ПИИ, строительство – 4%, транспорт и коммуникации – 3%, столько же – информационные технологии [Tsaurkubule, Vishnevskaja, 2017].

⁸ Baltic Forum Resolution, 2006. URL: <http://www.balticforum.org/sobitija/2006-god/>

⁹ Европейский социальный фонд, Европейский фонд регионального развития, Европейский сельскохозяйственный фонд гарантий, Европейский фонд развития села, Фонд содействия рыболовству и Фонд сплочения.

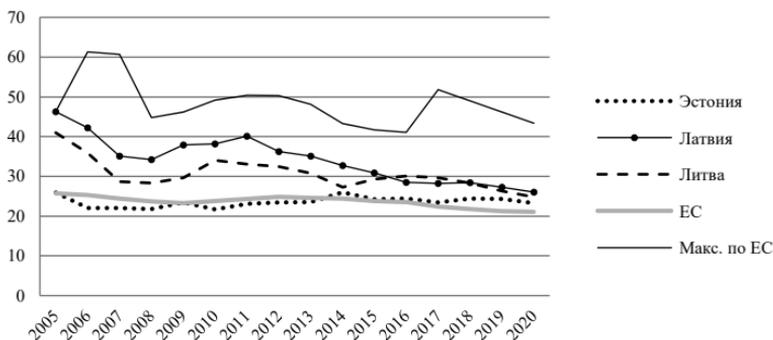
независимости радикальное и быстрое улучшение качества жизни населения и приведение его к североευропейскому стандарту. Россия показывала в начале 2000-х гг. похожий рост, несмотря на отсутствие спонсоров и, хуже того, колоссальные финансовые утечки. После мирового финансового кризиса темпы экономического развития в Прибалтике заметно замедлились, как, впрочем, и в России. Однако кризис ударил по российской экономике слабее, чем по прибалтийской. Эстония, Латвия и Литва пострадали в 2008–2009 гг. сильнее всех североευропейских стран.

Источник. Построено автором под данным МВФ. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/October/download-entire-database>.

Рис. 3. Темпы прироста реального ВВП в 1996–2020 гг. в странах Балтии и в РФ, %

Политика приведения макроэкономических показателей в соответствие с Маастрихтскими критериями путем жестких неолиберальных экономических реформ (сокращение государственных расходов, в том числе на социальную сферу, повышение налогов и т.п.), необходимая для вступления в европейскую валютную зону, привела к тому, что в Латвии и Литве численность населения, проживающего в условиях риска нищеты или социальной исключенности, превышало средний по ЕС уровень (рис. 4). Примечательно, что жизненные стандарты в странах Балтии при этом также повышались, об этом, в частности, говорит демографическая статистика: за период с 1990 по 2018 гг. ожидаемая продолжительность жизни эстонцев увеличилась на 8,2 года, латышей – на 5,4 года, литовцев – на 3,5 года. Только вот происходило это улучшение не так существенно, как в других европейских странах.

Источник рис. 4, 7, 9, табл. 3. Построено автором по данным Евростата. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/t2020_50/default/table?lang=en

Рис. 4. Доля населения, находящегося в условиях риска нищеты и социальной исключенности в странах Балтии и ЕС в 2005–2020 гг.,%

В Латвии и Литве люди подвергались самому сильному социальному риску в ЕС – из 28 стран его членов хуже, чем у них, дело обстояло только в Северной Македонии и Албании. Примечательно, что Эстония оказалась сравнительно более благополучной страной, вот почему обезблуживание там происходило намного медленнее, чем у ее соседей по региону, а с 2015 г. оно вообще прекратилось (рис. 5).

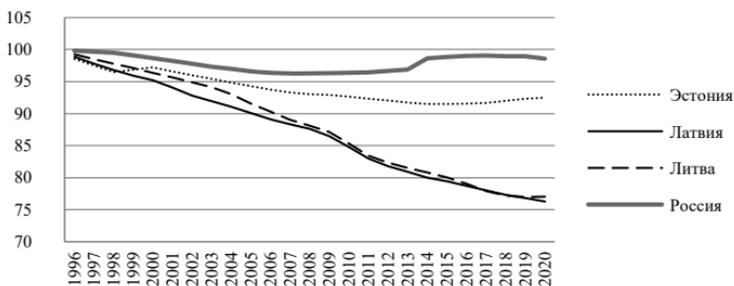

Рис. 5. Индекс численности населения в странах Балтии и ЕС в 1996–2020 гг. (1995 г.=100)

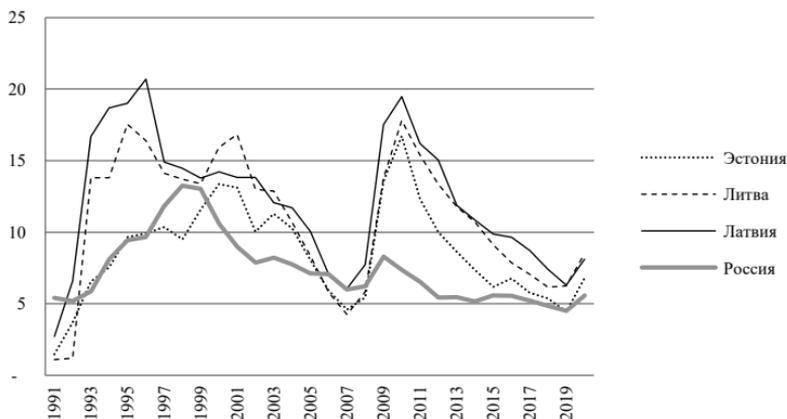
Общая численность населения, по данным ООН, сократилась во всех трех республиках с 1990–1991 гг. по 2019–2020 гг.: в Эстонии – с 1,56 до 1,32 млн чел.; в Латвии – с 2,64 до 1,88 млн чел.;

в Литве – с 3,69 до 2,76 млн чел. В литературе можно встретить утверждения, что вступление в ЕС послужило для жителей Балтии триггером для побега из социально-экономического неблагополучия. Но по приведенному графику видно, что более или менее быстрое бегство из Латвии и Литвы началось задолго до вступления в ЕС, и его скорость после 2004 г. не увеличилась¹⁰. Верно, однако, и то, что выезжают из Балтии наиболее образованные, квалифицированные и предприимчивые люди, чаще всего представители средних возрастных когорт (от 25 до 44 лет). Сокращение численности населения почти на 25% за 25 лет, примерно на один процент в год, чревато для Латвии и Литвы серьезным демографическим кризисом¹¹, особенно учитывая то, что социальная поддержка ЕС уже сейчас довольно заметно сворачивается.

Рынок труда стран Балтии отличался сильной неустойчивостью и чувствительностью к мировой конъюнктуре. Мировой кризис 2008–2009 гг. оказал столь же шокирующее воздействие на занятость работников, как и начальные рыночные реформы (рис. 6).

¹⁰ Начало процесса депопуляции следует датировать моментом запуска шоковой терапии. Намерение шокотерапевтов, почти одинаковое по всему бывшему советскому блоку, состояло в том, чтобы обнулить сбережения населения. Несмотря на последствия, эта жестокость не была самоцелью. Замысел состоял в том, чтобы запустить ускоренный процесс накопления капитала, который позволил бы резко сократить потребление товаров населением в пользу предоставления инвестиционных ресурсов для создания новых предприятий, конкурентоспособных на мировых рынках. До сих пор не ясно, полагали ли искренне главные архитекторы политики приватизации социалистического наследия, что ваучеры демократизируют экономику, или же они, как это произошло на самом деле, будут служить каналом, по которому ресурсы концентрировались в руках новой предпринимательской элиты. Предполагалось, что капитал для новых предприятий дополнительно поступит в виде ПИИ, что и произошло в очень крупных масштабах, однако их структура далеко не соответствовала потребностям усиления реального сектора прибалтийских экономик. Преимущество отдавалось финансовому посредничеству и торговле.

¹¹ Пик численности населения Латвии был достигнут в 1989 г. и составил почти 2,7 млн чел., не очень существенно превысив предыдущий рекорд в 2,5 млн чел. в начале Первой мировой войны в 1914 г. Но к 2021 г. население Латвии сократилось до 1,9 млн чел. По оценкам экспертов, официальная статистика эмиграции из этой страны на порядок меньше их фактической величины; если тенденция оттока населения из Латвии продолжится, то в ближайшие 50 лет население сократится еще на 25%, что драматически скажется на возрастной структуре населения и емкости рынка [Tsaurkubule, Vishnevskaja, 2017].

Источник. Построено автором по данным Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS>

Рис. 6. Динамика нормы безработицы в странах Балтии и РФ в 1991–2019 гг., %

Из трех стран Балтии сильнее всех пострадала Латвия, но и Литва ощутила на себе сильные удары не только структурной депрессии 1990-х гг. и финансового кризиса 2008–2009 гг., но и промежуточного конъюнктурного спада 2001 г. Эстонская экономика была чуть более устойчивой, но и там занятость совершала мощные колебания, и безработица достигла пика 17% в 2010 г. Такой волатильности рынка труда не наблюдалось нигде в Северной Европе. В России, при всех ее проблемах, столь серьезных обострений, как в трех рассматриваемых странах, также не произошло.

Эстония, Латвия и Литва пострадали от кризиса сильнее, чем другие страны Европы, прежде всего из-за открытости их экономик, но кроме этого, там была чрезвычайно сильна зависимость их внутренних рынков от банковского кредитования [Jočienė, 2015]. После вступления в ЕС страны Балтии почти сразу стали доступны для скандинавских банков (прежде всего, шведского происхождения), открывших там свои дочерние подразделения¹²,

¹² Накануне кризиса 2008–2009 гг. трем крупнейшим банкам (SEB, Swedbank и DNB) принадлежит 68,6% активов банковского сектора Литвы, 71,4% Эстонии и 35,9% Латвии [Jočienė, 2015].

которые не брали на себя заботу об экономических интересах принимающих стран и таким образом стали создателями и усилителями кризисных явлений. Шведские банки накануне кризиса активно кредитовали прибалтийские рынки недвижимости, в них не применялись в должной степени традиционные меры осмотрительности, даже такие очевидные, как контроль за соотношением дохода заемщика и цены приобретаемых квартир и домов. Их руководители стимулировали свой персонал, основываясь на количестве выданных кредитов, поэтому кредитные инспекторы при предоставлении ссуд не принимали в расчет кредитный риск, опасность непогашения долга [Sommers, Briskens, 2021].

Значительная часть кредитов предоставлялась в иностранной валюте, что усугубило падение внутреннего спроса из-за обесценения местных денег и ускорило национальные денежные реформы. Не дожидаясь полного восстановления после кризиса, страны Балтии одна за другой устремились в еврозону. На евро сначала перешла более сильная Эстония (2011 г.), потом Латвия (2014 г.) и Литва (2015 г.).

Мучительный переход стран Балтии на евро

С момента вступления в ЕС для Эстонии переход на евро был в числе основных приоритетов. Видя, что инфляция была главным препятствием для этого, правительство использовало финансовый кризис 2008 г. для проведения необходимых реформ, чтобы обеспечить соответствие критериям вхождения в еврозону. Благодаря кризису инфляция снизилась и даже вышла в отрицательную зону. Следующей целью стало сдерживание бюджетного дефицита; ценой еще большего обострения экономических невзгод правительство Эстонии приступило к жесткой экономии – сокращению госрасходов, повышению налогов и других мер, которые удержали бы дефицит госбюджета в пределах 3% от ВВП, неудивительно, что последний в результате всех этих действий сократился на 5,4% в 2008 г. и на 14,7% – в 2009 г. Цель была достигнута: дефицит бюджета Эстонии опустился ниже 3%, а в 2010 г. даже получился небольшой профицит. В 2009 г. заявка на вступление в еврозону была одобрена.

Две другие прибалтийские республики учились у Эстонии. Первая попытка Литвы вступить в еврозону была предпринята в 2006 г. Она закончилась неудачей из-за инфляции, хотя

и не слишком высокой. Для чиновников ЕС было важно, чтобы Литва по этому показателю имела хороший запас прочности, чтобы другие страны-претенденты не получили прецедента для легкого доступа к новой валюте¹³, и ее на время «придержали». Момент был упущен, и присоединение Литвы к евро стало еще более труднодостижимо (в 2007 г. инфляция ускорила).

Экономический рост в Литве в начале 2008 г. замедлился. И так же, как в Эстонии, правительство, всеми силами стремясь к евро, вместо того, чтобы смягчать экономическую обстановку, проводило меры финансового ужесточения – повысило ставку НДС, провело снижение заработной платы, пенсий по старости и пособий по безработице. Когда безработица взлетела до 16% (2010 г.), Литва обратилась к европейским структурным фондам. МВФ и авторитетные экономисты рекомендовали принять девальвацию валюты. Однако литовское правительство при поддержке Банка Литвы не прислушалось к совету и продолжило следовать плану перехода на евро. В конце концов, Литва вошла в еврозону лишь в 2015 г., последней из трех стран Балтии.

Еще в 1995 г. Латвия имела самый низкий в Европе после Эстонии и Люксембурга уровень задолженности: государственный долг составлял всего 9% ВВП. Эту планку удавалось удерживать довольно долго, однако из-за кризиса только за 2008–2010 гг. долговое бремя выросло с 19,8% до 47,4%. Чтобы остановить эту тенденцию, повысить финансовую стабильность и восстановить доверие рынка, латвийское правительство в 2008 г. ввело режим бережливости и ограничительную налогово-бюджетную политику, что негативно сказалось на состоянии экономики. В целях достижения монетарных стандартов, необходимых для перехода на евро, объем государственных закупок был сокращен на 25%, ставка НДС увеличена с 18% до 21%. Кроме того, выросли акцизы на топливо, кофе, алкоголь и другие напитки. Поскольку большая часть повышения налогов пришлась на бедных, в сочетании с высоким уровнем коррупции это привело к социальному

¹³ Больше всего еврочиновники не хотели, чтобы прецедентом вступления Литвы в еврозону воспользовалась Польша. На самом же деле Польша до сих пор пользуется своей национальной валютой и, похоже, не помышляет переходить на евро. Возможно, опыт стран Балтии научил Польшу, что блага пользования единой европейской валютой не стоят тех потерь, которые приходится нести при вступлении в валютный союз.

недовольству и беспорядкам, что вынудило премьер-министра Иварса Годманиса уйти в отставку.

Принятые Латвией меры стали причиной падения ВВП на 14,4% в 2009 г. и на 6,54% в 2010 г. К осени 2009 г., когда Европейская комиссия и МВФ посетили Латвию, чтобы разобраться с последствиями финансового кризиса, у монетарных властей Латвии было два варианта действий: отказаться от фиксированного обменного курса и свободно использовать валюту для международных расчетов, облегчив этим экономические невзгоды, либо сохранить фиксированный курс и в будущем перейти на евро. Правительство страны при поддержке Банка Латвии решило проигнорировать предложения МВФ и ведущих экономистов о плавании валюты и вместо этого придерживалось фиксированного курса. Фактически это означало принятие варианта внутренней девальвации – снижения цен и заработной платы внутри страны.

Соревновательность между собой стран Балтии продолжилась и при подготовке к вступлению в еврозону. Считалось, что если бы одно из государств Балтии приняло евро, это сделало бы его более привлекательным для инвестиций, чем два других государства [Dandashly, Verdun, 2020]. Правительства Эстонии, Латвии и Литвы, соревнуясь друг с другом, фактически применяли меры фискальной и монетарной политики не для блага финансовой стабилизации, а против него. Вот почему произошло столь серьезное потрясение их экономик в годы мирового финансового кризиса. Такой ценой страны Балтии оплатили свое членство в еврозоне.

Специализация и интеграция экономик стран Балтии

Стремясь интегрироваться в экономику ЕС, страны Балтии ищут области специализации, в которых они приобретут совершенство и смогут включиться в хозяйственную жизнь как всей Европы, так и более локализованной группы стран в зоне Балтийского моря. Наибольшее количество инициатив выдвигается в сферах кибернетической и энергетической безопасности, реализации программы «Восточное партнерство», политики расширения ЕС (страны Балтии традиционно позиционируют себя «экспертами» в отношении постсоветского пространства)

и реализации концепции Единого рынка (в особенности, свободного движения рабочей силы и услуг). Кроме того, в последнее время в прибалтийских республиках предпринимается попытка высокотехнологичного развития. Об успешности продвижения по этому сценарию говорит статистика инновационной структуры экспорта стран ЕС (рис. 7).

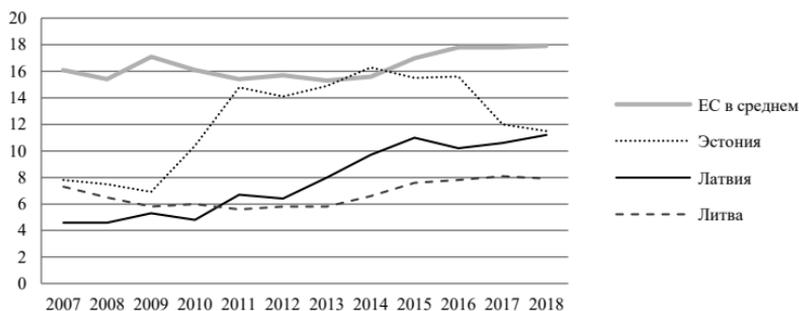

Рис. 7. Доля высокотехнологичной продукции в экспорте стран Балтии и ЕС в 2007–2018 гг., %

Быстрое догоняющее развитие Эстонии в 2010–2014 гг., когда она сравнялась со средним уровнем стран ЕС и даже ненадолго превзошла его, сменилось замедлением. Латвия и Литва показали устойчивый, хотя и медленный рост. Однако в целом о лидерстве или хотя бы рыночной силе стран Балтии говорить пока не приходится. Они отстают от других членов ЕС по уровню продвижения товаров высоких технологий на мировых рынках.

Между конкурентоспособностью той или иной страны на рынках высокотехнологичных товаров и ее возможностью поддерживать высокие доходы и заработки существует сильная взаимосвязь. Еще недавно экономисты называли Эстонию, Латвию и Литву «Балтийскими тиграми» из-за их очень динамичного экономического роста, наблюдавшегося в 2000-х годах [Åslund, 2015]. Была ли причиной этого успеха конкурентоспособность в сфере высоких технологий? К сожалению, нет. Об этом свидетельствует отсутствие сравнительных преимуществ в мировой торговле наукоемкими товарами в случае Литвы и их относительно небольшое количество в Эстонии и Латвии. Из всех трех стран Эстония является наиболее успешной в этом отношении, хотя и в Латвии за последние годы наметился прогресс [Falkowski, 2018].

Латвия экспортирует некоторое количество наукоемкой продукции, но она конкурентоспособна только на рынках СНГ, тогда как в ЕС преимущества Латвии проявляются только в экспорте ресурсо- и трудоемких товаров с низкой степенью переработки и не требующих квалифицированного труда. Падение производительности в экспортных отраслях, наблюдаемое в последние годы, означает, что международная конкурентоспособность латвийской экономики также постепенно снижается. Властям Латвии для повышения уровня применяемых технологий следует стимулировать структурные изменения, которые будут способствовать созданию и развитию новых отраслей и высокотехнологичных компаний. Этого можно достичь несколькими способами: от реформ в сфере образования, создания институтов коммерциализации идей, сближения научных кругов с бизнесом до изменения налоговой системы и сокращения масштабов теневой экономики¹⁴.

Что касается международной конкурентоспособности литовской экономики, статистика показывает [Startiene, Remeikiene, 2014], что сильные конкурентные позиции эта страна держит на рынках только традиционной продукции – продовольствия, химикатов, древесины и текстиля, то есть товаров, не требующих применения высоких технологий. Расходы на НИОКР во всех обрабатывающих производствах Литвы весьма скромны, и, по сути, даже то, что там считается сектором высоких технологий, не соответствует критериям ОЭСР. В сфере хай-тека Литва занимает позицию аутсайдера среди стран Балтии.

Эстония, как высокотехнологичный лидер Балтии, продемонстрировала относительно лучшие результаты: в течение всего периода 2010-х гг. ее показатели выявленного сравнительного преимущества, хотя и отрицательные (что говорит о неспособности побеждать средних по уровню развития конкурентов), были значительно лучше, чем у Латвии и Литвы. Сравнительные

¹⁴ О распространенности теневого сектора в странах Балтии свидетельствует статистика Стокгольмской школы экономики. Степень развитости системы ухода от налогообложения и неформальной экономической активности на удивление высока. В этом Латвия является лидером Балтии. Выручка её теневой экономики на своем пиковом уровне (2010 г.) составляла 38,1% от официального ВВП. В 2020 г. эти цифры были уже не столь вопиющими, но все еще значительными: Латвия – 25,5%, Литва – 20,4%, Эстония – 16,5 (URL: <https://www.sseriga.edu/shadow-economy-index-baltic-countries>).

преимущества Эстонии были зафиксированы в товарной группе радио-, телевизионного и коммуникационного оборудования. У Латвии – в фармацевтике. Литва, не обладая сравнительными преимуществами ни по каким крупным высокотехнологичным товарным группам, в отдельные годы имела, хотя и небольшое, но лидерство по отдельным товарам, в частности, по специальным инструментам, приборам для медицины, науки.

Несмотря на догоняющий рост, экономические показатели стран Балтии в 2010-х гг. существенно не улучшились. Их отставание от среднего уровня по ЕС можно объяснить сравнительно низкой производительностью труда, что является следствием их слабой способности интегрироваться в глобальные цепочки создания добавленной стоимости. В то время, как Скандинавские страны и Германия специализируются на производствах, требующих высоких технологий и значительного человеческого капитала, в Прибалтике по-прежнему непропорционально широко представлены сырьевые и трудоемкие производства. После кризиса 2008–2009 гг. во всех трех республиках произошло существенное замедление экономического роста, и полноценная интеграция их хозяйств ЕС стала представляться нереалистичной задачей [Schrader, 2018].

В середине 2010-х гг. руководство стран Балтии совместно с экономическими властями ЕС обозначили свои стратегические приоритеты, в основном продиктованные стремлением выхода из орбиты экономических связей с Россией¹⁵. В 2014 г. в ответ на российско-украинский кризис принимается «Европейская стратегия энергетической безопасности»; из 33 крупных энергопроектов ЕС 11 реализуются в странах Балтии. В число последних входят терминал СПГ в Клайпедском порту, газопровод Клайпеда – Кеменай, газовые соединения Литвы и Польши (GIPL), Эстонии и Финляндии (Balticconnector) и т.д. Позднее

¹⁵ Пресс-служба ЕС сообщила, что страны Сообщества импортируют более половины потребляемой энергии, и это может стать причиной зависимости от таких внешних поставщиков, как Россия. Европейская комиссия разработала план Энергетического союза по снижению этой зависимости и созданию единого европейского энергетического рынка. Особо отмечается тот факт, что «на долю России приходится треть импорта нефти, 39% газа и 29% твердого топлива. Шесть стран ЕС зависят от России как поставщика всего импортируемого газа». (URL: https://www.europarl.europa.eu/pdfs/news/public/story/20140718STO53032/20140718STO53032_en.pdf).

страны Балтии включились в «зеленую» стратегию Европы по развитию энергетики из возобновляемых источников¹⁶. Литва планирует увеличить долю чистой энергии в общем энергобалансе с 23% в 2020 г. до 45% в 2030 г., Латвия – с 40% до 50%, а Эстония – с 25% до 42%. Это крайне амбициозные планы в области развития ВИЭ. Так, Литва, намеревающаяся за десятилетие почти удвоить их долю, уступает только Дании, которая планирует совершить взлет с 30% до 55%¹⁷. В целом, ожидается, что к 2030 г. в странах Балтии будет установлено не менее 1,2 ГВт береговых ветроэнергетических мощностей.

Другим важным проектом в энергетическом секторе является синхронизация электросетей Балтии и континентальной Европы и отключение от российско-белорусской энергосистемы к 2025 г. Эти цели будут реализованы в совместном проекте литовских, латвийских и эстонских операторов систем передачи (TSO) с объемом инвестиций 1,4 млрд евро для строительства новых и расширения существующих линий с Польшей.

Регион уже тесно связан с соседями, имея доступ к электроснабжению от Польши (0,5 ГВт), Швеции (0,7 ГВт) и Финляндии (1,0 ГВт). Все три балтийские экономики с 2013 г. имеют доступ к энергорынку Nord Pool.

Несмотря на многочисленные декларации о необходимости отделения от России в целях достижения экономической безопасности, страны Балтии в течение всего периода независимости продолжали оставаться тесно связанными с ней. О степени взаимосвязанности экономик Балтии и России средствами международной торговли в 2010-х гг. говорит таблица 1.

¹⁶ Одним из принятых в 2019 г. нормативных документов ЕС является «Положение о готовности к рискам в секторе электроэнергетики», входящее в пакет «Чистая энергия для всех европейцев», он требует, чтобы государства-члены работали над выявлением всех возможных кризисных сценариев, которые могут повлиять на их электроснабжение, на национальном и региональном уровнях. Органам власти поручено разработать планы подготовки к рискам в разных ситуациях. Это требование стимулирует сотрудничество и координацию в интересах партнерства между государствами – членами ЕС. (URL: https://ec.europa.eu/info/news/focus-energy-security-eu-2020-avr-27_en).

¹⁷ Kevelaitis R. The Baltic tigers in renewable energy // New green deal flow. 2021. 30 June. (URL: <https://greendealfow.com/the-baltic-tigers-in-renewable-energy>).

Таблица 1. Структура взаимной международной торговли стран Балтии и России в 2011–2020 гг., %

Показатель	Эстония		Латвия		Литва	
	2011–2015	2016–2020	2011–2015	2016–2020	2011–2015	2016–2020
<i>Экспорт</i>						
В Балтию	14	14	31	29	16	15
В Россию	15	9	10	9	18	14
Всего	29	23	41	38	34	29
<i>Импорт</i>						
Из Балтии	11	11	27	26	10	11
Из России	11	9	9	7	26	13
Всего	22	20	36	33	36	24

Источник. Рассчитано автором по данным UN Comtrade Database URL: <https://comtrade.un.org/data/>

Из всех стран Балтии наиболее тесные связи с Россией были у Литвы: от 14 до 18% экспорта и от 26 до 13% импорта давала там торговля с российскими партнерами. На втором месте идет Эстония и на третьем – Латвия. Следует заметить, что все три балтийские республики развернулись от России в сторону других регионов. Интенсивность этого маневра была наиболее сильной у Литвы, за ней следовали Эстония и Латвия. А между собой страны Балтии торговали стабильно, структура экспортных и импортных квот внутрибалтийской торговли от первой половины 2010-х гг. ко второй почти не изменилась.

Значимость российского рынка для прибалтийских экономик всегда по объективным причинам была гораздо выше значимости Балтии для России. Однако сокращение торгового оборота под воздействием санкций в последние восемь лет на 30–40%, а также неоднократно звучащие в последнее время заявления о форсировании процесса переориентации российских грузопотоков с прибалтийских портов на собственные портовые мощности (в первую очередь на Усть-Лугу и Приморск) должны рассматриваться как сигналы о возможности утраты значительной части транзитных доходов, составляющих не менее 10% ВВП государств Балтии. Насколько катастрофичным будет падение доходов после санкций, связанных с СВО России на Украине, предсказать слишком трудно.

На самом ли деле страны Балтии независимы?

Все прибалтийские страны, вступив в интеграционный союз, попали в зависимость от более сильных европейских держав. Одной из цен, которую им пришлось уплатить за вступление в ЕС, стало закрытие многих важных производств. По требованию Брюсселя остановили Игналинскую АЭС в Литве, были закрыты заводы по производству сахара в Латвии, во всех странах вымирают наукоёмкие производства, уничтожена значительная часть рыболовства, сокращается сельское хозяйство. Особенно серьезные последствия вызвала необходимость закупать электроэнергию у других стран. Хотя Эстония длительное время удерживала свои позиции, теперь, когда Брюссель объявил переход к «зеленой энергетике», Таллин должен уступить и закрыть свою сланцевую энергетику.

Возникшие в результате вынужденных преобразований экономические проблемы в странах Балтии решаются за счет дотаций по различным программам в рамках региональной «политики сплочения». Софинансирование проектов стран Балтии со стороны ЕС достигает 70%, а иногда и 90% от их стоимости. Сразу после вступления в ЕС Эстонии, Латвии и Литве стали предоставлять субсидии, прежде всего, по программам региональной поддержки из структурных фондов (табл. 2).

Таблица 2. Субсидии в рамках региональной поддержки ЕС для стран Балтии в 2000–2027 гг., млрд евро

Страна	2000–2006	2007–2013	2014–2020	2021–2027 (план)
Латвия	1,0	6,8	7,0	10,5
Литва	5,0	7,0	7,0	6,2
Эстония	0,7	3,4	5,8	6,8

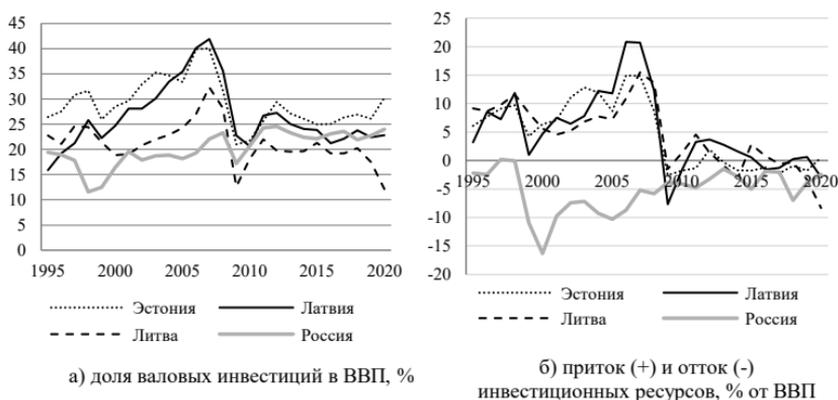
Источник. Ерёмкина Н. Экономика Прибалтики всецело зависит от вливаний ЕС// Eurasia Daily. 2021. 24 февраля. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/02/24/professor-eryomina-ekonomika-pribaltiki-vsecelo-zavisit-ot-vlivaniiy-es>

После завершения очередной семилетки в ЕС с 2021 г. действует бюджет в размере 1,07 трлн евро, покрывающий многолетние финансовые планы на следующие семь лет. Для содействия в восстановлении государств – членов ЕС от экономических последствий COVID-19, кроме того, создан фонд возмещения в размере 750 млрд евро. Самые отдаленные регионы будут по-прежнему пользоваться особой поддержкой ЕС. В дополнение к приведенным в таблице суммам страны Балтии будут

профинансированы займами на восстановление экономики, разрушенной в ходе пандемии. Таким образом, из-за коронакризиса они получают еще большие средства, нежели раньше. Но постоянно это продолжаться не будет.

У благ от членства в ЕС есть и оборотная сторона: из-за систематического получения финансовой помощи страны Балтии теряют способность к самостоятельному развитию. Они привыкли к постоянным дотациям и не готовы к их уменьшению. Это дорого обходится налогоплательщикам других европейских стран. Но пока что прибалтийские политики радуются тому, что на каждый вложенный в коммунитарный бюджет евро они получают почти четыре и даже более.

Хотя приток финансирования из фондов ЕС еще не прекратился, на макроуровне их инвестиционный эффект во второй половине 2010-х гг. стал заметно меньше, чем в первой. Это можно проследить по сокращению притоков внешних инвестиционных ресурсов после 2009 г. (рис. 8б).

Источник. Построено автором по данным МВФ.

Рис. 8. Норма накопления (а) и доля инвестиций, финансируемых за счет внешних источников в 1995–2020 гг., – разница между нормой накопления и нормой сбережения¹⁸ (б) в странах Балтии и РФ, %

¹⁸ Строго говоря, разница между отражаемыми в статистике инвестициями и сбережениями в некоторой степени преувеличивает чистый приток инвестиций из-за рубежа. Более корректно было бы из данной разницы вычесть норму сбережений фирм (нераспределенную прибыль предприятий) и сальдо бюджетов всех уровней, однако и такое грубое приближение нам кажется достаточно представительным.

Внешнее финансирование было определяющей причиной высокой инвестиционной активности и соответствующих темпов экономического роста в странах Балтии. Приток инвестиционных ресурсов из-за рубежа (его динамику можно видеть на рис. 8б) превышал 20% ВВП (у Латвии). У России происходил обратный процесс: инвестиционные ресурсы утекали за рубеж почти на всем обозримом периоде, и только в отдельные годы отток заметно снижался.

В какой мере государства Балтии являются гарантами народного благосостояния?

Правительства стран Балтии не в полной мере сдержали свои обещания, и благосостояние их жителей остается на заметно более низком уровне, чем в других странах ЕС. Тем не менее абсолютный уровень денежных медианных душевых доходов значительно возрос (рис. 9), а относительное отставание от средневропейского уровня сильно сократилось (табл. 3).

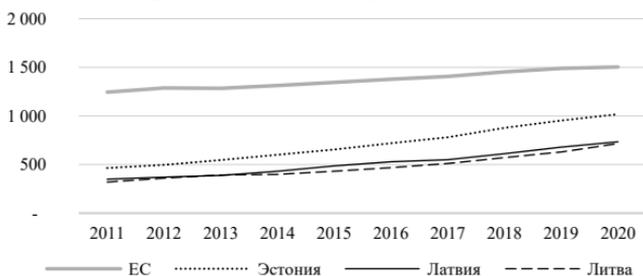

Рис. 9. Медианный месячный чистый денежный доход стран Балтии и ЕС в 2011–2020 гг., евро

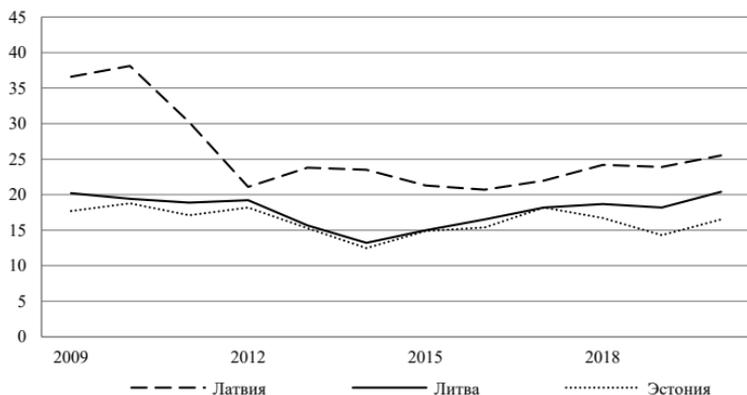
За период с 2011 по 2020 гг. в Эстонии доходы у медианной категории получателей увеличились с 467 евро в месяц до 1019, в Латвии – с 350 до 736, в Литве – с 321 до 717 евро. В ЕС медианные доходы в эти годы тоже росли, но не так интенсивно. В 2011 г. жители Эстонии имели уровни доходов 37% от среднего по Европе, а в Латвии и Литве они получали чуть более ¼. В конце 2020-х гг. это отставание во всех странах Балтии сократилось почти вдвое. Тем не менее, несмотря на отмеченный прогресс, Прибалтийские государства входят в число стран с самым низким уровнем благосостояния в Европе.

Таблица 3. Индекс медианных чистых денежных доходов в странах Балтии в 2011–2020 гг. (ЕС-28 = 100)

Страна	2011	2015	2020
Эстония	37	49	68
Латвия	28	36	49
Литва	26	32	48

Источник: рассчитано автором по данным Eurostat.

Благосостояние людей в прибалтийских странах не вполне отражается официальной статистикой, поскольку там довольно значительны коррупция и теневая (неофициальная) занятость, как бы с ней ни боролись (рис. 10).

Источник. URL: <https://www.sseriga.edu/shadow-economy-index-baltic-countries>

Рис. 10. Индекс доходов в теневой экономике стран Балтии в 2009–2018 гг., % от ВВП

Как можно видеть, даже в наиболее законопослушной Эстонии доходы на уровне около 15% ВВП скрыты от официальной статистики.

Можно ли считать, что в странах Балтии благосостояние сильно превосходит то, что имеется в России? Если брать в расчет только номинальные доходы, отрыв прибалтийцев от россиян составляет 4–5 раз. Однако точные сравнения затруднительны, поскольку даже пересчет доходов в единую валюту (например, рубли) по паритету покупательной способности не гарантирует надежный результат как из-за недостатков методологии расчета этого паритета, так и из-за несопоставимости структуры цен.

Например, аренда качественного жилья в столицах республик стоит существенно больше половины медианного дохода. Стоимость услуг в странах Балтии также весьма обременительна, поэтому в литературе, как научной, так и публицистической, можно встретить широко варьирующие сравнительные оценки благополучия жителей Эстонии, Латвии и Литвы.

Особенно сложно учитывать, как работают системы социального обеспечения, без понимания которых невозможно оценить в полной мере благосостояние людей. В странах Балтии они устроены неодинаково¹⁹, и на всех них сказался мировой финансовый кризис [Aidukaite, 2019], в частности, он повсюду привел к урезанию щедрости государства всеобщего благосостояния. В Латвии и Литве больше всего пострадали пенсии, пособия по инвалидности, по безработице, а также семейные выплаты. В Эстонии же система социального обеспечения изменилась только в том, что касается накопительной части пенсий, а текущие выплаты для пенсионеров сокращены не были.

По прошествии кризиса 2014 г. ситуация в странах Балтии не только вернулась на прежние позиции, но даже улучшилась по многим показателям. Теневая экономика в Латвии и Литве сократилась по мере принятия более жестких мер по улучшению сбора налогов. Минимальная заработная плата и средний заработок увеличились, особенно в Эстонии.

Если сравнивать прибалтийские страны, то Эстония после кризиса сделала значительный шаг вперед. Уровень серьезных материальных лишений в этой стране значительно ниже, чем у соседей. По минимальной заработной плате и среднемесячному заработку она вошла в число ведущих стран Центральной и Восточной Европы ЕС.

¹⁹ Например, по уровню и источнику финансирования социального обеспечения Эстония имеет больше общего со Словакией и Чешской Республикой, чем с Латвией и Литвой. Слабая защита детей и безработных в Литве делает ее более похожей на либеральный режим государства всеобщего благосостояния, в то время как Эстония с ее щедрой политикой в отношении детей и семей приближается к социал-демократической модели. Латвия напоминает консервативно-корпоративистский режим со скромными пособиями на детей и сильной зависимостью от программ социального страхования. Социальное обеспечение стран Балтии в целом оценивается неодинаково. Отдельные авторы даже хвалили Эстонию, Латвию и Литву как «очень успешные» и называли их «образцами для подражания», у которых могут поучиться другие страны. Такие высказывания, однако, немногочисленны. Противоположные оценки преобладают [Wrobel, 2015].

Оценка социального обеспечения стран Балтии на фоне ЕС не очень благоприятна. В 2014 г. они потратили на социальные расходы около 14–15% ВВП. Это намного ниже, чем в среднем по ЕС (около 28%), и даже ниже, если сравнивать с другими странами Центральной и Восточной Европы. Только Румыния по размеру социальных расходов близко следует за Прибалтикой.

Заключение

Обретение экономической независимости, к которой стремились народы Балтии, выходя из СССР, фактически не состоялось. Малые открытые экономики, особенно если они не обладают значительными природными ресурсами (как в данном случае), крайне редко способны проводить самостоятельную и успешную политику в области экономического развития. У стран Балтии нет ни выгодного географического положения, подобного Сингапуру и Гонконгу, ни годами накапливавшегося богатого человеческого капитала.

Годы членства в ЕС и присоединение к европейской валютной системе, если опираться на статистику ВВП, можно оценить в целом положительно. Страны Балтии продемонстрировали значительные экономические успехи, особенно в первые годы после вхождения в ЕС, а про Эстонию можно сказать, что она, найдя свои ниши, смогла утвердиться на сложных современных рынках и благополучно избежала вхождения в демографический кризис, от чего, к сожалению, не удалось уйти Латвии и Литве. Последней особенно тяжело из-за слабости ее экономической структуры и неспособности полноценно интегрироваться в международные цепочки создания стоимости.

В то же время важно отметить, что достигнутый успех в основном был дутым: быстрый рост ВВП в значительной степени складывался в результате притока зарубежных инвестиций и финансовой помощи от различных фондов ЕС. Часть этого финансирования была растрочена на потребление, а прямые иностранные инвестиции в основном устремлялись в финансовую сферу и торговлю, реальный сектор заметного развития не получил; Эстония, Латвия и Литва не смогли укрепиться на высокотехнологичных рынках.

Дела в странах Балтии могли бы идти лучше, если бы не мировой финансовый кризис, на который наложилась поли-

тика ускорения евроинтеграции. Жесткая бюджетная экономия и жесткий монетарный контроль усугубили финансовый шок, что сказалось и на народном благосостоянии, и на экономическом росте. В определенном смысле можно утверждать, что последствия кризиса не преодолены до сих пор.

В будущем экономики стран Балтии, скорее всего, стали бы испытывать нарастающие трудности, даже если бы не произошли потрясения мирохозяйственной системы после февральских событий на Украине, последовавших за этим антироссийских санкций и ответных действий России.

Литература/References

Воротников В. В. 25 лет независимости государств Балтии: из Советского в Европейский Союз // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Вып. 5. Т. 9. 2016. С. 7–23. DOI: 10.23932/2542–0240–2016–9–5–7–23.

Vorotnikov, V.V. (2016). 25 years of independence of the Baltic States: from the Soviet to the European Union. *Contours of global transformations: politics, economics, law*. Issue 5, Vol. 9. Pp. 7–23. DOI: 10.23932/2542–0240–2016–9–5–7–23. (In Russ.).

Симонян Р. Х. Страны Балтии: общее и особенное (социально-экономический аспект) // Вопросы экономики. 2002. № 9.

Simonyan, R.H. (2002). Baltic countries: general and special (socio-economic aspect). *Problems of Economics*. No. 9. (In Russ.).

Ослунд А. И последние станут первыми. Финансовый кризис в Восточной Европе. М.: Мысль, 2011.

Åslund, A. (2011). *The last shall be the first. The east European financial crisis, 2008–2010*. Peterson Institute for international economics. Washington DC.

Aidukaite, J. (2019). The welfare systems of the Baltic states following the recent financial crisis of 2008–2010: expansion or retrenchment? *Journal of Baltic Studies*. Vol. 50. No. 1, Pp. 39–58. DOI: 10.1080/01629778.2019.1570957.

Åslund, A. (2015). Why Have the Baltic Tigers Been So Successful?// *CESifo Forum*, Institut für Wirtschaftsforschung (Ifo), Vol. 16. No. 4.

Dandashly, A., Verdun, A. (2020). Euro adoption policies in the second decade – the remarkable cases of the Baltic States. *Journal of European Integration*. 42:3. Pp. 381–397. DOI: 10.1080/07036337.2020.1730355].

Jočienė, A. (2015). Scandinavian bank subsidiaries in the Baltics: Have they all behaved in a similar way? *Intellectual Economics*. No. 9 (1). Pp. 43–54. DOI:10.1016/j.intele.2015.09.002.

Falkowski, K. (2018). Competitiveness of the Baltic States in international high-technology goods trade. *Comparative Economic Research*. De Gruyter. Warsaw. Vol. 21, Iss. 1. Pp. 25–43. Available at: <http://dx.doi.org/10.2478/cer-2018–0002>.

Sommers, J., Briskens, K. (2021). Latvia a decade out from the world's largest GDP crash: how it collapsed and how to improve its economic performance. *Journal of Contemporary Central and Eastern Europe*. Vol. 29. No. 1. Pp. 41–67. DOI: 10.1080/25739638.2021.1968593.

Schrader, K. (2018). Economic divergence in the Baltic region. *Estonian Discussions on Economic Policy*. Vol. 26. No. 1–2. Eesti Vabariik – 100 (24 veebruar 1918). DOI: <https://doi.org/10.15157/tpep.v26i1–2.14518>.

Startiene, G., Remeikiene, R. (2014). Evaluation of Revealed Comparative Advantage of Lithuanian Industry in Global Markets. *Procedia– Social and Behavioral Sciences*. No. 110.

Tsaurkubule, Zh., Vishnevskaja, A. (2017). The comparative analysis of the main indicators of the Baltic states economic development in the condition s of the European integration. *Research papers of Wroclaw university of economics*. No. 466.

Wrobel, R. M. (2015). From independence to the Euro introduction: varieties of capitalism in the Baltic States. *Central and Eastern European Journal of Management and Economics*. Vol. 3. No.6. Pp. 9–38.

Статья поступила 21.03.2022

Статья принята к публикации 25.03.2022

Для цитирования: *Тесля П. Н.* Экономика стран Балтии после обретения независимости // ЭКО. 2022. № 5. С. 60–87. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-5-60-87

For citation: Tesla, P.N. (2022). The Baltic Economies after Independence. *ECO*. No. 5. Pp. 60–87. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-5-60-87

Summary

Tesla, P.N., Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk

The Baltic Economies after Independence

Abstract. The rapid accession of the Baltic states to the EU and the transition to euro had an ambiguous impact on their economies. The financial crisis was much more painful for Estonia, Latvia and Lithuania than for other EU members, which, however, did not prevent them from being called “Baltic tigers. High growth rates of GDP and per capita income had, however, no sufficiently firm basis: investment activity was financed not by internal sources but by foreign capital inflows. The latter was largely directed to the financial and commercial sectors. Real investment was insufficient, and the Baltics still do not have a reliable potential for a full-scale presence in high-tech markets. The degree of success in economic modernization was the best in Estonia, followed by Latvia, and Lithuania was the last. The social policies of the Baltic states also do not show that Baltic governments seriously care about their citizens and non-citizens. Unemployment, poverty, poor social security, and other woes remain a serious problem – almost the worst in the European Union. Not surprisingly, people are rapidly and inevitably emigrating from Latvia and Lithuania. Fortunately, this is not the case in Estonia, which is reliable evidence of the relatively good success of this country.

Keywords: “Baltic tigers”; Baltic states; economic integration; economic specialization; social policy; European Union; Eurozone; former Soviet republics

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-5-88-110

Кузбасс как углепромышленная территория: опыт трансформации и оценка коридоров развития¹

Ю. А. ФРИДМАН, доктор экономических наук

E-mail: yurifridman@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3120-7197

Е. Ю. ЛОГИНОВА, кандидат политических наук

E-mail: katrin.2007@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2743-3653

Г. Н. РЕЧКО, кандидат экономических наук

E-mail: rgn.kem@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7423-4051

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирск

О. И. ХОХРИНА. E-mail: novoselova_86@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0288-1302
Кемеровский государственный университет, Кемерово

Аннотация. Процессы отказа от угля в России, вызванные энергетическим переходом и декарбонизацией мировой экономики, рассматриваются в рамках теории устойчивого развития территорий и эволюционной экономической географии. Отказ от угля в стратегической перспективе затронет интересы угольных кластеров, городов и регионов, внесет существенные коррективы в межрегиональные и межотраслевые связи. В современной России первым совершить переход от угля предстоит Кузбассу. Авторы изучили, каким образом с начала XX в. происходило освоение природно-ресурсного потенциала данной территории и шло развитие региона через ряд трансформаций, сопровождавшихся сменой парадигм, моделей и инструментов. Сейчас Кемеровской области предстоит решать задачу коренной перестройки стратегии развития. На первом этапе (до 2035 г.) речь идет не о замещении угля в качестве ядра экономической парадигмы, но о создании дополнительных точек роста и стабилизации. На втором этапе (после 2035 г.) региону предстоит радикально трансформировать социально-экономическую систему, отказавшись от угля как главного источника доходов территории. По мнению авторов, в основу преобразований должны быть положены принципы «справедливой трансформации» (Just Transition), широко используемые в Европейском союзе. В статье обсуждаются некоторые из них и даются рекомендации по дальнейшей адаптации принципов «справедливого перехода» к условиям Кузбасса. Это позволит не допустить ухудшения социально-экономического положения региона и его жителей, а также подготовить платформу для дальнейшего развития.

¹ Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН в рамках проекта «Движущие силы и механизмы развития кооперационных и интеграционных процессов в экономике Сибири», № 121040100279-5.

Ключевые слова: Кузбасс; углепромышленная территория; коридоры развития; драйверы; энергетический переход; декарбонизация экономики; реструктуризация угольной отрасли; post-mining; справедливая трансформация

Глобальный энергопереход и новая климатическая повестка все больше приобретают черты важнейшего вызова долгосрочного развития национальной экономики России. Начавшийся в мире процесс фундаментальных преобразований энергетического комплекса означает не только расширение масштабов и возможностей применения возобновляемых источников энергии (ВИЭ), но и вытеснение ископаемых видов топлива (см., например [Прогноз развития..., 2019]), в первую очередь угля как наиболее «грязного» из них.

Несмотря на то, что Россия занимает особую позицию в оценках роли ископаемого топлива, и в первую очередь угля, в 2021 г. она приняла Стратегию социально-экономического развития с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г., реализация целевого сценария которой предполагает достижение углеродной нейтральности не позднее 2060 г.²

Обеспечение углеродной нейтральности невозможно без дальнейшего снижения доли угольной генерации в энергобалансе страны, изменения парадигмы добычи угля (в частности, ликвидации выбросов метана в атмосферу, радикального изменения подходов к вопросам охраны окружающей среды, промышленной безопасности, оплаты труда работников и т.д.). В свою очередь это приведет в стратегической перспективе к необходимости трансформации не только и даже не столько угольных бизнесов, а целых угольных кластеров, городов и регионов. В России в первую очередь это касается таких территорий, как Кемеровская область – Кузбасс.

Углепромышленная территория: опыт трансформации

С момента вхождения Кузбасса в народнохозяйственный комплекс СССР и до настоящего времени регион прошел несколько

² Стратегия социально-экономического развития РФ с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года (распоряжение Правительства РФ № 3052-р от 29.10.2021). URL: <http://static.government.ru/media/files/ADKkCzр3fWO32e2yA0BhtlpyzWfHaiUa.pdf> (дата обращения: 30.11.2021).

этапов трансформации со сменой парадигм развития, моделей и инструментов (табл. 1).

Таблица 1. Парадигма развития и ключевые драйверы роста на разных этапах трансформации социально-экономической системы Кузбасса

Этап развития	Экономическая идея	Драйвер роста
Уголь – фундамент экономики		
1930-е – 1960-е гг.	Развитие Урало-Кузнецкого комбината	Угольно-металлургический и угольно-химический кластеры
1960-е – середина 1980-х гг.	Формирование Кузбасского территориально-производственного комплекса	Создание цепочек добавленной стоимости в основных промышленных кластерах
Середина 1980-х – 2000-е гг.	Восстановление социально-экономической системы после шоков перехода на рыночные отношения	Реструктуризация угольной отрасли
2000-е – 2020 гг.	Монетизация угольных ресурсов	Экспорт и углехимический кластер
2020–2035 гг.	Подготовка региона к справедливому переходу в условиях стабильного развития	Развитие межотраслевых и межрегиональных взаимодействий при постепенном снижении роли угля в экономике региона
«Справедливый переход»		
2035–2060 гг.	Трансформация социально-экономической системы региона	Развитие отраслей новой экономики, образования, здравоохранения, туризма

Источник. Составлено авторами.

Фактическое начало промышленному освоению ресурсного потенциала Кузбасса положило в 1912–1919 гг. Акционерное общество Кузнецких каменноугольных копей (Копикуз), главными акционерами которого были российские и французские банки. На территории Кузбасса предполагалось создать мощный промышленный комплекс с опорой на уголь – *фундамент развития Урала и Сибири*³. Всего за семь лет Копикузу удалось провести полномасштабное геологическое изучение Кузнецкого угольного бассейна, построить рудники, железную дорогу, которая соединила Кузбасс с Транссибом, начать возведение коксохимического завода в Щегловске (ныне Кемерово), подготовить строительство металлургического завода в Кузнецке (ныне Новокузнецк).

³ URL: <https://redhill-kemerovo.ru/istoriya/stati/kopikuz/> (дата обращения: 15.10.2021).

Социальная политика Копикуза, направленная на привлечение и закрепление кадров, включала в числе прочего создание при рудниках и заводах поселков с жилым фондом и необходимой инфраструктурой – позже на их месте выросли города.

Ряд проектов, начатых Копикузом, получил завершение уже в период работы Автономной индустриальной колонии «Кузбасс» (АИК «Кузбасс»), в 1921–1927 гг. Эта организация объединила рабочих и специалистов 30 национальностей, приехавших в Сибирь из США и европейских стран, чтобы воплотить в жизнь свои идеалы – помочь в создании первого в мире рабоче-крестьянского государства. По сути, это была иностранная концессия, которой власти передали сначала промышленные предприятия Кемеровского района, а позже и южной части бассейна (Прокопьевского и Киселёвского районов), Кольчугинского рудника и Гурьевского завода. Колонисты ставили цель – *создать в Кузбассе за счет применения передовых методов и оборудования «Новую Пенсильванию»* (главный тогда угледобывающий регион США). Предполагалось, что она сможет обеспечить углем металлургию Урала. Неслучайно изначально планировалось сформировать два отделения АИК – на Урале и в Кузбассе [Тимошенко, 2007].

АИК реорганизовала труд и производство на своих предприятиях (включая электрификацию и механизацию добычи угля), что привело к росту производительности труда, снижению себестоимости продукции и повышению рентабельности. В 1924 г. был запущен недостроенный Копикузом коксохимический завод, чья продукция стала поступать на металлургические предприятия Урала; АИК подготовила к пуску электростанцию, организовала подсобные мастерские и цеха, сельскохозяйственную ферму. Была разработана программа жилищного строительства – и в середине 1920-х гг. в Кемерове, Ленинске-Кузнецком и Прокопьевске построено четыре поселка с сотнями домов⁴.

АИК «Кузбасс» ликвидирована в 1927 г., поскольку изжила себя как особая форма организации [Тимошенко, 2007] – страна брала курс на индустриализацию с опорой на внутренние резервы. Однако именно с этой уникальной индустриальной колонией связывают начало создания *Урало-Кузнецкого комбината (УКК)*,

⁴ URL: <https://redhill-kemerovo.ru/istoriya/stati/aik-kuzbass/> (дата обращения: 15.10.2021).

который дал старт промышленному освоению Кузбасса, превращению его в мощный индустриальный центр.

В первом народно-хозяйственном пятилетнем плане СССР (1928–1932 гг.), помимо прочего, ставился вопрос о сдвиге экономики на Восток – «развитии Урала как металлургического комплекса, Западной Сибири как крупной сельскохозяйственной базы и новой угольной базы (в Кузбассе), об исследованиях Ангаростроя как ведущего комплексного звена для Восточной Сибири» [Колосовский, 2009] – и намечалась хозяйственная специализация районов. Идея проекта УКК заключалась в организации производственного комплекса одновременно в двух регионах: на Урале с использованием месторождений железной руды и в Кузбассе на базе месторождений угля. Таким образом не только формировалась база для развития экономики восточных территорий СССР, но и решалась важная геополитическая задача – появлялись условия для создания здесь оборонной промышленности [Тимошенко, 2011].

Реальное финансирование проекта УКК началось в 1926 г. Строительство новых и реконструкция действующих шахт позволили нарастить годовую мощность местных угольных предприятий почти до 5 млн т. Темпы роста добычи угля в регионе, на который приходилось около 80% всей угледобычи в Сибири, были в тот период самыми высокими в стране [Тимошенко, 2020]. В течение 1928–1932 гг. в Кузбассе построены и запущены в работу 24 шахты, за вторую и третью пятилетки введены в эксплуатацию еще 48 шахт [Шмыглева, 2015]. В 1932 г. в рамках УКК состоялся пуск первой очереди Кузнецкого и Магнитогорского металлургических комбинатов. В Кузбассе строились электростанции и железные дороги, развивались химическая и коксохимическая отрасли.

За довоенные пятилетки вложения в развитие промышленности и транспорта в регионе составили не менее 5 млрд руб. Как итог с 1928 г. по 1940 г. суммарный выпуск валовой продукции в Кузбассе вырос в 42 раза, добыча угля – в девять раз (с 2,6 до 22,5 млн т в год, что соответствует 13,6% в объеме общесоюзной добычи), производство чугуна на Кузнецком комбинате за 1932–1939 гг. увеличилось в шесть раз (до 1493,8 тыс. т), стали – в 53 раза (до 1761,8 тыс. т), выпуск проката за 1933–1939 гг. увеличился в семь раз (до 1243,2 тыс. т) [Кузбасс. Прошлое., 1978]. Эти

данные говорят о кардинальном изменении экономической модели региона: «в результате масштабного развития угольной и металлургической отраслей формировался многоотраслевой индустриальный комплекс, менялись очертания географии размещения отраслей промышленности, складывалась новая социально-демографическая структура населения» [Тимошенко, 2011].

В условиях интенсивного развития промышленности в Кузбассе росла численность населения (например, за 1926–1939 гг. она увеличилась вчетверо – до 1654,5 тыс. чел., при этом количество городских жителей выросло более чем в 13,6 раза) [Боровикова, 2011]. За годы первых пятилеток в регионе появился десяток городов – и уже к началу 1940-х гг. Кузбасс стал самой урбанизированной территорией в Западной Сибири: удельный вес городского населения в регионе в 1939 г. составил 55% против 32% в целом по стране.

Второй этап наращивания экономического потенциала Кемеровской области, основанной в 1943 г., начался в годы Великой Отечественной войны, когда в Кузбасс были эвакуированы свыше 70 заводов и фабрик и их коллективы из западных регионов страны; часть предприятий осталась здесь после завершения войны. Регион в этот период развивался в русле концепции УКК – модели комплексного освоения природных ресурсов и производственного развития территории в системе централизованного государственного управления. Позже она использовалась практически на всем протяжении истории СССР.

Специалисты называют Урало-Кузнецкий комбинат *«прототипом будущих территориально-производственных комплексов»* (ТПК) [Цыкунов, 2011], в основе которых лежит идея объединения предприятий взаимосвязанных отраслей для решения крупных экономических задач на относительно ограниченной территории, обладающей для этого достаточными ресурсами и единой инфраструктурой. Классическим примером ТПК как советской формы организации народного хозяйства стал *Кузбасский территориально-производственный комплекс*, чьи границы совпадали с административными границами Кемеровской области.

В 1960–1970 гг. в Кузбасском ТПК выделялись три основных промышленных узла: Кемеровский (профилирующая химическая отрасль при сохранении важного значения угольной промышленности), Новокузнецкий (черная и цветная металлургия,

угольная отрасль, строительная индустрия, железнодорожный узел) и Прокопьевско-Киселевский (ярко выраженное угольное направление) [Очерки экономики Сибири, 1980], а также несколько менее крупных узлов – Ленинск-Кузнецкий, Беловский и Междуреченский.

На территории области была создана необходимая энергетическая инфраструктура, строительная база, сеть учреждений здравоохранения, культуры, образования, включая средние профессиональные и высшие учебные заведения, получила развитие система научно-исследовательских и проектных организаций, органично вписались в структуру экономики предприятия машиностроения, агропромышленного комплекса, легкой промышленности (последние, в частности, открывались в угледобывающих городах с целью трудоустройства членов семей работников угольной отрасли).

Период 1960–1970 гг. стал временем интенсивного использования отраслевого потенциала Кемеровской области, который был заложен в предыдущие десятилетия, а драйвером развития региона вплоть до середины 1980-х являлась угольная промышленность. В эти годы продолжали наращивать мощности базовые для Кузбасского ТПК угольная, химическая, металлургическая, машиностроительная и энергетическая отрасли (табл. 2). В регионе росла добыча угля: например, в 1975 г. она составила 137 млн т. Всего за 1961–1975 гг. общий объем промышленного производства в Кемеровской области вырос в 2,6 раза. В том числе добыча угля увеличилась в 1,6 раза, выпуск продукции черной металлургии – в 3,8 раза, химической промышленности – в 4,6 раза, машиностроения и металлообработки – в 3,9 раза, производство электроэнергии – в 2,8 раза [Кузбасс. Прошлое..., 1978]. В результате с середины 1970-х гг. доля промышленности в основных сферах материального производства в области составляет 84–87% [Александров и др., 1991].

Специализация региона на отраслях тяжелой промышленности стимулировала процесс урбанизации и поддерживала высокие темпы роста населения: с 1939 по 1959 гг. население Кузбасса увеличилось на 68,4%, до 2800 тыс. чел. [Боровикова, 2011], из них 77% проживали в городах. В период 1960–1980 гг. численность населения выросла еще на 14–15% при сохранении тенденции к урбанизации. В 1980 г. доля городского населения в регионе составила 86,6% [Палевская и др., 2019].

Таблица 2. Структура промышленности Кемеровской области в 1960–1980 гг., %

Отрасль	1960	1970	1980
Вся промышленность	100	100	100
Топливная	31,8	31,3	26,4
Черная металлургия	16,6	18,3	17,5
Цветная металлургия	3,7	4,1	2,9
Химическая	6,9	8,0	10,1
Машиностроение	11,6	10,8	12,6
Электроэнергетика	3,4	4,5	5,0
Лесная и деревообрабатывающая	3,6	2,9	2,4
Промышленность строительных материалов	4,6	3,7	3,5
Легкая	5,9	5,4	8,3
Пищевая	11,4	10,0	8,7
Прочие	0,5	1,2	2,6

Источник. Составлено по [Горизонты Кузбасса ..., 1982].

В описываемый период, как и прежде, затраты на поддержание и развитие производственных мощностей заметно преобладали в структуре инвестиций над вложениями в непромышленное строительство. *Социально-экономическая модель Кемеровской области фактически была ориентирована на получение наибольшего для государства экономического эффекта от производства, социальная составляющая рассматривалась, скорее, как вспомогательная*, что вкупе с рядом других факторов в 1990-е гг. привело к негативным последствиям.

Углепромышленная территория и открытая экономика

Последнее десятилетие XX в. ознаменовалось распадом СССР и переходом России от плановой к рыночной экономике, приватизацией активов, ранее входивших в территориально-производственные комплексы, что привело к нарушению существовавших производственных цепочек и самой системы, на основе которой функционировали советские ТПК. Тем временем в РФ началась эра природного газа.

Для стержневой отрасли кузбасской экономики – угольной – 1990-е гг. стали периодом тяжелого системного кризиса. Однако его симптомы появились уже в 1970-е гг.: старение основных фондов, низкая производительность труда, ухудшение технико-экономических показателей, рост издержек, которые

покрывались из государственного бюджета [Краснянский и др., 2017]. К началу 1990-х гг. срок службы свыше 50% шахтного фонда Кузбасса превышал 40 лет, износ основного оборудования на многих угледобывающих предприятиях достиг 60–70% [Бирюкова, 2013]. Такое положение провоцировало рост аварийности и смертельного травматизма в угледобыче.

В то же время стремительно деградировали социальная сфера, жилищно-коммунальное хозяйство региона, в том числе шахтерских городов и поселков. Увеличивалась дифференциация в доходах рядовых работников и руководителей угольных предприятий, снижался уровень социальной защиты представителей отрасли, падал престиж профессии.

В 1991 г. в стране были освобождены цены на всю промышленную продукцию и услуги, кроме угля и продуктов его переработки (либерализация цен на них произошла только в 1993 г.), итогом стали рост себестоимости добычи угля и убыточность как отдельных угольных предприятий, так и отрасли в целом, что привело к большим долгам по заработной плате.

Недовольство горняков спровоцировало в конце 1980-х – начале 1990-х гг. их небывалую протестную активность, ставшую на долгие годы социально-политическим фактором общенационального уровня.

Международный валютный фонд и Всемирный банк, сотрудничавшие с руководством забастовочного движения, выступили с рекомендациями по развитию угольной отрасли в Кузбассе. Их лейтмотивом было сворачивание угледобычи в регионе и трансформация его развития по примеру Пенсильвании (США). Однако новые российские власти выработали альтернативный подход и приняли амбициозную *программу реструктуризации угольной промышленности России*, в которую вошла лишь часть предложений западных консультантов,

В научной литературе цели, задачи и результаты процесса реструктуризации отечественной угольной отрасли исследованы достаточно подробно⁵. Его результатом должно было стать превращение отрасли в высокоэффективный и самокупаемый сектор экономики.

⁵ См., напр.: [Пономарев, Ковальчук, 2001; Астахов, 2001; Артемьев, 2003; Кожуховский, 2003; Краснянский и др., 2011; Рожков, 2016].

Фактически реструктуризация стартовала в 1992 г., но ее планомерное проведение началось в 1994–1995 гг. Бесспорно, только благодаря реструктуризации стране удалось остановить падение угледобычи, нарастить ее и выйти на лидирующие позиции по экспорту угля на мировые рынки. Кузбасс уже в 1998 г. стал развивать угледобычу темпами, которых не знал прежде, и в 2005 г. достиг максимального уровня добычи советского периода, зафиксированного в 1988 г., 160 млн т, а в 2012 г. впервые на территории Кузнецкого бассейна было произведено 200 млн т каменного угля. В целом по стране добыча угля с 1994 г. по 2016 г. увеличилась на 42%. За те же двадцать лет государство затратило на реструктуризацию угольной отрасли РФ немногим более 13 млрд долл. США [Краснянский и др., 2017].

Однако программа реструктуризации не предусматривала ни изменение парадигмы добычи угля как национального ресурса, ни перестройку отношений в системе «угольный бизнес – территория» (в 1994–2004 гг. в России проведена приватизация рентабельных предприятий угольной отрасли), не нацеливала владельцев угольных активов на решение проблем экологии, развитие науки и образования в регионах присутствия.

Как это ни парадоксально, но реструктуризация привела к ухудшению социально-политической обстановки в угледобывающих регионах, в том числе и в Кемеровской области, где с 1994 г. до 2006 г. численность занятых в угольной отрасли сократилась почти на 60% – до 139 тыс. чел. [Воронин, 2008]. Как карточный домик посыпались межотраслевые связи: в шахтерских городах закрывались предприятия других отраслей (от машиностроительных заводов до швейных фабрик), что обостряло ситуацию с безработицей, муниципалитеты не имели достаточных средств, чтобы содержать социальные и инфраструктурные объекты – произошло резкое снижение уровня и ухудшение качества жизни населения. Неслучайно в конце 1990-х г. в Кузбассе и других регионах РФ остро встал вопрос перспектив развития и самого существования моногородов.

То есть программа реструктуризации помогла угольной отрасли адаптироваться к актуальным на тот момент экономическим вызовам, но, невзирая на все изначально заявленные планы, не запустила процесс социально-экономической трансформации. Более того, рост добычи угля в Кемеровской области

и его экспорта на мировые рынки выступил драйвером крупных инфраструктурных проектов на Юге, Северо-Западе и Дальнем Востоке России. Тем временем в самом Кузбассе, несмотря на амбициозные планы по росту производства и экспорта угля, стали сомневаться, что угольная отрасль может гарантировать региону стабильное развитие.

Это, в частности, нашло отражение в документах стратегического планирования, которые с начала 2000-х гг. разрабатывали кузбасские власти с привлечением представителей экспертного сообщества: они пытались найти новые источники роста экономики Кемеровской области (начиная с малого бизнеса и туризма, заканчивая проектом создания мощного углехимического кластера), чтобы обеспечить благоприятные условия жизни для людей. К настоящему времени из всех анонсированных за эти годы проектов, пожалуй, только туристский кластер на юге региона и нефтепереработка на севере области сумели занять значимое положение в структуре кузбасской экономики и подтвердили серьезный потенциал роста.

Таким образом, современная конфигурация и наполнение экономики Кемеровской области – итог процесса формирования национального угольно-промышленного центра, где промышленность создает более 45% валового регионального продукта (ВРП), а отрасли экономики знаний – около 11% (табл. 3).

«Справедливый переход» для углепромышленных территорий

Россия не единственная страна, которая реструктуризировала угольную отрасль: в разные периоды новейшей истории этот путь прошли страны Европы (Великобритания, Венгрия, Германия, Испания, Польша, Чехия и т.д.), Китай, ЮАР, Австралия, Канада, США, Казахстан. Причины экономических, технологических и структурных преобразований отрасли в каждом случае были разными [Петрук, Романинец, 2020]: снижение либо отказ от добычи угля из-за его неконкурентоспособности по сравнению с другими видами топливных ресурсов или, наоборот, потребность в увеличении объемов угледобычи; перестройка национальной экономики; повышение эффективности инвестиций в инфраструктуру угольной отрасли; необходимость внедрения природосберегающих технологий в угледобыче для повышения

конкурентоспособности национальных производителей и пр. При этом цели и задачи сводились, по большому счету, к следующему [Рожков, 2016]: приведение в соответствие себестоимости добычи и цены угля, создание угольных компаний оптимальных размеров, обеспечение рыночной политики сбыта, социальная защита высвобождаемых работников отрасли, деиндустриализация (диверсификация) экономики угольных территорий, где из-за горных работ был нарушен баланс устойчивого развития. В подавляющем большинстве случаев государство брало на себя финансовые затраты на осуществление реструктуризации, как и функцию управления данным процессом.

Таблица 3. Структура ВРП, произведенного
в Кемеровской области (2019 г.), %

Сектор экономики (вид экономической деятельности)	%
Промышленность – всего	45,50
из нее:	
добыча угля	25,82
химическая промышленность	2,17
производство кокса и нефтепродуктов	1,06
металлургическое производство и производство готовых металлоизделий	4,57
машиностроение	3,10
энергетика	5,33
Агропродовольственный комплекс (сельское хозяйство, пищевое производство)	4,14
Строительный комплекс (строительство, производство стройматериалов)	6,15
Экономика знаний – всего	10,79
В том числе:	
научные исследования и разработки	0,44
образование	3,63
здравоохранение	5,39
деятельность в сфере телекоммуникаций, ИТ и ВТ	1,34
Транспорт	7,10
Оптовая и розничная торговля	9,91
Гостиницы и рестораны	0,88
Финансовая деятельность	0,22
Государственное управление	5,49
Прочие отрасли	9,82

Источник. Рассчитано авторами по утвержденным данным Кемеровостата.

Все территории в ходе и после закрытия угольных предприятий испытывают общие экономические, экологические

и социальные проблемы. Решение этих проблем зачастую требует индивидуального подхода, но в целом применяемые меры нацелены на смягчение негативных социальных последствий, стимулирование экономики и восстановление окружающей среды, в том числе за счет вовлечения в процесс реструктуризации ресурсного потенциала территории. *Внедрение комплекса таких мероприятий получило название post-mining.*

Опыт развитых стран показывает, что реализация проектов post-mining там ведется «на основе использования инновационных технологий и с учетом оптимального соотношения интересов частного инвестора, общества и государства. При этом комплекс инженерных технологий обеспечивает перспективное развитие депрессивных регионов не только за счет решения локальных задач настоящего времени, но и за счет своевременного реагирования на глобальные угрозы недалекого будущего» [Пивняк и др., 2012].

Положительным примером post-mining можно назвать реструктуризацию каменноугольной отрасли Германии во второй половине XX в. и назревающую трансформацию немецкого энергетического комплекса под влиянием тренда на декарбонизацию экономики.

История добычи каменного угля на территории Германии насчитывает несколько сотен лет, до Второй мировой войны страна была одним из основных производителей угля в Европе. Максимального уровня добычи в послевоенный период ФРГ достигла в 1956 г. – 151,4 млн т. Но по мере утраты глобальной конкурентоспособности немецкого угля власти запустили процесс постепенного сворачивания отрасли и перехода на импорт угля. В частности, правительство стимулировало снижение добычи, выплачивая премии за каждую недопроизведенную тонну угля.

В ходе реструктуризации отрасли происходила консолидация угольных активов путем ликвидации мелких частных предприятий, формирования концернов. В 1968 г. для проведения этой структурной политики была создана компания Ruhrkohle AG, тогда же была разработана Программа развития Рура, ключевого угольного региона страны.

В результате с 1960 г. по 1980 г. количество шахт в ФРГ снизилось со 146 до 39, а к 2000 г. их осталось всего 12. Добыча каменного угля к 2010 г. сократилась до 13 млн т, численность

шахтеров – до 30 тыс. чел. (для сравнения: в 1957 г. было 610 тыс. чел.)⁶. Все эти годы власти вели планомерную работу по смягчению негативного эффекта от закрытия предприятий и высвобождения столь значительного для угольных территорий числа людей: это и возможность для горняков досрочного выхода на пенсию, и переобучение, и предоставление им новых рабочих мест, в том числе благодаря созданию в старопромышленных регионах современных видов экономической деятельности. Всего начиная с 1961 г. на поддержку угольной отрасли и преодоление последствий закрытия шахт немецкое правительство направило 130 млрд евро. Социальных потрясений удалось избежать.

В декабре 2018 г. в стране закрылась последняя каменноугольная шахта Prosper-Haniel. Сейчас германские электростанции, работающие на каменном угле, используют импортное топливо, главным образом из России и США, в 2019 г. его потребление находилось на уровне 40,5 млн т. На территории страны продолжается добыча бурого угля, в 2019 г. его производство составило 131,3 млн т, что на 22% меньше, чем в 2018 г.⁷ Данный вид топлива, применяемый на тепловых электростанциях (ТЭС), сохраняет свою конкурентоспособность, буроугольная отрасль в Германии не получает государственных дотаций. Тем не менее ее будущее стало вызывать вопросы. Дело в том, что при сжигании бурый уголь выделяет больше вредных веществ, чем каменный, и работающие на нем электростанции не вписываются в новую климатическую повестку и курс на «озеленение» экономики. Потому они, как планируется, постепенно будут закрываться (выработка электроэнергии из угля в ФРГ должна прекратиться самое позднее к 2038 г.).

Такая перестройка топливно-энергетического комплекса может быть чревата серьезными социально-экономическими потрясениями для регионов, которые она затронет. Ее вероятный масштаб позволяют оценить следующие данные: в 2018 г. доля генерации на каменном угле в общем производстве электроэнергии в Германии составила 12,9% (самый низкий показатель за последние тридцать лет), на буром угле – 22,5% [Зимаков, 2019], или почти пятую часть.

⁶ URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2018/12/21/789999-germanii-poslednyaya-ugolnaya-shahta> (дата обращения: 20.01.2022).

⁷ URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/5/932/ (дата обращения: 20.01.2022).

Чтобы смягчить возможные негативные последствия от закрытия добывающих предприятий и мощностей ТЭС для регионов и населения, власти готовят комплекс мер, среди них – инвестиции в человеческий капитал (образование), трансформация старых кластеров (возобновляемая энергетика) и развитие новых (биотехнологии, экологичный транспорт, информационные технологии), реализация инфраструктурных проектов и программ по восстановлению ландшафта и т.п. Суммарный объем финансирования, которое может быть выделено в течение двух десятилетий на реабилитацию угольных регионов Германии, превышает 50 млрд евро [Зимаков, 2019].

В настоящее время Евросоюз активно работает над формированием стратегии поддержки угольных регионов в процессе энергетического перехода и реализации программ достижения углеродной нейтральности. Главным принципом реализуемой ЕС платформы «Трансформация угольных регионов» заявлена *«справедливая трансформация» (Just Transition)*. Ее суть сводится к следующему: *«процесс экологизации не должен приводить к ухудшению положения регионов ЕС и его жителей»* [Зимаков, 2019].

Напомним, в 2018 г. на 24-й сессии Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата, которая проходила в Польше, несколько десятков стран подписали Силезскую декларацию о солидарности и справедливом переходе (РФ к ней не присоединилась). Принятие этого документа продиктовано стремлением смягчить процесс трансформации угольных регионов в условиях перехода к низкоуглеродной экономике.

В 2021 г. Совет Европы утвердил создание Фонда справедливого перехода в размере 17,5 млрд евро. Средства будут направлены на проекты по смягчению негативных социально-экономических факторов, сопровождающих переход на зеленую энергетику, в тех регионах Европейского союза, которые «серьезно зависят от ископаемых источников энергии, и где развита промышленность, производящая значительные выбросы парниковых газов, которые будут нуждаться в диверсификации местной экономики»⁸. Финансирование рассчитано на период до 2027 г.

⁸ URL: <https://tass.ru/ekonomika/11585381> (дата обращения: 20.12.2021).

Сторонники «справедливой трансформации» исходят из необходимости поддержания диалога со всеми заинтересованными сторонами и применения комплексного подхода при решении проблемных вопросов, возникающих в экономической, социальной, экологической, инфраструктурной и иных сферах при трансформации угольной отрасли и в целом угольных регионов.

Насколько это важно в текущих условиях, можно судить на примере Украины: страна, невзирая на сложную политическую и экономическую ситуацию, в последние несколько лет активно занималась подготовкой к реформированию национальной угольной отрасли на принципах «справедливой трансформации». Поддержку ей в этом оказывает Германия⁹. Организован Координационный центр по вопросам трансформации угольных регионов Украины, начал работу секретариат энергетического партнерства. В стране разрабатываются программа по *постепенному отказу от использования угля на период до 2030 г. и стратегия трансформации регионов*. Анонсированы пилотные проекты трансформации – городов Червонограда (Львовская область) и Мирнограда (Донецкая область). А в целом география программы включает пять регионов Украины, свыше 60 населенных пунктов, где проживает почти миллион человек.

Кузбасс: коридоры развития

Из-за вызовов, которые генерирует внешний рынок, экспортно ориентированная угольная отрасль РФ сегодня оказалась на пороге серьезных перемен. Речь идет о сокращении глобального спроса на уголь на фоне борьбы с изменением климата. В итоговом документе 26-й Конференции сторон Рамочной конвенции ООН по изменению климата (2021 г.) содержится призыв к постепенному сокращению сжигания угля без улавливания выбросов и неэффективного субсидирования добычи ископаемого топлива. Наряду с этим почти 50 государств, компаний и организаций присоединились к соглашению о переходе от использования угольных электростанций к «чистой» энергии. Это четкий сигнал для представителей угольной отрасли и властей крупнейших стран – экспортеров угля о необходимости опера-

⁹ Статья написана до начала спецоперации РФ на Украине. После ее завершения сроки реализации и условия прежних соглашений могли измениться – «ЭКО».

тивного пересмотра подходов к ведению бизнеса в данной сфере и к управлению угольными территориями.

Случившийся в 2021 г. «угольный ренессанс»: вопреки тренду декарбонизации выработка электроэнергии с применением угля выросла почти на 9% и достигла исторического максимума – свыше 10 000 ТВт*ч¹⁰, по мнению экспертов, носит временный характер, в силу сугубо экономических факторов, и только подтверждает долгосрочный вектор отказа от углеродного топлива.

В течение последних двадцати лет, за исключением непродолжительных периодов, связанных с падением конъюнктуры мировых рынков, угольная отрасль России демонстрировала финансовую эффективность, рост объемов добычи, инвестиций, производственных и инфраструктурных мощностей. Фактически имела место ситуация, обратная той, что предшествовала началу реструктуризации угольной отрасли в 1990-е гг.

Сейчас в отрасли нет внутреннего кризиса, правительству не надо вынужденно предпринимать меры по ее спасению. Сами власти – мировая энергетическая и климатическая политика – провоцируют глобальный кризис угольной отрасли. Российская угольная промышленность естественным образом оказалась вовлечена в этот процесс. В свою очередь угольные регионы РФ оказываются под угрозой ухудшения социально-экономического положения, и без того довольно сложного: встает вопрос о прекращении существования системообразующей для них отрасли. Безусловно, ситуация складывается уникальная, и она требует комплексного подхода к решению возникающих проблем.

Российские специалисты выдвигают идею второй реструктуризации угольной промышленности РФ для ее адаптации к новым условиям функционирования мировой экономики и говорят о необходимости разработки отраслевой стратегии на период до 2050 г. [Плакаткин, Плакаткина, 2021]. На наш взгляд, такая инициатива является адекватным ответом на актуальные вызовы: угольному бизнесу необходима поддержанная государством стратегия функционирования отрасли с набором целевых ориентиров и гарантий. Вместе с тем новая реструктуризация далеко не исчерпывает перечень мер по настройке угольного сектора

¹⁰ URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/01/21/905854-ugolnii-renessans> (дата обращения: 01.02.2022).

российской экономики под требования четвертого энергоперехода. Прежде всего потому, что, кроме непосредственно угольной отрасли, энергопереход затрагивает – напрямую и косвенно – и угольные регионы. Здесь *важен системный подход, в основу которого должны быть положены принципы «справедливой трансформации»*.

Для Кузбасса пришло время стать первым российским регионом, который решит проблему зависимости от добычи угля, проведя трансформацию своей экономики. В 2018 г. новое руководство Кемеровской области поставило задачу – «Кузбасс должен стать регионом номер один за Уралом по социально-экономическому развитию»¹¹. Само по себе стремление быть первым нельзя оспорить, важно понимать, какие вызовы региону нужно преодолеть и какие риски минимизировать на этом пути.

Осенью 2020 г. губернатор Кузбасса С.Е. Цивилев в интервью российскому Forbes констатировал: «Если мы уберем уголь, всё остальное развалится как картонный домик»¹². Год спустя он заявил, что «только уход от угольной зависимости сделает экономику региона устойчивой, и только в этом случае появится возможность сделать жизнь в регионе лучше»¹³. Сейчас перед Кузбассом стоит задача коренной трансформации стратегии развития: если не замещения угля в качестве ядра экономической парадигмы (это сложно даже в среднесрочной перспективе), то как минимум формирования дополнительных точек роста, а точнее – точек стабилизации.

Однако надо понимать, что *трансформация – процесс длительный (по нашим оценкам, в случае с Кузбассом он займет 40–50 лет) и капиталоемкий*, который требует тщательной проработки программы социально-экономических преобразований и ее последующей реализации с возможностью оперативной корректировки вектора движения.

Кемеровской области уже в ближайшее время следует разработать и запустить стимулы повышения инвестиционной привлекательности региона, создать дорожную карту новой

¹¹ URL: <https://ako.ru/news/detail/sergey-tsivilev-kuzbass-dolzhen-stat-regionom-omer-odin-za-uralom> (дата обращения: 20.01.2022).

¹² URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/409517-esli-my-uberem-ugol-vse-ostalnoe-razvalitsya-kak-kartochnyy-domikintervyu-s> (дата обращения: 15.01.2021).

¹³ URL: <https://www.avant-partner.ru/news/15260.html> (дата обращения: 25.11.2021).

экономики, концепцию трансформации угольных территорий с целью решения социальных, экологических и других первостепенных для населения проблем, объединив на этом пути усилия бизнеса, власти, науки и местного сообщества. Чтобы компенсировать поэтапное снижение доли угля в экономике, необходимо активизировать развитие межотраслевых связей и межрегионального взаимодействия – в первую очередь в рамках Южно-Сибирской конурбации. Не менее важным считаем проведение глубокой модернизации энергетического комплекса региона (внедрение более эффективных и экологичных технологий выработки электрической и тепловой энергии), где уголь в силу объективных причин способен сохранить конкурентоспособность в качестве топливного ресурса на длительную перспективу.

Подготовка Кузбасса к совершению «справедливого перехода» займет ориентировочно 15–20 лет. Затем еще не менее 20–30 лет продлится активная фаза трансформации.

Отдельное внимание необходимо уделить вопросам финансового обеспечения реструктуризации экономики Кемеровской области: с одной стороны, надо решить проблему компенсации потерь доходов, включая потери налоговой базы в результате сжатия или закрытия угольных производств, с другой – сформировать платформу для реализации инвестиционных стратегий по выводу региона на новый, «безугольный» этап развития.

Учитывая мировой опыт трансформации промышленных территорий, полагаем, оптимальным решением может стать сочетание механизма целевого финансирования со стороны федерального бюджета в рамках национальной программы реструктуризации угольных регионов (такая практика может быть опробована на пилотном кузбасском проекте) и работы внебюджетного грантового фонда (фонда трансформации Кузбасса), созданного в том числе за счет перечисления в него части прибыли угольных компаний и привлечения средств заинтересованных инвесторов.

Для координации процесса подготовки и реализации трансформации Кемеровской области полагаем необходимым создать единый центр управления (совет), куда бы вошли представители всех уровней государственной власти, бизнеса и местных сообществ. И на площадке совета проводить выработку и согласование коридоров будущего развития кузбасской экономики.

Литература

- Александров С. И., Речко Г. Н., Фридман Ю. А.* Кузбасс: стратегия социально-экономической реконструкции. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1991. 188 с.
- Артемьев В. Б.* Социально-экономические аспекты реструктуризации угольной промышленности (II этап реструктуризации) // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2003. № 3. С. 166–168.
- Астахов А. С.* Опыт и уроки реструктуризации угольной отрасли России // Экономическая наука современной России. 2001. № 1. С. 59–73.
- Бирюкова О. В.* История реструктуризации угольной промышленности Кузбасса (1994–2012 гг.): достижения и трудности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2. С. 194–198.
- Боровикова З. В.* Население Кемеровской области во второй половине 1940-х – 1950-е гг.: дисс. ... канд. историч. наук. Кемерово, 2011. 196 с.
- Воронин Д. В.* Влияние реструктуризации угольной промышленности на социально-политические процессы в Кузбассе в 1990-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 3. С. 74–80.
- Горизонты Кузбасса: Экономический очерк. Кемерово: Кн. изд-во, 1982. 224 с.
- Зимаков А. В.* Проблема деградации угледобывающих регионов Евросоюза в условиях экологизации европейской энергетики // Региональная экономика и управление: электронный журнал. № 3 (59). Номер статьи: 5915. 07.08.2019. URL: <https://eee-region.ru/article/5915/> (дата обращения: 20.01.2022).
- Кожуховский И. С.* Реструктуризация угольной промышленности России: автореф. ... канд. экон. наук. М., 2003. 17 с.
- Колосовский Н. Н.* К вопросу об экономическом районировании // Пространственная экономика. 2009. № 1. С. 102–123.
- Краснянский Г. Л., Зайденварг В. Е., Ковальчук А. Б., Скрыль А. И.* Уголь в экономике России и мира. М.: Экономика, 2011. 383 с.
- Краснянский Г. Л., Сарычев А. Е., Скрыль А. И.* Экономические кризисы и уголь России. М.: Изд. дом НИТУ «МИСиС», 2017. 77 с.
- Кузбасс. Прошлое. Настоящее. Будущее / Гл. ред. А. П. Окладников. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1978. 365 с.
- Очерки экономики Сибири / Отв. ред. В. В. Алексеев. Новосибирск: Наука Сиб. отд., 1980. 352 с.
- Палевская С. А., Дорошилова А. В., Лузина Ф. А.* Анализ динамики численности и урбанизации населения Кемеровской области (1926–2019 гг.) // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья им. Н. А. Семашко. 2019. № 3–4. С. 77–87.
- Петрук К. В., Романинец Р. Н.* Реструктуризация угольной промышленности: мировые тенденции и отечественные реалии // Сборник научных работ серии «Финансы, учет, аудит». Вып. 20 / ГОУ ВПО «ДонАУиГС». Донецк: ДонАУиГС, 2020. С. 26–42.
- Пивняк Г. Г., Шашенко А. Н., Пилов П. И., Пашкевич М. С.* Post-mining: технологический аспект решения проблемы // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2012. № 51. С. 20–31.
- Плакиткин Ю. А., Плакиткина Л. С.,* Парижское соглашение как фактор ускорения «энергетического перехода»: меры по адаптации угольной отрасли

к новым вызовам // Уголь. 2021. № 10. С. 19–23. DOI: 10.18796/0041–5790–2021–10–19–23.

Пономарев В. П., Ковальчук А. Б. Экономическое положение российской угольной промышленности после первого этапа реструктуризации (1994–1998 гг.) и на дальнюю перспективу // Журнал прикладных исследований, 2001. № 1–3. С. 94–107.

Прогноз развития энергетики мира и России / Под ред. А.А. Макарова, Т.А. Митровой, В.А. Кулагина. М.: ИНЭИ РАН – Московская школа управления СКОЛКОВО, 2019. 210 с.

Рожков А. А. Регулирование социально-экономических последствий промышленной реструктуризации (на примере угольной отрасли). М.: АО «Росинформуголь», 2016. 290 с.

Тимошенко А. И. Модернизация советской экономики и социума в Урало-Сибирском регионе // Исторический курьер. 2020. № 1. С. 37–46. DOI: 10.31518/2618–9100–2020–1–3.

Тимошенко А. И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Новосибирск: Сибирское научное изд-во, 2007. 287 с.

Тимошенко А. И. Урало-Кузбасс: создание второй угольно-металлургической базы экономики СССР в 1930-е гг. // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12. № 1. С. 70–92.

Цыкунов Г. А. ТПК и кластеры: новые подходы и проблемы // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2011. № 4. С. 225–230.

Шмыглева А. В. Экологические последствия индустриального освоения Кузбасса // Вестник Сибирского государственного индустриального университета. 2015. № 2. С. 80–84.

Статья поступила 08.02.2022

Статья принята к публикации 15.02.2022

Для цитирования: *Фридман Ю. А., Логинова Е. Ю., Речко Г. Н., Хохрина О. И.* Кузбасс как углепромышленная территория: опыт трансформации и оценка коридоров развития // ЭКО. 2022. № 5. С. 88–110. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2022-5-88-110

Summary

Fridman, Yu. A., Doct. Sci. (Econ.), Loginova, E. Yu., Cand. Sci. (Political), Rechko, G. N., Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk, Khokhrina, O. I., Kemerovo State University, Kemerovo

Kuzbass as a Coal-producing Territory: Transformation Experience and Assessment of Development Corridors

Abstract. The processes of coal abandonment in Russia caused by the energy transition and decarbonization of the world economy are considered within the framework of the theory of sustainable development of territories and evolutionary economic geography. The abandonment of coal in the strategic perspective will affect the interests of coal clusters, cities and regions, will make significant adjustments in inter-regional and inter-industry relations. In modern Russia, Kuzbass will be the first to make the transition from coal. The authors have studied how, since the

beginning of the 20th century, the development of the natural resource potential of the territory and the development of the region went through a series of transformations, accompanied by a change of paradigms, models and tools. Now the Kemerovo Region is facing the task of fundamentally restructuring its development strategy. The first stage (until 2035) is not about replacing coal as the core of the economic paradigm, but about creating additional points of growth and stabilization. At the second stage (after 2035), the region will have to radically transform the socio-economic system, abandoning coal as the main source of income of the territory. According to the authors, the transformation should be based on the principles of "Just Transition". (Just Transition), widely used in the European Union. The paper discusses some of them and gives recommendations for further adaptation of the principles of "Just Transition" to the conditions of Kuzbass. This will prevent the deterioration of the socio-economic situation of the region and its inhabitants, as well as prepare a platform for further development.

Keywords: *Kuzbass; coal territory; development corridors; drivers; energy transition; decarbonization of the economy; restructuring of the coal industry; post-mining; fair transformation*

Funding. The research was carried out with the plan of research work of IEIE SB RAS, project "Driving forces and mechanisms of cooperation and integration processes in the economy of Siberia" (№ 121040100279–5).

References

- Aleksandrov, S.I., Rechko, G.N., Fridman, Yu.A. (1991). *Kuzbass: the strategy of social-economic reconstruction*. Novosibirsk, Nauka SB Publ. 188 p. (In Russ.).
- Alekseev, V.V. (Ed.). (1980). *Outline of Siberian economy*. Novosibirsk, Nauka SB Publ. 352 p. (In Russ.).
- Artem'ev, V.B. (2003). Social-economic aspects of restructuring coal mining industry (II step restructuring). *Gornjii informacionno-analiticheskii bulletin'. Mining informational and analytical Bulletin*. No. 3. Pp. 166–168. (In Russ.).
- Astakhov, A.S. (2001). Practice and lessons of restructuring Russia coal mining industry. *Economicheskaya nauka sovremennoi Rossii. Economic science of present Russia*. No. 1. Pp. 59–73. (In Russ.).
- Biryukova, O.V. (2013). The history of restructuring coal mining industry in Kuzbass (1994–2012): achievements and complications. *Bulletin of Kemerovo state university*. No. 2. Pp. 194–198. (In Russ.).
- Borovikova, Z.V. (2011). *Population of Kemerovo region in second part 1940–1950*. Kemerovo, Kemerovo state university Publ. 196 p. (In Russ.).
- Kolosovskiy, N.N. (2009). On the question economic zoning. *Spatial economics*. No. 1. Pp. 102–123. (In Russ.).
- Kozhukhovskiy, I.S. (2003). *Restructuring Russia coal mining industry*. Moscow. 17 p. (In Russ.).
- Krasnyanskiy, G.L., Sarychev, A.E., Skryl', A.I. (2017). *Economic crisis and coal of Russia*. Moscow, MISiS Publ. 77 p. (In Russ.).
- Krasnyanskiy, G.L., Zaidenvarg, V.E., Koval'chuk, A.B., Skryl', A.I. (2011). *Coal in the economy of Russia and world*. Moscow, Economy Publ. 383 p. (In Russ.).
- Kuzbass horizons. Economic review*. Kemerovo, Book Publ. 224 p. (In Russ.).

Makarov, A.A., Mitrova, T.A., Kulagin, V.A. (Ed.). (2019). *Global and Russian Energy Outlook*. Moscow, INJeI RAN – SKOLKOVO Publ. 210 p. (In Russ.).

Okladnikov, A.P. (Ed.). (1978). *Kuzbass. Past. Present. Future*. Kemerovo, Kemerovo Book Publ. 365 p. (In Russ.).

Palevskaya, S.A., Doroshilova, A.V., Luzina, F.A. (2019). Analysis of the numbers and urbanization of the population of the Kemerovo region (1926–2019). *The bulletin of N.A. Semashko National research institute public health*. No. 3–4. Pp. 77–87. (In Russ.).

Petruk, K.V., Romaninets, R.N. (2020). *Restructuring of the coal industry: world trends and domestic realities*. Donetsk, DonAU&S Publ. Pp. 26–42. (In Russ.).

Pivnyak, G.G., Shashenko, A.N., Pilov, P.I., Pashkevich, M.S. (2012). Post-mining: technological aspect on solution of problem. *Mining informational and analytical Bulletin*. No. 51. Pp. 20–31. (In Russ.).

Plakitkin, Yu.A., Plakitkina, L.S. (2021). Paris Agreement on Climate change as a driver to accelerate energy transition: measures to adapt the coal sector to new challenges. *Coal journal*. No. 10. Pp. 19–23. DOI: 10.18796/0041–5790–2021–10–19–23 (In Russ.).

Ponomarev, V.P., Koval'chuk, A.B. (2001). Economic situation in russian coal mining industry after the first step restructuring (1994–1998) and on far future. *Journal of practice research*. No.1–3. Pp. 94–107. (In Russ.).

Rozhkov, A.A. (2016). *Regulation of socio-economic impacts of industrial restructurization (coal mining industry case)*. Moscow, Russian InfoCoal Publ. 290 p. (In Russ.).

Shmygleva, A.V. (2015). Ecological impacts of Kuzdass industrial development. *Bulletin of Siberia state industrial university*. No. 2. Pp. 80–84. (In Russ.).

Timoshenko, A.I. (2007). *Projects of social-economic development Siberia in XX: concepts and solutions*. Novosibirsk, Nauka SB Publ. 287 p. (In Russ.).

Timoshenko, A.I. (2011). Ural-Kuzbass: forming the second coal-metal base of the USSR economy during 1930 years. *Journal of economic history & history of economics*. V. 12. No. 1. Pp. 70–92. (In Russ.).

Timoshenko, A.I. (2020). Modernization of the soviet economy and society in the Siberian region. *Historical courier*. No. 1. Pp. 37–46. DOI: 10.31518/2618–9100–2020–1–3 (In Russ.).

Tsykunov, G.A. (2011). Territorial production complex and clusters: new approaches and problems. *The bulletin of Irkutsk state economic academy*. No. 4. Pp. 225–230. (In Russ.).

Voronin, D.V. (2008). The influence of restructurisation of coal mining industry on the social political process in Kuzbass in 1990-s. *Bulletin of Tomsk state university. History*. No. 3. Pp. 74–80. (In Russ.).

Zimakov, A.V. (2019). Clean energy transition in EU and the crisis in european coal regions. *Regional economy and management*. No 3. Article 5915. URL: <https://eee-region.ru/article/5915/> (accessed 20.01.2021). (In Russ.).

For citation: Fridman, Yu. A., Loginova, E. Yu., Rechko, G. N., Khokhrina, O.I. (2022), Kuzbass as a Coal-producing Territory: Transformation Experience and Assessment of Development Corridors. *ECO*. No. 5. Pp. 88–110. (In Russ.) DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-5-88-110

Прогноз развития инвестиционного комплекса России в 2022–2023 гг.¹

Е.В. АГЕЕВА. E-mail: ageevalenav@gmail.com; ORCID: 0000–0001–5583–8749
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
А.О. БАРАНОВ, доктор экономических наук.
E-mail: baranov@ieie.nsc.ru; ORCID: 0000–0001–8597–9788
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирский национальный исследовательский государственный
университет, Новосибирск

Аннотация. В статье приводятся результаты краткосрочного прогнозирования динамики ВВП, инвестиций в основной капитал и некоторых важнейших показателей инвестиционного комплекса России в условиях высокой неопределенности 2022–2023 гг. В построении прогноза используются эконометрические модели с поквартальным шагом. Для обоснования динамики объясняющих переменных проведен ретроспективный анализ вариации цен на нефть и изменений монетарной политики Банка России в 2020 г. – начале 2022 г. С учетом сложившейся в 2022 г. геополитической обстановки рассматриваются два варианта – консервативный и умеренно-консервативный. Оценены параметры рынка нефти, денежного рынка и некоторых других использованных переменных.

Ключевые слова: экономика России; прогнозирование;
инвестиционный комплекс; экономический рост

Прогнозирование инвестиционного комплекса может выполняться независимо от других отраслей национальной экономики или в рамках более общих моделей экономического развития, которые представляют собой системы эконометрических и (или) балансовых уравнений и позволяют увязывать его динамику с вариацией индикаторов других видов экономической деятельности.

В данной работе использовались регрессионные уравнения, построенные на основе квартальных данных о развитии экономики России в период 2000–2021 гг. [Баранов, Агеева, 2021].

На сегодняшний день проблемы развития инвестиционной деятельности и совершенствования экономических механизмов их стимулирования являются одними из важнейших

¹ Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект 5.6.6.4. (0260–2021–0008) «Методы и модели обоснования стратегии развития экономики России в условиях меняющейся макроэкономической реальности» № 121040100281–8.

в российской экономике. Многие отечественные исследователи считают темпы роста инвестиций в России недостаточными. По оценкам ИМП РАН, приемлемый рост экономики в 4–5% может быть достигнут при норме накопления основного капитала к 2025 г. до 25–28% ВВП и темпах прироста инвестиций в основной капитал на уровне 8–12% [Структурно-инвестиционная..., 2017]. Между тем максимальный годовой прирост инвестиций, которого удалось добиться за период 2015–2021 гг., составил всего 7,7%, а в отдельные годы его темпы сокращались до отрицательных значений. Одна из причин такого темпа роста инвестиций – крайне невысокая платежеспособность предприятий инвестиционного машиностроения и производства комплектующих для фондосоздающих отраслей.

И. А. Буданов утверждает, что если в 2020–2022 гг. Правительство России в рамках проведения национальных проектов создаст механизм инвестиционного развития и сформирует инвестиционный задел, то уже в 2023–2025 гг. появится высокий шанс для его реализации [Буданов, 2020].

В. Н. Борисов и О. В. Почукаева предложили вариант прогноза развития машиностроения, опираясь на инновационную насыщенность инвестиций в основной капитал отраслей машиностроения [Борисов, Почукаева, 2021]. Такая прогнозно-аналитическая модель позволяет оценивать качественные сдвиги в отраслях, чувствительных к росту инвестиций.

В данной работе приводятся результаты краткосрочного прогнозирования развития инвестиционного комплекса России с использованием эконометрических моделей с поквартальным шагом, так как мы считаем, что динамические межотраслевые модели целесообразно применять для прогнозирования развития инвестиционного комплекса на средне- или долгосрочную перспективу.

Под инвестиционным комплексом здесь понимается совокупность видов экономической деятельности, обеспечивающих формирование основного капитала. Это отрасли машиностроения, строительство, промышленность строительных материалов.

Помимо этого, в рамках исследования изучается воздействие монетарной политики на динамику макропоказателей, являющихся результатом функционирования инвестиционного комплекса – инвестиции в основной капитал и ввод в действие жилья.

Работа проводилась в два этапа.

1. Прогноз динамики ВВП и инвестиций в основной капитал.
2. Прогноз развития инвестиционного комплекса с использованием оценок, полученных на первом этапе.

Прогноз динамики ВВП и инвестиций в основной капитал

Экономический рост в России традиционно сильно зависит от динамики цен на нефть и кредитно-денежной политики Центрального банка, поэтому мы в своем прогнозе рассматриваем различные варианты изменения этих показателей и оцениваем их воздействие на экономическую динамику страны в 2022–2023 гг.

Помимо традиционных факторов, в прогнозе было учтено влияние динамики выхода мировой и российской экономики из экономического кризиса, порожденного пандемией коронавирусной инфекции, а также геополитические факторы, связанные с проведением специальной военной операции России на территории Украины в 2022 г.

Важнейшим фактором, который влиял на развитие экономики России в 2020–2021 гг. и будет влиять в 2022 г., является *коронавирусная инфекция*. В случае новых вспышек заболевания возможно возобновление ограничительных мер и сокращения объемов производства в сфере услуг и других отраслях национальной экономики. Так, в начале 2022 г. правительства многих стран, включая Россию, вводили ряд ограничений, которые негативно сказались на экономической динамике. Масштаб и продолжительность влияния этого фактора на рынок туристических услуг, транспортную отрасль, офлайн-торговлю, коммерческую недвижимость, сферу досуга и развлечений и другие рынки пока до конца не ясны.

Так, исследователи отмечают, что одним из эффектов противоэпидемиологических ограничений стало неожиданное обнаружение того вреда, который эготуризм причиняет экологическим системам, и полагают, что после их отмены необходимо ввести ряд дополнительных мер, направленных на контроль туризма и природоохранной деятельности [Мкртчян, Блам, 2021]. А. В. Алексеев [Алексеев, 2021] указывает на недостатки Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности РФ до 2024 г. и до 2035 г., которые заключаются в отсутствии

четко прописанной ответственности бизнеса и государства за исполнение поставленных целей. Оценивая меры государственной поддержки отдельных отраслей, эксперты подчеркивают, что при ориентации этой поддержки на крупный бизнес, происходят «вымывание» средних и малых предприятий из структуры торговли и рост концентрации в отрасли [Симачев и др., 2021], а в IT-секторе скорость выхода из кризиса будет обусловлена качеством предпринимаемых государством мер [Яковлев и др., 2021]. Отмечается, например, что применение «налогового маневра» положительно влияет на его развитие.

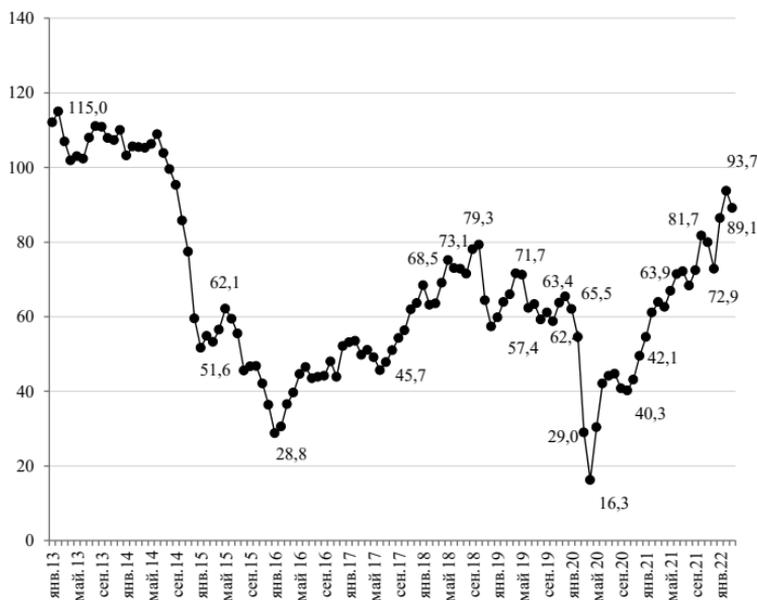
Помимо этого, важнейшим фактором влияния, который мы включили в свои расчеты, стали экономические последствия специальной военной операции России на территории Украины и принятых странами Запада антироссийских санкций. Введенные санкции негативно скажутся на экспорте продукции нефтегазового комплекса, металлов, удобрений, продовольствия, а ограничения на поставку в Россию ряда высокотехнологичных товаров неизбежно затормозят динамику производства в авто- и авиастроении, других отраслях машиностроения, авиаперевозках и т.д.

Все эти факторы действуют в направлении снижения темпов роста прогнозируемых показателей. Они были учтены в прогнозе на основе расчетов с использованием уравнений регрессии или отражены с учетом экспертных оценок авторов.

Динамика цен на нефть

Остановимся на ключевых факторах, предопределявших динамику цен на нефть в начале 2022 г. (рис. 1).

На заседании 1 февраля 2022 г. мониторинговый комитет ОПЕК+ рассмотрел доклад о состоянии рынка нефти. Согласно документу, дефицит нефти, который по итогам 2021 г. составил 1,5 млн барр./сутки, в 2022 г. сменится профицитом в размере 1,2–1,6 млн барр./сутки (в зависимости от сценария), но запасы нефти в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) будут ниже уровня 2015–2019 гг. (показатель используется для оценки эффективности балансировки рынка в рамках соглашения ОПЕК+) как минимум до осени 2022 г.

Источник. Сайт Минэкономразвития РФ. О средней цене на нефть марки Urals. Данные за 2013–2021 гг.

Рис. 1. Динамика среднемесячной цены на нефть Urals в 2013–2022 гг., долл./барр.

В сценариях развития рынка нефти предполагается, что ОПЕК+ продолжает наращивать добычу нефти на 400 тыс. барр./сутки ежемесячно до октября 2022 г., а из стратегических резервов США в 1-м полугодии 2022 г. будут дополнительно высвобождены 40 млн барр. нефти (из них 13,3 млн барр. вернутся обратно уже в третьем квартале 2022 г.)². При этом добыча нефти в Иране, Ливии и Венесуэле (не входят в ОПЕК+) прогнозируется на уровне декабря 2021 г.

Необходимо отметить, что беспокойство рынка в конце 2021 г. – начале 2022 г. вызывает не чрезмерная добыча нефти, а неспособность ряда стран ОПЕК+ восстановить добычу до разрешенных уровней. Это связано с чередой недавних

² Подобедова Л. ОПЕК+ решила нарастить добычу нефти на 400 тыс. барр. с августа [Эл. ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/business/18/07/2021/60ddec19a794773d8b38196> (дата обращения: 31.07.2021).

аварий и вынужденных ремонтов, а также недостатком инвестиций в нефтяную отрасль в последние годы. В результате на рынок недопоставляются значительные объемы этого продукта.

Спрогнозировать цены на нефть даже на среднесрочную перспективу довольно сложно, так как на этот параметр влияет целый ряд противоречивых факторов. В направлении снижения цен в прогнозном периоде (2022–2023 гг.) влияет достигнутое летом 2021 г. и позднее подтвержденное соглашение ОПЕК+ о наращивании добычи начиная с августа 2021 г. Отметим также меры по переходу к так называемой «зеленой» экономике, которые начинают активно внедрять страны ЕС и США. Однако, по нашему мнению, в краткосрочном плане (2 года) они не окажут заметного воздействия на динамику цен на нефть. Одновременно действуют факторы, толкающие нефтяные цены вверх. Прежде всего, это восстановительный рост мировой экономики, который приводит к увеличению глобального спроса на энергоресурсы, геополитическая напряженность, связанная с событиями на Украине, а также неспособность ряда стран – экспортеров нефти увеличить производство в рамках выделенных им квот.

По *консервативному варианту* нашего прогноза среднегодовая цена нефти Urals в 2022 г. составит примерно 86 долл./барр., что на 25% выше, чем в 2021 г. (69 долл./барр.). Отметим, что в первом квартале 2022 г. российская нефть продавалась с существенным дисконтом из-за нежелания ряда западных стран покупать ее в связи с событиями на Украине. Нельзя исключить, что это будет продолжаться и в последующие периоды 2022 г. Для 2023 г. предполагается, что влияние роста глобального спроса в результате восстановления мировой экономики перекроет эффект от увеличения предложения нефти со стороны ОПЕК+. Среднегодовая цена нефти Urals будет равна примерно 93 долл./барр., что на 6% выше соответствующего показателя 2022 г.

В *умеренно-консервативном* варианте среднегодовая цена нефти Urals в 2022 г. возрастет по сравнению с 2021 г. на 35% и будет равна примерно 93 долл./барр. В 2023 г. она увеличится еще, возможно, на 9% – до 102 долл./барр. (рис. 2). Такой рост цен будет обусловлен быстрым восстановлением мировой экономики.

Источник. 2013–2021 гг. – факт., 2022–2023 гг. – прогноз авторов.

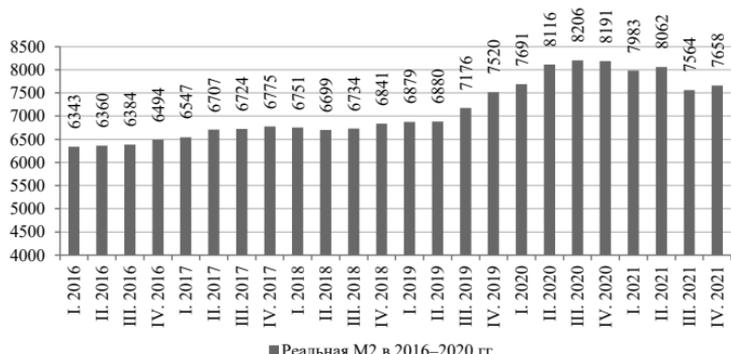
Рис. 2. Динамика среднегодовой цены на нефть марки Urals в 2013–2023 гг., долл./барр.

Кредитно-денежная политика Банка России

Мы проанализировали монетарную политику ЦБ РФ в 2021 г. и в начале 2022 г.

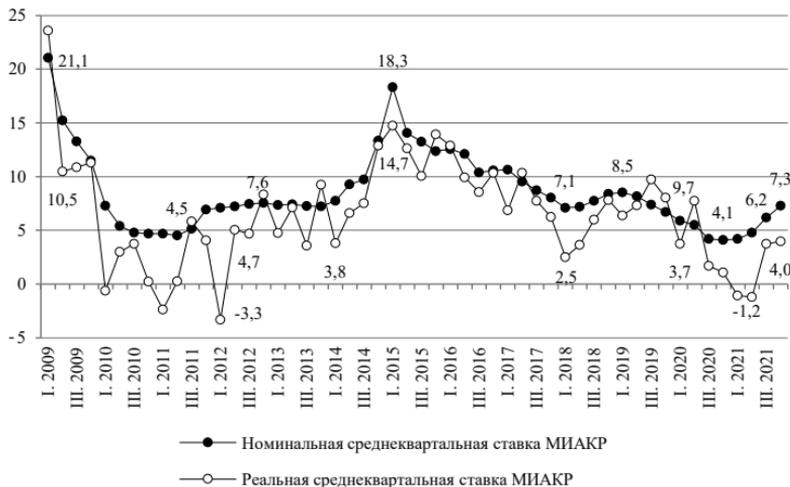
С начала 2021 г. во многих странах мира существенно ускорилась инфляция, что было обусловлено возникновением дефицита ряда товаров и услуг из-за остановки производств в предыдущий год и проблем в логистике, а также ускоренным выходом мировой экономики из кризиса. Россия не стала исключением: ее ИПЦ в годовом выражении вырос с 4,9% в 2020 г. до 8,4% в 2021 г., и это побудило банк России вернуться к более жесткой монетарной политике. В течение 2021 г. дважды увеличивалась ключевая ставка: с 4,25% годовых в начале года до 6,5% годовых в августе и 8,5% в конце года. Среднее значение денежного агрегата M2, характеризующего предложение денег, сократилось в четвертом квартале 2021 г. по сравнению со вторым кварталом 2021 г. примерно на 5% (рис. 3). В результате номинальная среднеквартальная ставка МИАКР выросла с 4,1% в четвертом квартале 2020 г. до 7,3% годовых годом позже. Соответственно

увеличилась и реальная среднеквартальная ставка с 1,1% до 4% годовых в те же периоды (рис. 4)³.

Источник. Данные ЦБ РФ, расчеты авторов.

Рис. 3. Поквартальная динамика реального денежного агрегата M2 в России в 2016–2021 гг., млрд руб. (цены 4-го квартала 2001 г.)

Источник. Расчеты авторов по данным ЦБ РФ.

Рис. 4. Динамика среднеквартальной номинальной и реальной ставки МИАКР в 2009–2022 гг., %

³ Среднеквартальная реальная ставка МИАКР получена путем дефлирования среднеквартальной номинальной ставки МИАКР по дефлятору ВВП.

Таким образом, *на стадии выхода экономики России из кризиса, связанного с пандемией коронавируса, Центральный банк РФ начал жестко бороться с инфляцией, невзирая на негативные последствия такой политики для экономического роста и занятости.* В связи с этим отметим, что ФРС США не изменила ставку рефинансирования в 2021 г., несмотря на ускорение инфляции до 7%, что является наибольшим показателем за последние 40 лет⁴. Лишь в марте 2022 г. ФРС повысила ее до 0,25–0,5% годовых – впервые с 2018 г. Ожидается, что в дальнейшем в 2022 г. ФРС США будет проводить более жесткую монетарную политику⁵. Европейский центральный банк на своих заседаниях в феврале – марте 2022 г. сохранил базовую процентную ставку на рекордно низком нулевом уровне⁶, несмотря на высокую инфляцию (7,5%)⁷ в еврозоне, которая имела место в марте 2022 г. .

Иначе говоря, крупнейшие центральные банки мира в 2021 г. отдавали предпочтение сохранению и увеличению занятости и экономическому росту, считая подавление инфляции менее приоритетной целью.

По *консервативному варианту* прогноза Центральный банк России в целях подавления инфляции будет и далее проводить жесткую монетарную политику, и среднегодовой реальный денежный агрегат M2 за 2022 г. снизится примерно на 5% (притом, что годом ранее он вырос приблизительно на 10,5%). В 2023 г. этот показатель увеличится, но на сравнительно небольшую величину 10% (рис. 5).

В *умеренно-консервативном варианте* прогноза предполагается, что ЦБ России во второй половине 2022 г. несколько смягчит монетарную политику. Реальный денежный агрегат M2 по итогам 2022 г. уменьшится примерно на 2% по сравнению со среднегодовым показателем 2021 г., а в 2023 г. возрастет приблизительно на 15%.

⁴ Американская инфляция обновляет рекорды. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5158363> (04.02.2022)

⁵ ФРС США повысила базовую ставку. URL: <https://ria.ru/20220316/stavka-1778561714.html?> (02.04.2022)

⁶ ЕЦБ сохранил нулевую ставку. URL: <https://lprime.ru/world/20220203/835972617.html> (04.02.2022)

⁷ Инфляция в еврозоне пятый месяц подряд стала рекордной. URL: https://www.rbc.ru/economics/01/04/2022/6246d5ef9a794754821331a1?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (02.04.2022)

Источник. Данные Банка России, Росстата, расчеты авторов.

Рис. 5. Темп роста среднегодового реального денежного агрегата М2 в 2016–2023 гг.

Последствия западных санкций, введенных в связи с проведением специальной операции на Украине

Основные негативные эффекты для экономики России могут быть сведены к следующему:

- потеря примерно половины золотовалютных резервов, что ограничивает возможности Банка России регулировать обменный курс рубля путем валютных интервенций (это негативное воздействие было отчасти купировано за счет требования России оплачивать экспортируемый газ в рублях);
- существенное обесценение рубля, удорожание импортных товаров и услуг (но здесь же есть и позитивные последствия – удешевление экспорта, удорожание импорта);
- усиление инфляции вследствие роста цен на импорт, попыток (часто необоснованных) поднять цены на продукцию отечественного производства, усиление инфляционных ожиданий;
- сокращение объема услуг на авиатранспорте;
- сокращение объема туристических услуг, связанных с их импортом;
- в перспективе – возможное уменьшение экспорта нефти, нефтепродуктов, газа, минеральных удобрений, металлов, уменьшение производства в нефтегазовом комплексе;
- падение доходов населения, рост безработицы;

- возможный значительный дефицит бюджета в связи с уменьшением налоговой базы в результате сокращения производства и экспорта.

При этом в условиях санкционной экономики для страны открываются новые возможности. Во-первых, связанные с началом новых и ускорением реализации крупных инфраструктурных проектов, в том числе – в азиатской части России (строительство двухполосной дороги: Екатеринбург – Владивосток и дороги Москва – Нижний Новгород – Казань – Екатеринбург; другие проекты: «Сила Сибири – 2», расширение БАМа и Транссиба, строительство железной дороги Курагино – Кызыл и др., развитие портового хозяйства на Дальнем Востоке).

Во-вторых, ожидаются ускоренное развитие производства гражданских самолетов (МС-21, ИЛ-96, ТУ-214, SSJ-100, самолеты малой авиации), ускорение реализации инвестиционных проектов в этой сфере и связанное с этими обстоятельствами активное развитие внутренней региональной авиации (при сопутствующем развитии сети региональных аэропортов).

В-третьих, активизируется реализация проектов в сфере IT- технологий, налоговое льготирование этой отрасли уже реализовано. В-четвертых, ускорятся и углубятся процессы импортозамещения, в том числе – в сфере производства оборудования для нефтегазового комплекса, включая развитие этого производства на мощностях предприятий юга Сибири. В-пятых, можно ожидать ускоренного развития внутреннего туризма (для его стимулирования целесообразно предоставление беспроцентных кредитов на массовое строительство отелей). Наконец, неплохие перспективы открывают возможности введения внешнего управления или национализация с последующей продажей в частные руки собственности компаний, ушедших из России, предоставление льготных кредитов бизнесу, развивающему альтернативные сети торговых центров, ресторанов и т.д.

Иначе говоря, *санкционное давление порождает ускоренное развитие импортозамещения во многих секторах экономики, что будет противостоять снижению темпов экономического роста.* По нашему мнению, усилия по импортозамещению начнут оказывать позитивное влияние на темпы экономического роста в России уже во второй половине 2022 г.

Обобщая, можно сказать, что консервативный вариант построен на предположениях о заметном негативном влиянии санкций Запада и жесткой монетарной политике Банка России на экономический рост в России. В умеренно-консервативном варианте санкционное давление скажется на макроэкономической динамике в меньшей степени в связи с действием факторов, обусловленных мерами Правительства России и активным импортозамещением.

В 2022 г. по *консервативному варианту* прогноза ВВП России снизится примерно на 10%. Инвестиции в основной капитал, которые практически всегда демонстрируют большую волатильность, сократятся примерно на 12% относительно 2021 г. В 2023 г. темп прироста ВВП составит 0,5%, а инвестиции в основной капитал останутся приблизительно на уровне 2022 г. (рис. 6 и 7).

Источник рис. 6, 7. Для 2015–2021 гг. – данные Росстата, для 2022–2023 гг. – расчеты авторов.

Рис. 6. Темп прироста ВВП экономики России в 2015–2023 гг.,%

По *умеренно-консервативному варианту* в 2022 г. в связи с более активным восстановлением рынка нефти и предполагаемым смягчением монетарной политики Банка России ВВП сократится не так сильно – примерно на 5%. Объем инвестиций при этом уменьшится на 8% относительно 2021 г., а в 2023 г. их прирост составит около 3%.

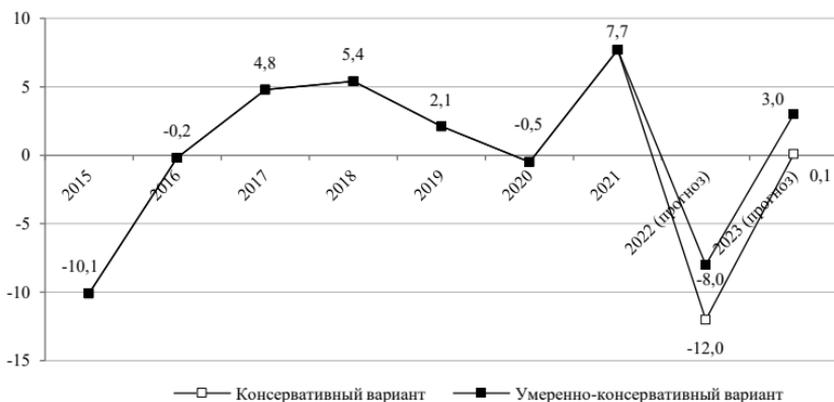

Рис. 7. Темп прироста инвестиций в основной капитал в 2015–2023 гг.,%

Подытоживая макроэкономические прогнозные расчеты, отметим, что развитие мировой и российской экономик в 2021 г. происходило более высокими темпами, чем это ожидалось в разгар пандемии подавляющим большинством аналитиков. Однако в 2022 г. восстановительный рост мировой экономики замедлится в связи с геополитической напряженностью вокруг Украины. По итогам года прогнозируется снижение российского ВВП в пределах от 5 до 10%, а темпа прироста инвестиций в основной капитал – в интервале от 8 до 12%.

В 2023 г., по нашим расчетам, возможно незначительное увеличение ВВП России (в пределах 0,5–1%) при благоприятных условиях внешнеэкономической конъюнктуры, активной реализации национальных проектов и постепенном смягчении монетарной политики ЦБ РФ (уже во второй половине 2022 г.). Темп прироста инвестиций в основной капитал при этом будет находиться в пределах 0,1–3% (рис. 6, 7).

Краткосрочный прогноз показателей инвестиционного комплекса России

Значения объясняющих переменных, использованные нами при прогнозировании динамики индикаторов инвестиционного комплекса в 2022–2023 гг., приведены в таблице 1.

При построении этого прогноза, как и в предыдущем случае, предполагалось, что в умеренно-консервативном варианте конъюнктура мирового рынка энергоносителей будет более благоприятной, и Банк России уже во второй половине 2022 г. начнет проводить более мягкую монетарную политику по сравнению с консервативным вариантом.

Таблица 1. Значения объясняющих переменных в 2022–2023 гг. при построении прогноза показателей инвестиционного комплекса

Вариант	2021	2022	2023
<i>Реальный ВВП (темпы прироста)</i>			
Консервативный	4,7	-10,0	0,5
Умеренно-консервативный		-5,0	1,0
<i>Реальный денежный агрегат М2 (темпы прироста среднегодового значения)</i>			
Консервативный	11	-5,0	10,0
Умеренно-консервативный		-2,0	15,0
<i>Реальный обменный курс (темпы прироста среднегодового значения курса доллара)</i>			
Консервативный	2,4	20,0	5,0
Умеренно-консервативный		15,0	2,0
<i>Номинальная ставка МИАКР (среднегодовое значение)</i>			
Консервативный	5,6	20,0	15,0
Умеренно-консервативный		15,0	10,0

Источник. Данные Росстата, Банка России, для 2022–2023 гг. – прогноз авторов.

Примечание. Темпы прироста ВВП взяты из макроэкономического прогноза – см. рис. 7.

В таблице 2 представлены темпы роста показателей, характеризующих инвестиционный комплекс РФ по консервативному и умеренно-консервативному сценариям.

Динамика ввода жилья в 2021 г. показала рекордный прирост за всю постсоветскую историю – +32,7%. Причинами такого внушительного результата являются реализованные меры государственной поддержки отрасли, в том числе снижение ставок по ипотеке, а также применение механизма эскроу-счетов. Впрочем, на фоне весьма скромного прироста ввода в действие жилья в пандемийном 2020 г. (всего 0,4%) результат 2021 г. фактически выравнивает динамику ввода жилья до среднесрочных значений.

Таблица 2. Темпы роста показателей инвестиционного комплекса в 2018–2023 гг. по вариантам прогноза, %

Вариант	2018	2019	2020	2021	2022 (прогноз)	2023 (прогноз)
Динамика ввода жилых домов, млн м²						
Консервативный	95,8	106,6	100,4	132,7	101,1	104,9
Умеренно-консервативный					103,8	109,1
ВДС по строительству, млрд руб.						
Консервативный	101,9	98,2	100,0	105,1	100,1	101,2
Умеренно-консервативный					101,2	103,1
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий, млрд руб.						
Консервативный	106,2	104,1	97,9	104,8	102,2	103,3
Умеренно-консервативный					103,4	107,3
Производство электрического оборудования, млрд руб.						
Консервативный	107,2	97,7	104,2	110,4	105,4	107,3
Умеренно-консервативный					107,1	109,7
Подраздел DL, Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования, млрд руб.						
Консервативный	103,8	100,9	99,9	102,0	103,0	105,4
Умеренно-консервативный					104,8	107,7
Подраздел DM, Производство транспортных средств и оборудования, млрд руб.						
Консервативный	110,2	102,1	93,8	108,6	103,3	105,1
Умеренно-консервативный					105,0	107,6
Инвестиции в основной капитал: жилища, млрд руб.						
Консервативный	105,2	101,2	106,4	108,7	95,5	102,5
Умеренно-консервативный					96,9	103,1
Инвестиции в основной капитал: машины, оборудование, транспортные средства, млрд руб.						
Консервативный	105,8	107,2	97,3	105,6	89,3	101,9
Умеренно-консервативный					95,7	102,2
Инвестиции в основной капитал: здания (кроме жилых) и сооружения, млрд руб.						
Консервативный	105,6	96,5	98,4	104,9	86,6	97,3
Умеренно-консервативный					94,8	102,1

Источник. Данные Росстата для 2015–2021 гг., результаты прогнозных расчетов авторов для 2022–2023 гг.

Согласно прогнозу на 2022–2023 гг., в условиях высокой неопределенности, с учетом сворачивания программы льготной ипотеки и повышения ставки практически вдвое⁸,

⁸ Сбер последним из крупных банков изменил условия по заявкам на ипотеку. URL: <https://expert.ru/2022/03/30/sber-poslednim-iz-krupnykh-bankov-izmenil-usloviya-po-zayvкам-na-ipoteku-kompaniya/> (дата обращения: 30.03.2022).

положительная динамика по данному показателю замедлится, с относительным ускорением темпа роста в 2023 г. (табл. 2). Так, в консервативном варианте прогноза прирост составит 1,1% в 2022 г. и 4,9% в 2023 г. В умеренно-консервативном варианте при более мягкой кредитно-денежной политике ЦБ РФ, которая положительно повлияет на динамику ввода жилья, прирост для 2022 г. и 2023 г. составит 3,8% и 9,1% соответственно. Рост объясняется тем, что вложения в недвижимость могут выступать долгосрочным инструментом сохранения сбережений, что даже в условиях сильной турбулентности и высоких процентных ставок останется востребованным⁹.

Валовая добавленная стоимость по строительству в 2021 г. выросла на 5,1%. Согласно прогнозу, по консервативному варианту в 2022 г. прирост этого показателя будет составлять 0,1%, а по умеренно-консервативному – 1,2%, а в 2023 г. – соответственно 1,2% и 3,0%. Принимая во внимание значительный рост цен на строительные материалы, в том числе металл¹⁰, рост будет во многом зависеть от реализации Стратегии развития строительной отрасли РФ до 2030 г.¹¹ и эффективности предпринимаемых антикризисных мер.

Производство компьютеров, электронных и оптических изделий показало в 2021 г. прирост в 4,8%, а производство электрооборудования выпуск увеличился на 10,4%. Согласно нашему прогнозу, производство данных отраслей в 2022–2023 гг. продолжит расти, однако не таким высоким темпом, как рынок в 2021 г., который компенсировал простой производств в 2020 г. (эффект низкой базы). Рост производства компьютеров электронных и оптических изделий обеспечат реализация национального проекта «Цифровая экономика»¹² и мероприятия, направленные

⁹ Мерцалова А. Вложения в метры/ URL: <https://special.kommersant.ru/nisha/nedvi.php> (дата обращения: 31.03.2022).

¹⁰ Минпромторг потребовал от металлургов снизить цены на продукцию. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2022/03/13/913230-snizit-tseni> (дата обращения: 30.03.2022).

¹¹ Проект Стратегии развития строительной отрасли Российской Федерации до 2030. URL: <https://www.garant.ru/files/3/7/1334573/strategiya-razvitiya-stroitelnoy-otrasli-rossiyskoj-federacii-do-2030-goda.pdf> (дата обращения: 22.02.2022).

¹² Национальный проект «Цифровая экономика». URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 22.02.2022).

на поддержку отрасли, в том числе в рамках программы «Развитие радиоэлектронной промышленности»¹³.

Относительно производства электрического оборудования в 2022 г. прогнозируется рост 5,4% в консервативном варианте и 7,1% – в умеренно-консервативном. Эти ожидания можно объяснить необходимостью обновления старого электрооборудования во многих отраслях экономики России, а также высокой потребностью в ускоренном импортозамещении, в связи со сложившейся геополитической ситуацией и приостановкой поставок оборудования и комплектующих из-за рубежа. Отметим, что, по данным Росстата¹⁴, в 2020 г. только 16% машин и оборудования, используемых отечественными предприятиями, имели возраст менее 5 лет; 32% – 5–10 лет, 20% – 10–15 лет, возраст от 15 до 20 лет имеет 10% отечественного парка; от 20 до 30 лет – 8%; свыше 30 лет – 3%.

Принимая во внимание специфически складывающуюся в условиях массированных санкций рыночную конъюнктуру (вынужденное ускоренное импортозамещение) и рост обменного курса доллара (удорожание импорта), ожидается положительная динамика также в производстве электрооборудования, электронного и оптического оборудования (подраздел DL ОКВЭД), и производстве транспортных средств и оборудования (подраздел DM). Так, в 2022 г. для подраздела DL прирост составит 3% в консервативном варианте и 4,8% – в умеренно-консервативном, а в 2023 г. – 6,1% и 7,1% соответственно. Дополнительными факторами роста в этих отраслях могут быть снятие ограничений, связанных с коронавирусной инфекцией, а также увеличение потребительского спроса в условиях отсутствия импортных аналогов или их высокой стоимости, в связи с ростом обменного курса и нарушения цепочек поставок.

Инвестиции в основной капитал по каждому из элементов анализируемой в данной работе видовой структуры, согласно нашему прогнозу, в 2022 г. сокращаются. Инвестиции в жилье снижаются на 4,5% в консервативном варианте и на 3,1% – в умеренно-консервативном, инвестиции в машины, оборудование,

¹³Государственная программа «Развитие радиоэлектронной промышленности». URL: <http://government.ru/rugovclassifier/837/events/> (дата обращения: 22.02.2022).

¹⁴Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Prom_proiz-vo_2021.pdf (дата обращения: 23.02.2022).

транспортные средства демонстрируют снижение на 10,7% и 4,2% соответственно, вложения в строительство зданий (кроме жилых) и сооружений снижаются на 13,4% и на 5,1%.

Исходя из предположения об улучшении ситуации в 2023 г. в обоих сценариях прогнозируются положительные темпы прироста по вышеперечисленным элементам инвестиций, кроме инвестиций в нежилые здания и сооружения. Причиной возможного роста является ожидаемое снижение банковских процентных ставок во второй половине 2022 г. и в 2023 г. и дальнейшая стабилизация экономики.

Специфические внешние обстоятельства, сокращение ВВП, высокие ставки денежного рынка и рост цен на нефть до исторического максимума внесли значительные коррективы в функционирование российской экономики, что отразилось на всех исследуемых показателях. В целом по результатам прогноза можно утверждать, что в инвестиционном комплексе 2022 г. будет наблюдаться снижение производства по сравнению с 2021 г., но уже в 2023 гг. ожидается позитивная динамика, которая определяется постепенным возвращением экономики на курс более стабильного развития и мерами поддержки со стороны государства.

Литература

Алексеев А. В. Стратегия развития обрабатывающей промышленности: иллюзия прорыва // ЭКО. 2021. № 3. С. 88–105. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-88-105.

Баранов А. О., Агеева Е. В. Влияние денежно-кредитной политики на инвестиционный комплекс России // Мир экономики и управления. 2021. Т. 21. № 3. С. 5–29. DOI: 10.25205/2542-0429-2021-21-3-5-29.

Борисов В. Н., Почукаева О. В. Развивающее импортозамещение как следствие роста конкурентоспособности инвестиционной техники // Развитие территорий. 2021. № 2. С. 10–18. DOI: 10.32324/2412-8945-2021-2-10-18.

Буданов И. А. Учет институциональных особенностей инвестиционных процессов при прогнозировании экономического развития // Научные труды ИНП РАН. 2020. С. 8–30. DOI: 10.47711/2076-318-2020-8-30.

Мкртчян Г. М., Блам И. Ю. Экотуризм и природоохранная деятельность до и после пандемии COVID-19 // ЭКО. 2021. № 2. С. 25–39. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-25-39.

Симачев Ю. В., Федюнина А. А., Ершова Н. В., Мисихина С. Г. Российская розничная торговля до, во время и после коронакризиса // ЭКО. 2021. № 5. С. 29–52. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-5-29-52.

Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста в России / Под ред. акад. В.В. Ивантера. М.: Научный консультант, 2017. 195 с.

Яковлев А.А., Кузык М.Г., Седых И.А. Влияние пандемии и государственной антикризисной политики на российский ИТ-сектор // ЭКО. 2021. № 5. С. 8–28. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-5-8-28.

Статья поступила 08.04.2022.

Статья принята к публикации 14.04.2022

Для цитирования: Агеева Е.В., Баранов А.О. Прогноз развития инвестиционного комплекса России в 2022–2023 гг. // ЭКО. 2022. № 5. С. 111–130. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-5-111-130

Summary

Ageeva, E.V., Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, Baranov, A.O., Doct. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, National Research Novosibirsk State University, Novosibirsk

Forecast of the Development of the Investment Complex of Russia in 2022–2023

Abstract. The paper presents the results of short-term forecasting of the dynamics of GDP, investment in fixed capital and some of the most important indicators of Russia's investment complex under conditions of high uncertainty in 2022–2023. Econometric models with a quarterly step are used in the construction of the forecast. To substantiate the dynamics of the explanatory variables, a retrospective analysis of the variation of oil prices and changes in the monetary policy of the Bank of Russia in 2020 was carried out. Taking into account the geopolitical situation in 2022, two options are considered: conservative and moderately conservative. The parameters of the oil market, the money market and some other variables used are estimated.

Keywords: *Russian economy; forecasting; investment complex; economic growth*

References

Alekseev, A.V. (2021). Strategy for the development of the manufacturing industry: the illusion of a breakthrough. *ECO*. No. 3. Pp. 88–105. (In Russ.) DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-88-105.

Baranov, A.O., Ageeva, E.V. (2021). The Impact of Monetary Policy on the Investment Complex of Russia. *World of Economics and Management*. Vol. 21. No. 3. Pp. 5–29. (In Russ.) DOI: 10.25205/2542-0429-2021-21-3-5-29.

Borisov, V.N., Pochukaeva, O.V. (2021). Developing import substitution as a consequence of the growth of competitiveness of investment equipment. *Development of territories*. No. 2. Pp. 10–18. (In Russ.) DOI: 10.32324/2412-8945-2021-2-10-18.

Budanov, I.A. (2020). Accounting for institutional features of investment processes in forecasting economic development in Scientific works of the INP RAS. Pp. 8–30. (In Russ.) DOI: 10.47711/2076-318-2020-8-30.

Mkrtchyan, G.M., Blam, I. Yu. (2021). Ecotourism and environmental activities before and after the COVID-19 pandemic. *ECO*. No. 2. Pp. 25–39. (In Russ.) DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2021–2–25–39

Simachev, Yu.V., Fedyunina, A.A., Ershova, N.V., Misikhina, S.G. (2021). Russian retail trade before, during and after the coronacrisis. *ECO*. No. 5. Pp. 29–52. (In Russ.) DOI: 10.30680/ESO0131–7652–2021–5–29–52.

Structural and investment policy to ensure economic growth in Russia. (2017). Ed. V.V. Ivanter. Moscow. Publ. Scientific consultant. 195 p. (In Russ.).

Yakovlev, A.A., Kuzyk, M.G., Sedykh, I.A. (2021). Influence of the pandemic and state anti-crisis policy on the Russian IT sector. *ECO*. No. 5. Pp. 8–28. (In Russ.) DOI: 10.30680/ESO0131–7652–2021–5–8–28.

For citation: Ageeva, E.V., Baranov, A.O. (2022). Forecast of the Development of the Investment Complex of Russia in 2022–2023. *ECO*. No. 5. Pp. 111–130. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-5-111-130

Концептуальная модель организации российского инжиниринга в энергетике

М.В. КОЖЕВНИКОВ, кандидат экономических наук

E-mail: m.v.kozhevnikov@urfu.ru, np.fre@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4463-5625

А.А. ДВИНЯНИНОВ. E-mail: aadvinianinov@urfu.ru, dvinayninov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9852-1861

Уральский федеральный университет имени Б. Н. Ельцина, Екатеринбург

Аннотация. Новизна задач, возникающих в энергетике, увеличение сложности и неопределенности условий реализации крупных энергетических проектов, рост требований к их научно-технической поддержке актуализируют проблему организации инжиниринга как наукоемкой мультидисциплинарной деятельности. В статье систематизированы основные теоретические представления об энергетическом инжиниринге, проанализированы современное состояние и ключевые проблемы инжинирингового рынка в России, предложена концептуальная модель организации инжиниринга, нацеленная на активизацию конкуренции и усиление взаимодействия инжиниринговых компаний с поставщиками новых технических решений и сервисов. Результаты исследования могут представлять интерес для регулирующих органов и профильных ведомств при формировании стратегических инициатив по развитию электроэнергетики РФ и ее сервисного контура.

Ключевые слова: инжиниринг; реинжиниринг; цифровизация; строительный инжиниринг; энергетический инжиниринг; концептуальная модель; энергопереход; жизненный цикл проекта

Введение

Под инжинирингом понимают оказание услуг предпроектного, проектного и постпроектного характера при создании объектов промышленности и инфраструктуры, а также разработку рекомендаций для предприятий по увеличению эффективности эксплуатации, управления и реализации выпускаемой продукции¹.

В энергетике инжиниринговым (или проектно-инжиниринговым) организациям всегда отводилась особая роль как обладателям уникальных компетенций в части детальной проработки и управления реализацией сложных капиталоемких проектов, требующих участия десятков, а порой сотен подрядчиков

¹ Сухарев А. Я. Большой юридический словарь. М.: ИНФРА-М, 2003. 858 с.

(как, например, при строительстве крупных атомных или гидроэлектростанций). Предполагается, что их специалисты не только досконально разбираются в технологических и организационных нюансах строительства создаваемых систем, но и имеют представление о современных трендах и последних научно-технических достижениях, которые должны быть учтены уже на ранних этапах их жизненного цикла. Неслучайно из всех отраслей народного хозяйства именно электроэнергетика является основным заказчиком инжиниринговых услуг, занимая, по разным оценкам, от 30 до 50% доли отечественного рынка промышленного инжиниринга [Чернова, Кибкало, 2013; Высокотехнологичный..., 2014; Медяник, 2017].

Сегодня перед энергетическим инжинирингом возникают вызовы, обусловленные структурной диверсификацией российской энергетики под воздействием Промышленной революции 4.0 и нового этапа электрификации [Цифровой переход..., 2017; Gitelman, Kozhevnikov, 2020]. Новая парадигма развития отрасли характеризуется сочетанием централизованных (системных) и децентрализованных решений (распределенной генерации, систем накопления и аккумулирования электроэнергии) [Рынок систем накопления..., 2018], появлением «активных потребителей», существенно влияющих на спрос [Dzyuba, Solovyeva, 2020], цифровизацией и интеллектуализацией энергетического производства [Макаров А. Ю., Макаров А. А., 2021], декарбонизацией отрасли [Kiselev et al., 2019].

В этой связи главными задачами инжиниринга в энергетике становятся синхронизация крайне разнородных, противоречивых организационно-технических решений, в отношении которых опыт применения или недостаточен, или полностью отсутствует, а также минимизация потенциальных рисков, которые в стратегической отрасли могут привести к катастрофическим последствиям [Kozhevnikov et al., 2017].

Целью исследования является разработка концептуальной модели организации отечественного инжиниринга в энергетике, учитывающей указанные вызовы, и обоснование, что такого рода модель не может быть рассмотрена в отрыве, во-первых, от фундаментальной и прикладной науки, выполняющей функцию исследований и разработок (R&D) и генерирующей на их основе новые знания, во-вторых от организаций, обеспечивающих активный трансфер технологий и опыта эксплуатации передового

оборудования и периферийных систем – IT-компаний, энергетического машиностроения, энергосервиса, консалтинга.

Подчеркнем, что проблематика статьи является весьма непубличной. В открытых источниках почти не встречается актуальных статистических данных для полноценного анализа отрасли. Дефицит представляют и научные публикации, посвященные непосредственно энергетическому инжинирингу. В связи с этим в ходе исследования, в особенности на этапе выявления ключевых проблем инжинирингового рынка, авторы использовали метод интервью с экспертами из энергетики, инжиниринга, сферы технического обслуживания и ремонта оборудования, который позволил выявить ряд скрытых барьеров развития рынка, практически не освещаемых в литературе.

Уточнение терминологии

«Законодателем» современного инжиниринга является американское общество инженеров-строителей (ASCE), которое выделяет восемь видов инжиниринговых услуг в соответствии с этапами жизненного цикла проекта²: прямые индивидуальные услуги, предварительные технико-экономические исследования, сценарное планирование работ, оценки и расчеты затрат, финансовые консультации, управление строительством, инспектирование оборудования и материалов, эксплуатационные услуги.

В свою очередь Европейская экономическая комиссия (ЕЭК) определяет инжиниринг как особую деятельность, связанную со строительством и эксплуатацией предприятий и объектов инфраструктуры, совокупность научных, проектных и практических работ и услуг, относящихся к инженерно-технической области и необходимых для возведения объекта и содействия его эксплуатации [Осика, 2010].

На основании классификаций ЕЭК и ASCE представляется возможным выделить четыре основные формы инжинирингового бизнеса: строительный, технологический (эксплуатационный), консультационный и комплексный.

Под *строительным инжинирингом* мы понимаем создание модели промышленного объекта и управление процессом ее

² American Society of Civil Engineers. Manual 45. Chapter 2 // Classification of Engineering Services. 2003. P. 9–17.

воплощения – от инвестиционного замысла до ввода в эксплуатацию и подтверждения соответствия фактических параметров применяемых технологий расчетным характеристикам. В России и за рубежом имеются некоторые отличия в названиях, объемах и документальном оформлении этапов строительного инжиниринга, в основном на инвестиционном этапе проекта (табл. 1).

Таблица 1. Этапы и результаты строительного инжиниринга в мире и в России

Международная практика	Отечественная практика
Предынвестиционный этап	
Анализ экономической целесообразности: – управленческое консультирование; – предварительный инжиниринг; – доклад о технико-экономической специфике будущего проекта; – подготовка конкурсной документации для ЕРС/ЕРСМ контракта	Разработка инвестиционного замысла: – декларации о намерениях и общей концепции; – технико-коммерческое предложение и обоснование инвестиций; – предварительное технико-экономическое обоснование (ТЭО); – техническое задание на проектирование и/или разработку технологических линий
Инвестиционный этап	
1. Базовый и детальный инжиниринг 2. Осуществление функций технического агента и надзор за строительством 3. Участие в приемке оборудования и сдаче объекта в эксплуатацию	1. Разработка ТЭО и рабочей документации 2. Осуществление авторского надзора 3. Оперативное проектирование

Источник. Составлено авторами по исследованиям [Медяник, Хафизов, 2020; Мухаррамова, 2016; Осика, 2010], Classification of Engineering Services by ASCE. Manual 45. Chapter 2 // 2003.

Отметим, что в энергетике в рамках подготовки предварительного ТЭО, как правило, также производится оценка соответствия объекта технологическим правилам его функционирования в ЭЭС и нормативным правилам оптового и розничного рынков электроэнергии и мощности, а в отношении объектов тепловой генерации – еще и рынка тепловой энергии.

Конкретизируем упомянутые в таблице 1 аббревиатуры ЕРС и ЕРСМ, обозначающие различные схемы контрактных отношений. ЕРС-контракт используется в тех проектах, где опытный подрядчик выполняет полный цикл работ своими силами за конкретное вознаграждение и может с достаточной степенью точности оценить размер своих расходов и рисков.

ЕПСМ-контракт – это договор с намного большим уровнем возможных юридических последствий³.

В трактовке термина существуют разночтения: в различных практиках буква «М» может обозначать Maintenance (то есть «обслуживание объекта») или Management с привязкой к деятельности по интегрированному управлению проектом, что превращает ЕПСМ в модель с более широким охватом деятельности по сравнению с ЕРС.

Именно ЕПСМ-контракты – наиболее распространенная форма инжиниринга в энергетике. Их основными характеристиками являются следующие:

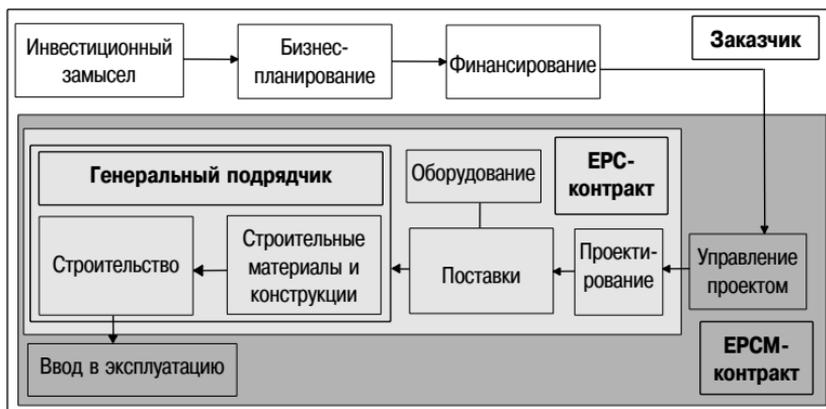
- контракт предполагает четкий срок сдачи объекта в эксплуатацию, при этом размер ответственности подрядчика ограничен полной или частичной суммой его собственного вознаграждения;
- подрядчик проводит строительные и закупочные работы, подбор и трудоустройство персонала, осуществляет управление подрядными фирмами, то есть управляет проектом от стадии дизайна до сдачи готового объекта заказчику;
- подрядчик управляет именно проектом, а не отдельными видами работ, для специфических работ нанимаются субподрядные организации. При этом заказчик имеет полномочия по одобрению или отклонению субподрядчиков, осуществлению контроля их действий, предъявлению к ним конкретных требований по качеству работ на различных этапах жизненного цикла проекта.

Схематично различия между ЕРС и ЕПСМ-контрактами приведены на рисунке 1.

Технологический (эксплуатационный) инжиниринг – это целенаправленная коррекция объекта (системы) в период эксплуатации согласно изменяющимся требованиям и условиям его работы. В частности, организация повседневной работы эксплуатационного персонала электростанций и электросетей, имеющего дело как с конкретным оборудованием, зданиями и сооружениями, производственными циклами, так и с их функциональными моделями, с помощью которых оцениваются эффективность технологических процессов и состояние объектов.

³ Европейская школа инжиниринга. Контрактинг ЕРС и ЕПСМ: пропасть различий. Ч. 1. [Эл. ресурс] // Control Engineering Россия. 2019. № 3. С. 1–7. URL: https://controleng.ru/wp-content/uploads/CE_Web_EPCM_01.pdf.

Примером эксплуатационного инжиниринга в энергетике может служить деятельность фирмы ОРГРЭС, которая в советское время специализировалась на совершенствовании организации и технологии эксплуатации генерирующих и сетевых объектов.

Источник. Разработано авторами на основе исследования: Европейская школа инжиниринга. Контрактинг EPC и EPCM: пропасть различий. Ч. 1. [Эл. ресурс] // Control Engineering Россия. 2019. № 3. С. 1–7. URL: https://controleng.ru/wp-content/uploads/CE_Web_EPCM_01.pdf.

Рис. 1. Этапы инжинирингового проекта в различных формах контрактинга

Консультационный инжиниринг предполагает прогнозирование рисков на различных стадиях жизненного цикла проекта, разработку рекомендаций относительно его концепции, финансово-инвестиционных сценариев строительства (модернизации, реконструкции) и повышения технико-экономической эффективности объекта. В рамках данного инжиниринга выделяют инженерно-консультационные услуги, связанные с технической экспертизой проекта, а также управленческие и инженерно-исследовательские – в сфере трансфера и внедрения инновационных технологий, разработки патентов, подготовки кадров. В российской практике к этому типу инжиниринга часто относят также услуги по осуществлению авторского надзора за реализацией проектных решений.

Следует обозначить разницу между понятиями «консультационный инжиниринг» и «энергетический консалтинг». Первый термин употребляется в контексте именно инжиниринговой деятельности и подразумевает интеллектуальное

сопровождение проекта в рамках его жизненного цикла. Границы второго понятия намного шире. Энергетический консалтинг предполагает реализацию широкого спектра консультационных сервисов по вопросам функционирования предприятий, энергосистем и отрасли в целом. Заказчиками энергетического консалтинга могут являться отраслевые органы государственного регулирования, компании, оперирующие на рынках мощности (ОРЭМ) и системных услуг, промышленные предприятия, совершенствующие свой энергоменеджмент, регионы, внедряющие программы управления спросом на энергию или другие технологические инновации [Gitelman et al., 2020; Гительман, Кожевников, 2017].

Комплексный инжиниринг агрегирует разные виды инжиниринговой деятельности и предполагает реализацию проекта «под ключ». Он охватывает работы по всему жизненному циклу проекта: разработку концепции, проектирование, подготовку планов строительства, включая стадию ТЭО, предоставление заказчику технологической информации, необходимой для строительства объекта и его последующей эксплуатации (включая трансфер производственного опыта, знаний и технологий и патентование), организацию проектного финансирования, поставку оборудования, строительно-монтажные и пусконаладочные работы.

Кроме названных основных типов инжиниринга, востребованных в энергетике, считаем необходимым выделить еще *экологический инжиниринг*, которому в последние годы мировая общественность уделяет все более пристальное внимание. Его предметом является моделирование природоохранных мероприятий, формулирование экологических требований к проектной документации и контроль их воплощения при возведении объектов. Экологический инжиниринг позволяет реализовать идею устойчивого развития промышленности и энергетики за счет одновременного сокращения вредного воздействия на окружающую среду и повышения технико-экономической эффективности производственных процессов [Кожевников, Двинянинов, 2020].

Следует также отметить, что в России на волне импортозамещения в энергетике стал набирать популярность так называемый *реверс-инжиниринг* (реинжиниринг, обратный, или зеркальный инжиниринг, обратная разработка) деталей и узлов зарубежных энергетических установок, который должен

способствовать уменьшению роли зарубежных производителей при материальном обеспечении техобслуживания и ремонта. Практика реверс-инжиниринга означает исследование готового изделия (в том числе с помощью современных средств цифрового анализа и аддитивных технологий) и документации на него с целью понять принцип его работы, осуществить изменение или создать устройство, оборудование с аналогичными функциями без стремления к 100%-му воспроизводству аналога [Shabani, Dukovski, 2018]. Данный сегмент инжиниринга в нашей стране находится на самой начальной стадии развития и пока, к сожалению, сводится к попыткам обычного копирования ряда образцов зарубежной техники, причем скорее в целях повысить имидж российской промышленности, нежели активизировать научно-исследовательскую компоненту в высокотехнологичных отраслях.

Современное состояние и проблемы российского рынка энергетического инжиниринга

Совокупный рынок инжиниринговых услуг в сфере отечественной электроэнергетики, по экспертной оценке, составляет 100–120 млрд руб. [Неуймин, 2018]. Его крупнейшими игроками являются инжиниринговый дивизион Госкорпорации «Росатом» (представленный в первую очередь ЗАО «Атомстройэкспорт»), АО «ССИ Инжиниринг», ОАО «ВТИ», ООО «ГК “Сибирьэнергоинжиниринг”», ООО «ИК “Технопромэкспорт”», ООО «Кварц – Новые Технологии», АО Фирма «ТЭПИНЖЕНИРИНГ», ООО «Велесстрой»⁴. До недавнего времени заметными участниками рынка были ОАО «Группа Е4», холдинг «Союз» и ОАО «Энергостройинвест-Холдинг», включавший ряд крупных региональных инжиниринговых компаний (например, ОАО «Инженерный центр энергетики Урала»). К сожалению, эти компании, обладавшие относительно высокой степенью организационно-экономической независимости, прошли через процедуры банкротства и были ликвидированы.

В отличие от США, где крупные компании занимают только 5% рынка энергетического инжиниринга, считающегося наиболее

⁴ Инжиниринг в электроэнергетике РФ. Тенденции 2014. Прогноз до 2020 г. [Эл. ресурс]. URL: <https://infoline.spb.ru/upload/iblock/41a/41a38af90d84afa961a58456bd586597.pdf>; собственный анализ авторов.

развитым в мире, в России преобладают именно крупные фирмы, зачастую аффилированные с государственными структурами (как правило, косвенно, через энергокомпании или диверсифицированные холдинги наподобие ГК «Ростех»). Их доля составляет до 40% от всего объема рынка [Мантуров, 2013]. Объяснить это можно тем, что большое количество заказов в российском энергетическом инжиниринге связано с модернизацией и новым строительством станций оптового рынка, то есть по существу – с весьма масштабными капиталоемкими проектами федерального значения. Малым и средним организациям в основном приходится работать в низкобюджетных проектах (за исключением компаний, обладающих узкоспециализированными компетенциями, например, в области автоматизированных систем управления, цифровизации активов, систем обеспечения экологической безопасности), зачастую испытывая недостаток собственных средств или заемного капитала [Романовская и др., 2021].

Принимая во внимание целевые ориентиры Минэнерго по вводу 67 ГВт мощностей до 2035 г., заложенные в Энергетической стратегии России⁵ и в целом не противоречащие недавно утвержденной Стратегии социально-экономического развития РФ с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года⁶ (по крайней мере, на начальном этапе), а также учитывая стоимость 1 МВт установленной мощности современной электростанции (около 40 млн руб.), можно предположить, что рынок инжиниринговых услуг в секторе генерации в течение 15–20 лет вырастет в стоимостном выражении примерно до 2620 млрд руб. (в ценах 2020 г.). В ближайшей перспективе рост рынка будет осуществляться за счет действующих сегодня крупных компаний: анализ текущей структуры установленной мощности в РФ (рис. 2) в совокупности с имеющимися экспертными мнениями и прогнозами^{7,8}, позволяют сделать вывод о существенном

⁵ Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года [Эл. ресурс]. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026>

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 29 октября 2021 г. № 3052-п [Эл. ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202111010022>

⁷ Министерство энергетики России. Прогноз научно-технологического развития отраслей топливно-энергетического комплекса России на период до 2035 года. [Эл. ресурс]. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/6366>

⁸ Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года (редакция 2014 года). [Эл. ресурс]. URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/2194.pdf>

приоритете традиционных источников генерации (ТЭС, ГЭС, АЭС) над возобновляемыми, причем этот тренд имеет весьма устойчивый характер.

Таблица 2. Структура установленной мощности ЕЭС России с 01.01.2015 г. по 01.01.2021 г., %

Вид электростанции	2014	2017	2019	2020
Тепловые (ТЭС)	68,20	67,88	66,82	66,56
Гидроэлектростанции (ГЭС)	20,50	20,20	20,24	20,35
Атомные (АЭС)	11,30	11,64	12,31	11,97
Солнечные (СЭС)	0,00	0,22	0,55	0,70
Ветряные (ВЭС)	0,00	0,06	0,08	0,42

Источник. Составлено авторами на основе данных АО «Системный оператор Единой энергетической системы». [Эл. ресурс]. URL: <https://www.so-ups.ru/functioning/ees/ups2021/>

У этого тренда есть вполне объективное обоснование. По данным Системного оператора ЕЭС, в 2020 г. доля установленной мощности ТЭС составляла около 67%, а доля выработки ими электрической энергии – 59%⁹. При этом долю электрической энергии, выработанной в теплофикационном режиме, можно оценить не менее чем в 40%. Таким образом, инвестиционные процессы в российской электроэнергетике *пока что не могут рассматриваться в отрыве от сферы теплоснабжения*, поскольку тепловые станции, в том числе ТЭЦ, не могут быть заменены на источники децентрализованного типа, использующие ВИЭ, без принятия существенных рисков нарушения надежности теплоснабжения.

В связи с отсутствием данных об объемах услуг инжиниринговых компаний, определить характер конкуренции на рынке известными методами (например, с помощью индекса рыночной концентрации) не представляется возможным. Тем не менее авторы склонны предполагать, что современный рынок инжиниринга в РФ представляет собой олигополию, поскольку практически в каждом сегменте энергетики (атомная, гидроэнергетика, тепловая генерация, электрические сети) есть 2–3 инжиниринговые

⁹ Отчет о функционировании ЕЭС России в 2020 году [Эл. ресурс]. URL: https://www.so-ups.ru/fileadmin/files/company/reports/disclosure/2021/ups_rep2020.pdf

компаний, занимающие в совокупности подавляющую долю; кроме того, на рынке существуют высокие барьеры входа, обусловленные необходимостью наличия уникальных компетенций, соответствующих стадиям жизненного цикла комплексного инжинирингового проекта.

К ключевым проблемам российского рынка энергетического инжиниринга можно отнести следующие.

1. Общая неопределенность в отношении инвестиционных программ развития энергетики, вызванная комплексом факторов: невозможностью четко идентифицировать направления развития промышленности, в особенности энергоемкой; неудовлетворительным состоянием методического обеспечения в части долгосрочного прогнозирования спроса на электроэнергию [Кононов, 2015]; снижением объема частных инвестиций в отрасли [Кривошапка, 2020]; неясными приоритетами программы ДПМ-2¹⁰, в которой пока не удастся найти компромисс между минимизацией затрат для потребителей за счет консервации ТЭС, обладающих высоким техническим уровнем (КИУМ), и глубокой модернизацией отрасли за счет чрезвычайно дорогостоящих проектов с относительно низкой технико-экономической эффективностью.

Острая проблема возникает в части развития угольной генерации, которая практически в полном объеме участвует в теплоснабжении. Известно, что в соответствии с целевыми ориентирами глобального энергетического перехода большинство стран мира планируют полностью отказаться от угля к 2050 г. (за исключением стран АТР)¹¹. Для России столь радикальная мера во многих случаях нецелесообразна [Синицын и др., 2020; Хохлов, Мельников, 2019], а в некоторых регионах попросту невозможна из-за дефицита газа (в особенности во второй ценовой зоне ОРЭМ) и тарифных ограничений.

¹⁰ ДПМ – программа договоров о предоставлении мощности со встроенным механизмом компенсации инвестиционных затрат за счет потребительских тарифов. На первом этапе (ДПМ-1) упор был сделан на ввод новых «традиционных» мощностей (ТЭС и ТЭЦ), на втором (ДПМ-2) – в большей степени на станции, работающие на возобновляемых источниках энергии.

¹¹ The Energy Transition: Key challenges for incumbent and new players in the global energy system. The Oxford Institute for Energy Studies, 2021 [Эл. ресурс]. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2021/09/Energy-Transition-Key-challenges-for-incumbent-players-in-the-global-energy-system-ET01.pdf>

Тем не менее в связи с глобальным трендом на декарбонизацию встает вопрос дальнейшей судьбы угольных энергоблоков: во-первых, в части поддержания в работоспособном состоянии существующего парка за счет продления ресурса на основе модернизации с применением передовых экотехнологий (глубокой очистки угля и дымовых газов, улавливания и хранения CO_2 , совместного сжигания угля и биомассы, повышения эффективности использования топлива и т.д.); во-вторых, развития собственных компетенций в строительстве современных пылеугольных энергоблоков с ультрасверхкритическими параметрами, которые сегодня в России отсутствуют. Конечно, возможен и трансфер перечисленных технологий от зарубежных производителей, но их спектр довольно узок в связи с известными геополитическими причинами.

2. *Дисбаланс мощностей субподрядных организаций*, возникающий вследствие дефицита узкоспециализированных инженеринговых компетенций, а также стремления значительного количества игроков к участию только в крупных инфраструктурных проектах.

3. *Господство внеэкономических способов закупки* наиболее привлекательных инженеринговых услуг среди мощных государственных и экологосударственных компаний-заказчиков («ИНТЕР РАО ЕЭС», «Росатом», «Русгидро», «СУЭК» и др.). При этом возникают вопросы обеспеченности рынка игроками, способными реализовать проекты «под ключ» по адекватным ценам (то есть не завышенным вследствие аффилированности с различными субъектами энергорынка, имеющими недобросовестные коммерческие интересы) [Матюшок, Жуков, 2014; Александров, 2017].

4. *Рост стоимости работ за счет привлечения кредитных средств* и страхования выполняемых работ по проекту. Так, при заключении договора комплексного инженеринга заказчик в целях минимизации рисков нередко вводит в него условия по предоставлению банковских гарантий (например, на возврат авансовых платежей), серьезные штрафные санкции за срыв сроков сдачи объекта. Кроме того, многие инженеринговые компании испытывают дефицит оборотных средств, что вынуждает их обращаться к проектному финансированию с участием

банков. Это приводит к возникновению дополнительных издержек и увеличению стоимости работ.

5. *Нехватка и/или высокая стоимость основного энергетического оборудования.* Несмотря на все минусы плановой экономики, 30–40 лет назад советские заводы-изготовители не только обеспечивали 99% внутреннего спроса на энергомашиностроение, но и вполне успешно экспортировали продукцию (например, на рынки Восточной Европы)¹². Сегодня только 30–35% используемого в электроэнергетике нового оборудования производится на отечественных предприятиях, 65–70% изготавливается за рубежом либо по весьма дорогостоящим лицензиям зарубежных заводов. В условиях санкционного режима ситуация осложняется, во-первых, сужением круга поставщиков, во-вторых, значительным удорожанием импортного оборудования ввиду сложных схем его доставки, в-третьих, резко возросшей волатильностью валютных курсов. При этом цена оборудования в ряде инжиниринговых проектов может достигать 75% в структуре себестоимости работ [Соколов, 2009]. Кроме того, инжиниринговые компании не имеют возможности влиять на цену предложения изготовителей основного энергетического оборудования, поскольку они принадлежат разным группам собственников и не имеют общих задач.

6. *Тотальный дефицит высококвалифицированных кадров,* проявляющийся на всех этапах инжиниринговой деятельности. По оценкам экспертов, дефицит проектировщиков составляет 50%, менеджеров проектов (в особенности владеющих цифровыми инструментами проектного руководства и гибкими методологиями) – 70%, специалистов в области строительно-монтажных работ – 50% [Гущина, 2012]. Университеты пока не готовы ответить на данный вызов, и профильных программ по инжинирингу в энергетике на российском рынке фактически нет; во многом это объясняется междисциплинарным характером инжиниринга, требующим инженерно-экономических

¹² Business Guide // Тематическое приложение к газете «Коммерсантъ». 2011. № 55. С. 14.

и инженерно-управленческих компетенций в сферах энергетики, строительства, финтеха и ИТ¹³.

При этом единая отраслевая стратегия развития инжиниринга отсутствует.

В результате на данном этапе развития на отечественном рынке инжиниринга наблюдаются активные процессы слияний и поглощений, ведущих к укрупнению и консолидации инжиниринговых активов под эгидой крупных энергокомпаний, централизации в них управления и финансового контроля. Но даже в такой модели, вроде бы имеющей характер комплексного инжиниринга и призванной максимально оптимизировать управление по технической и коммерческой составляющим, в проектах нового строительства, модернизации и реконструкции энергообъектов нередко участвует такое количество подрядчиков, субподрядчиков, агентов и т.д., что сроки их реализации затягиваются, а механизм ценообразования на инжиниринговые услуги становится крайне непрозрачным.

Несмотря на вышеописанные проблемы, сегодня на рынке инжиниринга в РФ сложилась уникальная ситуация, стимулирующая его развитие. Во-первых, усиливающееся санкционное давление заставляет государство акцентировать внимание на развитии отечественных технологий, во-вторых, многие непрофильные сервисные фирмы, оказывающие услуги в сфере техобслуживания и ремонта, энергоэффективности, управления спросом, уже начали диверсифицировать портфель своих услуг для охвата всех этапов отраслевой цепочки создания ценности – генерации, передачи, распределения, сбыта и потребления электроэнергии.

Подчеркнем, что для таких фирм, зачастую имеющих весьма смутное представление об устойчивом функционировании энергосистем и правилах работы энергетических рынков, крайне полезной могла бы стать совместная работа на специализированной коммуникационной площадке для обсуждения возможностей использования разрабатываемых решений в энергетической отрасли как единой сложной системе.

¹³ Пожалуй, единственная на рынке профильная программа – магистратура «Инжиниринг в электроэнергетике» НИУ «МЭИ», Москва. URL: <http://kafedra-ees.gu/Инжиниринг-в-электроэнергетике/>

Перспективная модель организации энергетического инжиниринга

Одно из системных предложений, направленных на решение описанных проблем, которое нередко звучит в научных публикациях [Осика, 2010; Неуймин, 2018] и в целом находит отклик у авторов статьи, заключается в создании национальных интегрированных производственно-инжиниринговых компаний по типу Siemens Energy или Alstom Power с резким усилением наукоемкой поддержки в ходе реализации проектов. Реализация этой задачи может происходить по одному из двух сценариев.

Вариант 1. Компании, работающие по модели комплексного инжиниринга, могли бы быть организованы на базе крупнейших энергомашиностроительных заводов РФ (ПАО «Силовые машины», ОАО «ЗИО-Подольск», ОАО «Сатурн – Газовые турбины», НПО «Элсиб»). Данный вариант может быть реализован как путем создания одной многопрофильной или нескольких специализированных, рыночно независимых инжиниринговых компаний с участием представителей энергомашиностроения в их корпоративном управлении, так и на основе создания в самих энергомашиностроительных предприятиях дочерних инжиниринговых дивизионов. Это могло бы способствовать повышению конкурентоспособности российского оборудования, существенному росту доли сервиса в финансовых результатах деятельности машиностроительных предприятий, а также развитию компетенций самих инжиниринговых компаний. Речь идет как о дефицитных специфических компетенциях отдельных специалистов и команд, так и о постановке внутри компаний прогрессивных форм управления сложными проектами, основанных, например, на использовании методологий системной инженерии [Ершова и др., 2020; Гаврилова и др., 2017].

Такой подход, распространенный в международной практике, имеет и ряд минусов. Он активизирует конкуренцию между энергомашиностроительными предприятиями, которые будут позиционировать инжиниринг в качестве дополнительного ценностного предложения, позволяющего реализовывать проекты полного цикла, но на развитие рынка инжиниринговых сервисов его влияние будет опосредованным. Более того, инжиниринговые

компании рискуют попасть в ловушку, известную как «модель работы на единственного заказчика», когда возможности развития бизнеса определяются исключительно состоянием дел основного бенефициара. Наконец, то, что им придется лоббировать интересы конкретных производителей, автоматически запустит механизмы недобросовестной конкуренции, от которых российской энергетике, наоборот, необходимо избавляться.

Вариант 2. Данный сценарий предполагает определенное административное воздействие на игроков рынка. Его идею можно раскрыть в четырех ключевых положениях.

А. Создается специальный сертификационный орган, в обязанности которого входит наделение инжиниринговых компаний определенным статусом на основании тех или иных ключевых параметров. Важно, чтобы данный орган обладал независимостью и состоял из компетентных представителей как непосредственно инжиниринга, так и смежных видов деятельности (энергетики, энергомашиностроения, образования, консалтинга, строительства, энергосервиса). По своему организационному устройству такая структура должна быть аналогична институту саморегулируемых организаций, тогда как использование часто практикуемой в России модели бюджетного комитета или госагентства, регулирующего деятельность свободных рыночных субъектов, крайне нежелательно.

Б. Присваиваемые статусы могут соответствовать общепринятой классификации инжиниринга (например, комплексный, строительный, консультационный, эксплуатационный, экологический). Компании могут одновременно иметь два и более статусов, реализуя на рынке услуги, например, консультационного и экологического инжиниринга. Однако допуск к стратегическим, наиболее капиталоемким и сложным энергетическим проектам дает только высший статус комплексной инжиниринговой компании.

В. К организациям, претендующим на получение такого статуса, предъявляются жесткие требования по наличию научно-исследовательской, опытно-конструкторской, лабораторной базы, опыту реализации крупных энергетических проектов, партнерств с университетами (реализуемыми, например, в форме совместных программ высшего или дополнительного образования), проектными институтами, предприятиями энергомашиностроения (здесь уместны варианты совместных предприятий

или экспериментальных центров по тестированию и внедрению инноваций). В условиях насыщения технологической базы электроэнергетики цифровыми интеллектуальными решениями целесообразно предусмотреть оценку так называемой цифровой зрелости комплексных инжиниринговых компаний^{14,15}.

Г. Другие организации осуществляют свою деятельность в менее крупных локальных проектах и, постепенно накапливая опыт и необходимые компетенции, могут претендовать на повышение своего статуса до высшего уровня.

Данный сценарий не требует масштабного передела инжинирингового рынка, систематизирует профили его участников, активизирует механизмы рыночной конкуренции, будет способствовать превращению энергетического инжиниринга в реальный наукоемкий сервис. Но и он не лишен слабостей и рисков. Например, может оказаться, что никто из действующих игроков не захочет (не будет готов) брать на себя обязательства, возлагаемые на «комплексный инжиниринг». А, поскольку реализация инфраструктурных энергетических проектов не может быть сорвана, велик риск появления имитации комплексных инжиниринговых компаний, создаваемых по формальным признакам «на бумаге».

Необходимость появления сертификационного органа может привести к бюрократизации отраслевого регулирования. Здесь, правда, важно подчеркнуть, что данный орган формируется самими участниками рыночных отношений, которые, как правило, не заинтересованы в дополнительном надзоре сторонних инспекционных структур. Если на начальной стадии своего функционирования он действительно будет выполнять бюрократические задачи (разработку процедур сертификации, определение критериев соответствия компаний различным статусам, уточнение условий отнесения проектов к инфраструктурным), то в дальнейшем его роль трансформируется в двух основных направлениях: во-первых, в части составления текущего и перспективного портрета рынка, фактической «оценки качества» инжиниринга

¹⁴ Van Brocklin K. L. Digital Engineering Model Maturity, 2018 [Эл. ресурс]. URL: <http://gvsets.ndia-mich.org/documents/SE/2018/Digital%20Engineering%20Model%20Maturity.pdf>

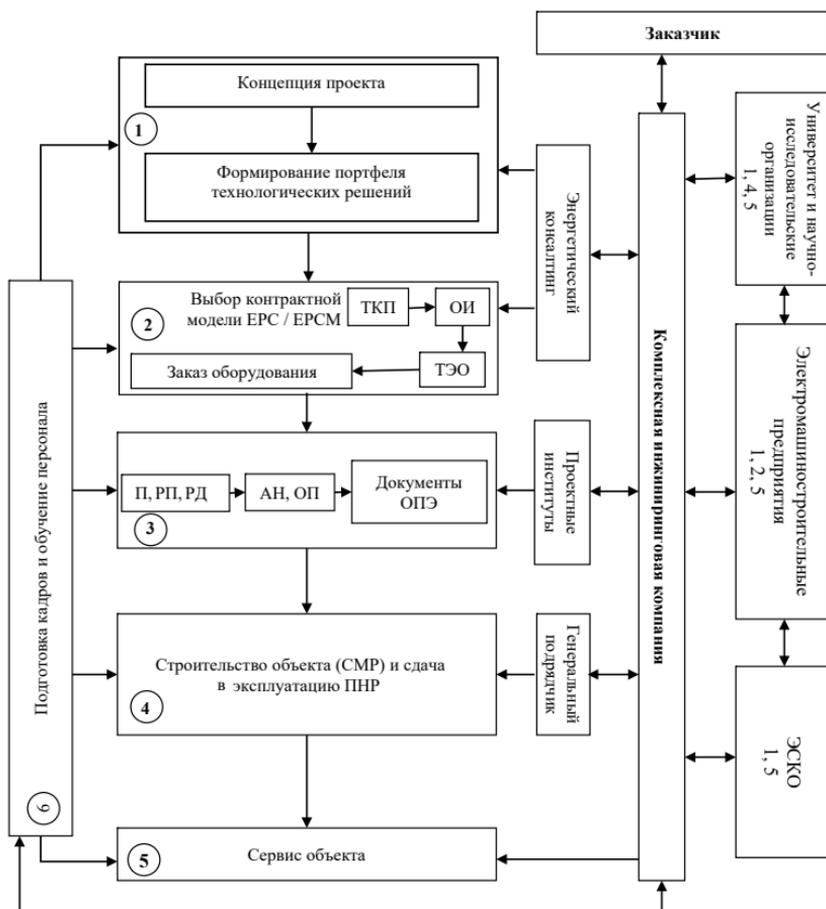
¹⁵ Roehrig, P. The End of the Beginning. Cognizant Report, 2019. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.cognizant.com/digital-transformation-report>.

и рейтингования инжиниринговых фирм, что по сути может использоваться ими как маркетинговый инструмент, и, во-вторых, в области организации научно-практических дискуссий по наиболее острым вопросам развития энергетического инжиниринга с привлечением профессионального и академического сообщества.

Предлагаемая нами целевая модель взаимодействия комплексной инжиниринговой компании с иными участниками энергетического рынка приведена на рисунке 3.

В логике идеи комплексная инжиниринговая компания агрегирует всю ответственность за выполнение проекта, привлекая для его отдельных стадий другие организации, обладающие профильными узкоспециализированными компетенциями. В предлагаемой схеме имеется усиленный первый блок работ, связанный с разработкой организационно-технологической концепции проекта; как видно из схемы, данная наиболее интеллектуалоемкая стадия (обычно выполняемая заказчиком самостоятельно) реализуется с помощью университетов, научно-исследовательских, консалтинговых, энергосервисных организаций, предприятий энергомашиностроения, а при необходимости – компаний IT-индустрии.

Появление и распространение комплексных инжиниринговых компаний должно привести к тому, что: а) заказчик освободится от не свойственных ему инжиниринговых функций; б) повысится качество разработки и реализации проектов; в) на рынке расширится диапазон предложений наукоемких сервисных продуктов, при этом конкурентное пространство вынуждены будут покинуть многочисленные псевдоинжиниринговые структуры, образованные для коррупционных схем. Но самый главный эффект, по нашему мнению, заключается в выходе национального инжиниринга *на уровень отраслевого центра прорывных компетенций*, востребованных, во-первых, в связи с ростом сложности энергетических систем и радикальным увеличением инновационных энергетических технологий, внедряемых или планируемых к внедрению в рамках процессов цифровизации и энергетического перехода, а, во-вторых, в свете складывающейся геополитической ситуации, требующей опережающего наращивания собственных инжиниринговых мощностей.

Источник. Разработано авторами.

Рис. 3. Концептуальная модель организации комплексного инжиниринга:

ТКП – технико-коммерческое предложение, ОИ – обоснование инвестиций, ТЭО – технико-экономическое обоснование, П – проект, РП – рабочий проект, РД – рабочая документация, АН – авторский надзор, ОП – оперативное проектирование, ОПЭ – опытно-промышленная эксплуатация, ИК – инжиниринговая компания, ПИ – проектный институт, ГП – генподрядчик, СП – субподрядчик, СМР – строительно-монтажные работы, ПНР – пуско-наладочные работы, ЭСКО – энергосервисная компания.

По существу, именно инжиниринг принимает на себя функции выполнения наиболее интеллектуалоемкой части энергетических проектов с принципиально новыми технологиями, реализуемыми в условиях глубоко нестабильной внешней среды. Подобный подход весьма успешно зарекомендовал себя в Италии, Швеции, Нидерландах, Китае на этапе ускоренного развития энергетического сектора¹⁶ [Гительман, Кожевников, 2013].

Заключение

Сегодня инжиниринг в энергетике, по сути, представляет собой мультидисциплинарный комплекс мероприятий, в рамках которых реализуются не только строительство и модернизация инфраструктурных объектов, но и оценка необходимости в этих работах, включая технико-экономическую эффективность, сценарии возможного «поведения» энергообъектов при изменении значимых параметров функционирования энергосистем (например, снижении или увеличении спроса на электроэнергию, возрастании доли альтернативной генерации и активных потребителей, потенциальном ужесточении требований к экологической и кибербезопасности). Вопрос особой сложности, который возникает сегодня перед инжиниринговыми компаниями и требует привлечения экспертов из различных областей науки и практики, заключается в выработке эффективных решений по синхронизации морально устаревшего («аналогового») и прогрессивного («цифрового», «интеллектуального») оборудования для обеспечения бесперебойного и устойчивого функционирования энергосистем.

Детальное изучение проблематики трансформации рынка энергетического инжиниринга в РФ дает возможность предложить концептуальную модель его организации и постулировать ряд предложений по введению стимулирующих мер для его развития.

1. Формирование базиса научных знаний и создание общедоступной информационной базы о функционировании инжиниринга в энергетике. Авторы считают крайне важным, чтобы накопленный опыт в сфере инжиниринга перестал быть

¹⁶ *Martinot E.* Renewable power for China: Past, present, and future // *Frontiers of Energy and Power Engineering in China*. 2010. Vol. 4, No. 3. Pp. 287–294.

закрытым и принадлежащим небольшому числу компаний, монополизирующих рынок. Это позитивно скажется на регулировании индустрии, увеличении предложения «внешних» наукоемких решений, что является одним из ключевых факторов инновационного развития в условиях технологической революции¹⁷.

2. Стимулирование взаимодействия инжиниринговых компаний с производителями оборудования для тепловой генерации с целью активизировать научно-технические разработки, ускорить процессы модернизации и техперевооружения ТЭС (в особенности угольных), темпы импортозамещения и снизить потребность энергетики в иностранных технологиях, пока еще не зарекомендовавших себя на отечественном рынке.

3. Создание специализированных профессиональных сообществ для концентрации актуальных и перспективных знаний и компетенций, тесная кооперация с университетами для подготовки специализированных кадров. Возможен вариант формирования федеральных и/или региональных центров на базе существующих инновационных кластеров для более эффективного взаимодействия между инжиниринговым бизнесом и НИОКР.

Приведенные в статье рекомендации могли бы, на наш взгляд, использоваться в плане мероприятий («дорожной карте») в области инжиниринга и промышленного дизайна, который в 2020 г. был утверждена Правительством РФ¹⁸ с целью ревизии и модернизации инжиниринговой индустрии РФ, в том числе в электроэнергетике.

Литература

Александров Ю. Д. Анализ рынка инжиниринговых услуг в электроэнергетике // Вестник университета. 2017. № 4. С. 113–116.

Беркович В. М., Цыганков И. С. Инжиниринг и реинжиниринг бизнес-процессов в современных условиях // Проблемы современной экономики. 2021. № 1 (77). С. 85.

Высокотехнологичный компьютерный инжиниринг: обзор рынков и технологий / Науч. ред. К. В. Дорофеев, рук. группы В. Н. Княгинин. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. 110 с.

¹⁷ *The Internationalisation of Business R&D. Evidence, Impacts and Implications.* OECD, 2008. URL: <https://www.oecd.org/sti/inn/theinternationalisationofbusinessrd-evidenceimpactsandimplications.htm>

¹⁸ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 1546-п. [Эл. ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/vdrS77AzMVfJ4jSNyFw7NxXvVeR2bFGD.pdf>

Гаврилова Т.Б., Гительман Л.Д., Кожевников М.В. Системная инженерия для менеджеров. М.: Экономика, 2017. 188 с.

Гительман Л.Д., Кожевников М.В. Управленческий консалтинг для технологической модернизации и индустрии будущего // Экономика региона. 2017. Т. 13, № 1. С. 204–215.

Гительман Л.Д., Кожевников М.В. Центры компетенций – прогрессивная форма организации инновационной деятельности // Инновации. 2013. № 10. С. 92–98.

Гуцина А.А. Современные проблемы инжиниринговых энергетических предприятий // Российское предпринимательство. 2012. № 9. С. 98–102.

Ершова И.В., Ершов А.В., Бездежская Я.Г. Проект-аутсорсинг как форма научно-производственной кооперации промышленных предприятий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2020. Т. 14, № 2. С. 73–80.

Кожевников М.В., Двинынинов А.А. Роль экологического инжиниринга при переходе к циркулярной экономике / Система управления экологической безопасностью: сборник трудов XIV международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 20–21 мая 2020 г.). Екатеринбург: УрФУ, 2020. 350 с. С. 14–20.

Кононов Ю.Д. Пути повышения обоснованности долгосрочных прогнозов развития ТЭК. Новосибирск: Наука, 2015. 147 с.

Кривошапка И. ДППМ-2: приоритеты, механизмы и «лазейки» // Энергетика и промышленность России. 2020. № 5.

Макаров А.Ю., Макаров А.А. Цифровая экономика. Технологии меняют менеджмент. Практика внедрения и результаты. М.: СОЛЮН-Пресс, 2021. 160 с.

Мантуров Д.В. Развитие инжиниринга – важнейшая составляющая формирования инновационной экономики в России // Вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. Сер. «Машиностроение». 2013. № 2.

Матюшок В.М., Жужок В.С. Пути модернизации и инновационного развития энергетического машиностроения в России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 18. С. 17–29.

Медяник Ю.В. Рынок инжиниринговых услуг в России: проблемы и перспективы развития // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18, № 24. С. 4221–4233.

Медяник Ю.В., Хафизов Р.Р. Инжиниринг в строительстве // Известия КГАСУ. 2020. № 1. С. 172–178.

Мухаррамова Э.Р. Инжиниринг в строительстве // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17, № 16. С. 1959–1974. DOI: 10.18334/rp.17.16.36488.

Неуймин В.М. Как повысить потенциал отечественного энергомашиностроения // Энергетик. 2018. № 2. С. 7–18.

Осика Л. Современный инжиниринг: определение и предметная область // Энергорынок. 2010. № 4.

Рынок систем накопления электроэнергии в России: потенциал развития. Под ред. Ю. Удальцова, Д. Холкина. М.: Центр стратегических разработок, 2018. – 77 с.

Романовская Е.В., Андрияшина Н.С., Назаркина Е.С., Ватлецов Д.П. Отечественный и зарубежный опыт применения инжиниринга // Московский экономический журнал. 2021. № 7. С. 534–540. DOI: 10.24411/2413-046X-2021-10436

Синицын А., Накорякова Л., Пигалкина В. Перспективы развития угольной промышленности в России: экспортный потенциал, финансовое положение, социально-экономические эффекты. М.: Центр стратегических разработок, 2020. 184 с.

Соколяк Г. Инжиниринг на вырост // Экономика и ТЭК сегодня. 2009. № 10. С. 60–61.

Хохлов А., Мельников Ю. Угольная генерация: новые вызовы и возможности. М.: Центр энергетики Московской школы управления СКОЛКОВО, 2019. 88 с.

Цифровой переход в электроэнергетике России: экспертно-аналитический доклад. Под ред. В.Н. Княгинина, Д.В. Холкина. М.: Центр стратегических разработок, 2017. 47 с.

Чернова Д.В., Кибкало С.С. Характеристика современного рынка инжиниринговых услуг в России // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2013. № 2. С. 125–130.

Dzyuba A., Solovyeva I. Price-based demand-side management model for industrial and large electricity consumers // International Journal of Energy Economics and Policy. 2020. Vol. 10, № 4. P. 135–149. DOI: 10.32479/ijeep.8982.

Gitelman L.D., Kozhevnikov M.V. Electrification in industrial revolution 4.0 // WIT Transactions on Ecology and the Environment. 2020. № 5(4). P. 367–379. DOI: 10.2495/EQ-V5-N4-367-379.

Gitelman L.D., Silbermann V., Kozhevnikov M.V., Makarov A.Y., Sandler D.G. Energy engineering and consulting: New challenges and reality // International Journal of Energy Production and Management. 2020. Vol. 5(3). P. 272–284. DOI: 10.2495/EQ-V5-N3-272-284.

Kiselev A., Magaril E., Magaril R., Panepinto D., Ravina M., Zanetti M.C. Towards circular economy: Evaluation of sewage sludge biogas solutions // Resources. 2019. № 8(2). Paper 91. DOI: 10.3390/resources8020091.

Kozhevnikov M., Gitelman L.D., Magaril E., Magaril R., Aristova A. Risk reduction methods for managing the development of regional electric power industry // Sustainability. 2017. № 9(12). Paper 2201. DOI: 10.3390/su9122201.

Shabani B., Dukovski V. Reverse engineering and additive technologies in circular economy // Mechanical Engineering Scientific Journal. 2018. Vol. 36. №. 2. Pp. 123–129.

Статья поступила 07.12.2021

Статья принята к публикации 28.01.2022

Для цитирования: *Кожевников М.В., Двинянинов А.А.* Концептуальная модель организации российского инжиниринга в энергетике // ЭКО. 2022. № 5. С. 131–156. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2022-5-131-156

Summary

Kozhevnikov, M. V., Cand. Sci. (Econ.), Dvinyaninov, A. A., Ural Federal University, Yekaterinburg

The Conceptual Model of the Russian Energy Sector Engineering Setup

Abstract. The paper is devoted to the development of the engineering industry model corresponding to modern problems and challenges arising in electric power

industry of the Russian Federation. It has been proved that the novelty of the problems arising in the industry, the increase in complexity and uncertainty of the conditions for the implementation of large energy projects, the growth of requirements for their scientific and technical support actualize the problem of organizing engineering as a knowledge-intensive and multidisciplinary activity. The authors have systematized the main theoretical concepts of energy engineering, analyzed the current state and key problems of the engineering market in Russia, proposed a conceptual model of engineering organization aimed at enhancing competition and strengthening the interaction of engineering companies with suppliers of new technical solutions and services. The results of the study may be of interest to regulatory bodies and specialized agencies in the formation of strategic initiatives for the development of the electric power industry of the Russian Federation and its service circuit.

Keywords: *engineering; reengineering; digitalization; construction engineering; energy engineering; conceptual model; energy transition; project life cycle*

References

Aleksandrov, Yu.D. (2017). Analysis of the engineering services market in the electric power industry. *Vestnik Universiteta*. No. 4. Pp. 113–116. (In Russ.).

Berkovich, V.M., Tsygankov, I.S. (2021). Engineering and reengineering of business processes in modern conditions. *Problemy sovremennoy ekonomiki*. No. 1 (77). P. 85. (In Russ.).

Chernova, D.V., Kibkalo, S.S. Characteristics of the modern market of engineering services in Russia (2013). *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. No. 2. Pp. 125–130. (In Russ.).

Digital transition in the electric power industry of Russia: expert and analytical report, ed. Knyaginina, V.N., Holkin, D.V. (2017). Moscow: Center for Strategic Research. 47 p. (In Russ.).

Dzyuba, A., Solovyeva, I. (2020). Price-based demand-side management model for industrial and large electricity consumers. *International Journal of Energy Economics and Policy*. Vol. 10, № 4. Pp. 135–149. DOI: 10.32479/ijeeep.8982.

Ershova, I.V., Ershov, A.V., Bezdezhskaya, Ya.G. (2020). Project-outsourcing as a form of scientific and production cooperation of industrial enterprises. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment*. Vol. 14, No. 2. Pp. 73–80. (In Russ.).

European School of Engineering. Contracting EPC and EPCM: a chasm of differences. Part 1. (2019). *Control Engineering Russia*. No. 3. Pp. 1–7. Available at: https://controleng.ru/wp-content/uploads/CE_Web_EPCM_01.pdf (accessed 16.03.2022). (In Russ.).

Gavrilova, T.B., Gitelman, L.D., Kozhevnikov, M.V. (2017). *Systems Engineering for Managers*. Moscow. Economics, 188 p. (In Russ.).

Gitelman, L.D., Kozhevnikov, M.V. (2013). Competence centers – the progressive form of innovation activity organization. *Innovations*. No. 10. Pp. 92–98. (In Russ.).

Gitelman, L.D., Kozhevnikov, M.V. (2017). Management Consulting for Technological Modernization and Industry of the Future. *Economy of Region*. Vol. 13. No. 1. Pp. 204–215. (In Russ.).

Gitelman, L.D., Kozhevnikov, M.V. (2020). Electrification in industrial revolution 4.0. *WIT Transactions on Ecology and the Environment*. No. 5(4). Pp. 367–379. DOI: 10.2495/EQ-V5-N4–367–379.

Gitelman, L.D., Silbermann, V., Kozhevnikov, M.V., Makarov, A. Yu., Sandler, D.G. (2020). Energy engineering and consulting: New challenges and reality. *International Journal of Energy Production and Management*. Vol. 5(3). Pp. 272–284. DOI: 10.2495/EQ-V5-N3–272–284.

Gushchina, A.A. (2012). Modern problems of energy engineering enterprises. *Rossiyskoye predprinimatel'stvo*. No. 9. Pp. 98–102.

High-tech computer engineering: an overview of markets and technologies, ed. Dorofeev, K.V. (2014). St. Petersburg. Izd-vo Politekh. Un-ta. 110 p. (In Russ.).

Khokhlov, A., Melnikov, Yu. (2019). *Coal generation: new challenges and opportunities*. Moscow: Energy Center of the Moscow School of Management SKOLKOVO. 88 p. (In Russ.).

Kiselev, A., Magaril, E., Magaril, R., Panepinto, D., Ravina, M., Zanetti, M.C. (2019). Towards circular economy: Evaluation of sewage sludge biogas solutions. *Resources*. No. 8(2). Paper 91. DOI: 10.3390/resources8020091.

Kononov, Yu.D. (2015). *Ways to improve the validity of long-term forecasts for the development of the fuel and energy complex*. Novosibirsk. Nauka. 147 p.

Kozhevnikov, M., Gitelman, L.D., Magaril, E., Magaril, R., Aristova, A. (2017). Risk reduction methods for managing the development of regional electric power industry. *Sustainability*. No. 9(12). Paper 2201. DOI: 10.3390/su9122201.

Kozhevnikov, M.V., Dvinyaninov, A.A. (2020). The role of environmental engineering in the transition to a circular economy. *Environmental Safety Management System: Proceedings of the XIV International Scientific and Practical Conference*. Ekaterinburg: UrFU. 350 p. Pp. 14–20. (In Russ.).

Krivoshapka, I. (2020). DPM-2: priorities, mechanisms and “loopholes”. *Energetika i promyshlennost' Rossii*. No. 5. (In Russ.).

Makarov, A. Yu., Makarov, A.A. (2021). *Digital economy. Technologies are changing management. Implementation practice and results*. Moscow. SOLON-Press. 160 p. (In Russ.).

Manturov, D.V. (2013). The development of engineering is the most important component of the formation of an innovative economy in Russia. *Vestnik MGTU im. N.E. Bauman. Ser. «Mashinostroyeniye»*. No. 2. (In Russ.).

Market of Electricity Storage Systems in Russia: Development Potential, ed. Udaltsov, Yu., Kholkin, D. (2018). Moscow. Center for Strategic Research. 77 p. (In Russ.).

Matyushok, V.M., Zhukov, V.S. (2014). Ways of modernization and innovative development of power engineering in Russia. *Natsional'nyye interesy: priority i bezopasnost'*. No. 18. Pp. 17–29. (In Russ.).

Medyanik, Yu.V., Khafizov, R.R. (2020). Engineering in construction industry. *Izvestiya KSUAAU*. No. 1. Pp. 172–178. (In Russ.).

Medyanik, Yu.V. (2017). The market of engineering services in Russia: problems and development prospects. *Rossiyskoye predprinimatel'stvo*. Vol. 18, No. 24. Pp. 4221–4233. (In Russ.).

Muharramova, E.R. (2016). Engineering in construction industry. *Rossiyskoye predprinimatel'stvo*. Vol. 17, No. 16. Pp. 1959–1974. DOI: 10.18334/rp.17.16.36488. (In Russ.).

Neuymyn, V.M. (2018). How to increase the potential of the national power engineering. *Energetik*. No. 2. Pp. 7–18. (In Russ.).

Osika, L. (2010). Modern engineering: definition and subject area. *Energorynok*. No. 4. (In Russ.).

Romanovskaya, E.V., Andryashina, N.S., Nazarkina, E.S., Vatletsov D.P. (2021). National and foreign experience in the application of engineering. *Moskovskiy ekonomicheskij zhurnal*. No. 7. Pp. 534–540. DOI: 10.24411/2413–046X-2021–10436. (In Russ.).

Shabani, B., Dukovski, V. (2018). Reverse engineering and additive technologies in circular economy. *Mechanical Engineering Scientific Journal*. Vol. 36. No. 2. Pp. 123–129.

Sinitsyn, A., Nakoryakova, L., Pigalkina, V. (2020). *Prospects for the development of the coal industry in Russia: export potential, financial situation, socio-economic effects*. Moscow. Center for Strategic Research. 184 p. (In Russ.).

Sokolviak, G. (2009). Engineering for growth. *Ekonomika i TEK segodnya*. No. 10. Pp. 60–61. (In Russ.).

For citation: Kozhevnikov, M. V., Dvinyaninov, A. A. (2022). The Conceptual Model of the Russian Energy Sector Engineering Setup. *ECO*. No. 5. Pp. 131–156. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-5-131-156

Реализация прометеевской стратегии стимулирования труда рабочих в сибирском военпроме (1941–1945 гг.)

Р.Е. РОМАНОВ, кандидат исторических наук

E-mail: rromanov1981@mail.ru;

ORCID: 0000-0001-9527-8037

Институт истории СО РАН, Новосибирск

Аннотация. В статье анализируется исторический опыт применения стратегии «Выше производительность – выше слава» в сфере морального стимулирования рабочих оборонной промышленности Сибири в годы Великой Отечественной войны. Ее социокультурные предпосылки коренились в синтезе индустриального модерна и архетипа героя, воплощенного в первообразе Прометея. В первой половине 1940-х гг. прометеевская стратегия была успешно адаптирована к решению задач по созданию и развитию крупных военно-промышленных центров в восточных районах СССР. Инструментом ее реализации являлись технологии агитпропа, служившие механизмом трудовой коммуникации в новых заводских коллективах оборонщиков, имевших преимущественно молодежный состав. Эти технологии воплощались в виде кампаний по повышению производительности труда за счет формирования героического культа двухсотников, тысячников, участников всесоюзного соревнования, фронтовых бригад и их руководителей. Примененный подход обеспечил экономический эффект, сделавший победу СССР над нацистской Германией безоговорочной. Столь высокий результат был достигнут благодаря тому, что основная масса производителей оказалась морально замотивированной на рост выпуска вооружения и боеприпасов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Сибирь; оборонная промышленность; рабочие; стимулирование труда; прометеевская стратегия

Вводные положения

Одной из актуальных тенденций развития сферы стимулирования труда в современной России стало возрождение практик морального поощрения работников. Это явление, распространенное в советское время и забытое в период рыночных реформ 1990-х гг., сегодня обретает вторую жизнь. Отечественные работодатели все чаще прибегают к моральному стимулированию: благодарности в приказе, почетные грамоты, отметки в трудовых книжках, выдвижение лучших сотрудников на доски

почета, установление этих досок на рабочих местах и т.д. [Зотова, Стеклова, 2012. С. 72]. Перечисленные методы побуждения к добросовестной работе свидетельствуют об инструментальной преемственности между советским прошлым и современностью. В то же время некоторые исследователи [Там же. С. 71–72] оценивают моральные стимулы в СССР как формальные процедуры, исключающие понимание эмоций сотрудников, хотя именно учет эмоциональных аспектов психологии персонала считается залогом успешного применения внеэкономического поощрения.

Не отрицая злободневность обозначенного посыла, обратим внимание, что тезис о полном отрыве советской системы моральной стимуляции труда от реальности применим скорее к 1960–1980 гг., когда в стране проявились первые последствия «потребительской революции», приведшие к разрушению культурной матрицы социалистического проекта. В раннесоветский период 1917–1941 гг. ментальное ядро последней находилось в стадии формирования. Его уникальность заключалась в синтезе индустриального модерна и архетипа героя, воплощенного в первообразе Прометея. Институциональным выражением данного феномена стала стратегия «Выше производительность – выше слава», направленная на формирование культа ударников и стахановцев посредством побудительных коммуникативных практик.

«Прометейство» в СССР достигло апогея в годы Великой Отечественной войны, когда запрос на героический труд в наибольшей степени совпал с патриотическими настроениями рабочих. Такая корреляция позволяет поставить вопрос об экономической эффективности моральных стимулов в оборонной индустрии, интенсивно развивавшейся в тылу на базе эвакуопредприятий. Для ответа на него важно понять, как именно заводской персонал реагировал на призыв к сознательности, и насколько его реакция была связана с перспективами материального поощрения. Цель исследования – выявление указанных аспектов в рамках сибирского военпрома.

Анализ становления и развития данного феномена в макро-регионе осуществляется на примере Новосибирска, ставшего в 1941–1945 гг. крупным оборонно-промышленным центром Азиатской России.

Динамика производственного и кадрового потенциала

Для начала реконструируем производственную и кадровую ситуацию в оборонной индустрии Новосибирска. С середины 1941 г. до середины 1942 г. в связи с эвакуацией количество военно-промышленных объектов в городе увеличилось с двух до 18¹, соответственно выросло и число трудовых коллективов. В новом региональном центре советского военпрома получили развитие авиастроение, промышленность боеприпасов, вооружения, электропромышленность. В первом полугодии 1941 г. в «оборонке» Новосибирска было занято 11,4 тыс. рабочих, в первом полугодии 1945 г. – 66,7 тыс.² Помимо эвакуантов, к работе на новые предприятия мобилизовали домохозяек, колхозников, школьников, студентов, воспитанников детдомов и трудовых колоний.

Поступавшие на военные заводы новички проходили краткосрочное обучение путем прикрепления к опытным рабочим. Ускоренная подготовка давала предприятиям станочников низкой квалификации, вынужденных адаптироваться к 11-часовой смене, опасным условиям труда, изматывающему ритму работы, бытовым лишениям. Для жизнеобеспечения тружеников тыла была создана система материальных стимулов на основе смычки между зарплатой и снабжением. Однако ее потенциал ограничивался скудными потребительскими фондами. Суровая тыловая обстановка выдвигала на первое место среди факторов повышения производительности прометеевскую стратегию стимулирования труда. Денежные и натуральные «бонусы» служили лишь дополнением к ней. Но и они, по сути, только обеспечивали прожиточный минимум элитным группам рабочего класса.

¹ За первый год войны в Новосибирске на базе эвакуированного оборудования было создано 17 новых оборонных предприятий: 2 завода авиационной промышленности, 7 – промышленности боеприпасов, 3 – промышленности вооружения, 4 – электропромышленности – см. *Романов Р. Е.* Рабочая молодежь оборонных предприятий в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009. С. 46.

² Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1770. Л. 51.

Стратегия морального побуждения в годы войны: этапы развития

В рассматриваемый период феномен героизации труда на благо Победы в оборонной промышленности прошел три этапа развития.

Переход от индивидуальных к коллективным формам трудового героизма (июнь 1941 г. – июнь 1942 г.). После выступлений В.М. Молотова (22 июня 1941 г.) и И.В. Сталина (3 июля 1941 г.) о начале Великой Отечественной войны в рабочие массы был брошен призыв «Производить больше винтовок, пулеметов, орудий, патронов, снарядов, самолетов!»³. В ходе перестройки политико-массовой работы на военный лад ЦК ВКП(б) ориентировал нижестоящие партийные инстанции на прославление стахановского движения в тылу. Приоритетное значение приобрело массовое «делание» героев из стахановцев, выполнявших по две–три нормы выработки и олицетворявших дискурс обороны в труде.

Движение двухсотников. Движение двухсотников (вырабатывавших 200% нормы за смену) зародилось на Горьковском автозаводе в начале июля 1941 г. В Западной Сибири одним из первых его последователей стал кадровый рабочий авиазавода им. В.П. Чкалова С.И. Левяков. Передовики предприятия откликнулись на левяковский почин и в обращении к трудящимся Новосибирской области призвали поддерживать патриотическое начинание по увеличению выработки⁴. В начале августа 1941 г. обком ВЛКСМ обязал городские и районные комитеты комсомола пропагандировать двухсотничество с помощью печати и других практик тиражирования информации⁵, а 9 августа в газете «Советская Сибирь» вышла заметка об этой форме массового трудового героизма⁶. В Новосибирском регионе стартовала кампания по повышению производительности труда на военном производстве.

Дополнительный импульс ей придала очередная (24-я) годовщина Октябрьской революции. В Новосибирске состоялся слет стахановцев 16 октября 1941 г., где обсуждался вопрос

³ Правда. 1941. 4 июля.

⁴ ГАНО. Ф. П-22. Оп.3. Д.1075. Л. 236.

⁵ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 651. Л. 52.

⁶ Советская Сибирь. 1941. 9 августа.

о вовлечении в это движение новых рабочих. В резолюции форума отмечалось, что двухсотники должны служить примером исполнения долга перед родиной для каждого советского гражданина⁷. Коллектив завода им. В. П. Чкалова 30 октября предложил работникам Новосибирской области объявить 7, 8 и 9 ноября днями героического труда для оказания помощи армии в защите Москвы и Ленинграда⁸. Кульминацией агитмероприятий стал доклад И. В. Сталина 6 ноября 1941 г., в котором вновь прозвучал тезис о важности наращивания выпуска вооружения и боеприпасов⁹. После этого кампания по информационной поддержке двухсотников вступила в инерционную фазу, продолжавшуюся до начала 1942 г.

В первые месяцы войны примером успешного налаживания побудительной коммуникации на местах стал комбинат «Сибметаллстрой» («Сибсельмаш»). В октябре–ноябре 1941 г. на предприятии состоялись два партийных собрания и совещание двухсотников с докладом директора о выполнении плана. В конце октября прошла встреча стахановцев с фронтовиками, где передовики обязались усилить помощь Красной армии, затем 5 ноября было проведено заседание трудового коллектива, посвященное 24-й годовщине Октября, 6-го – комсомольское собрание, члены которого подписали письмо Сталину с обещанием выполнять нормы, а 7 ноября сибметаллстроевцы включились в трехдневную стахановскую вахту. Во время ее проведения в цехах Сибметаллстроя использовались более тысячи лозунгов, плакатов, витрин, портретов, панно, побуждавших к ударному труду. В декабре 1941 г. типография комбината напечатала 5 тыс. лозунгов и 2,5 тыс. «боевых листов», призывавших работать так, как требовал Сталин. К станкам лучших рабочих 20–21 декабря во время вахты, приуроченной ко дню рождения вождя, прикреплялись красные флажки. По предложению парторганизации художники изобразили на полотне галерею премированных двухсотников и трехсотников¹⁰. Примечательно, что денежные премии, которые получали герои труда помимо

⁷ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1075. Л. 237, 239.

⁸ Советская Сибирь. 1941. 30 октября.

⁹ Правда. 1941. 7 ноября.

¹⁰ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1078. Л. 187–188.

морального поощрения, обесценивались из-за введения военного налога и роста цен на городских рынках.

На эвакуированных предприятиях мобилизационные усилия парткомов были сконцентрированы на запуске заводских мощностей, что не позволяло им в полной мере развернуть пропагандистскую работу. В конце 1941 г. на заводах № 69 (им. В.И. Ленина), № 590 («Электросигнал») и № 617 («Луч») агитаторы ограничивались читками газет после завершения смены. Наглядная агитация сводилась к выпуску «боевых листов», слабо популяризовавших стахановский труд¹¹. Организационная «лихорадка» в оборонной промышленности затрудняла проведение пропаганды в рабочей среде.

Данный фактор негативно сказывался на формировании прослойки передовиков в сибирском военпроме. В октябре–декабре 1941 г. на заводе им. В.П. Чкалова стахановцы и ударники составляли от 22,8 до 30,8% работников. Доля авиастроителей, выполнявших две–три нормы, составляла от 5,1 до 6,5%¹². Слабая реакция «чкаловцев» на моральные стимулы коренилась в плохой организации профобучения, перебоях в материально-техническом снабжении, вызывавших вынужденные простои. Абсолютное большинство тружеников обещали выполнять сменные задания при нормальном обеспечении деталями и инструментом¹³, но это не всегда получалось. В то же время мотивация к труду часто нивелировалась материальными тяготами военной поры. Суровый барачный быт и скудное питание по карточкам, введенным с 1 сентября 1941 г., порой побуждали к дезертирству молодежи, впервые пришедшей на производство. В августе – октябре 1941 г. по этим причинам из ремесленного училища, размещенного на базе чкаловского завода, сбежали около 200 учащихся¹⁴. Кризисная социально-трудовая ситуация была типична для всей новосибирской «оборонки», испытывавшей затруднения в выполнении планов по выпуску военной продукции.

В первые месяцы войны завод им. В.П. Чкалова являл показательный пример несоответствия пропагандистского образцового предприятия реальному положению дел. В октябре–ноябре 1941 г.

¹¹ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1078. Л. 130–131.

¹² ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1107. Л. 23.

¹³ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1106. Л. 9.

¹⁴ ГАНО. Ф. П-738. Оп.1. Д. 272. Л. 208–209.

в отдельных цехах среднемесячная выработка рабочих составляла от 136 до 175% от плановой. В то же время общезаводская производственная программа была выполнена на 61,2% (октябрь) и 42,0% (ноябрь)¹⁵. Причины ее провала скрывались не только в том, что каждый восьмой «чкаловец» не справлялся со сменными заданиями, но и в установлении заниженных норм, рассчитанных на станочников-новичков. Поэтому высокие процентные показатели выработки не отражали реальную производительность труда, бывшую сравнительно низкой по отношению к ее среднему уровню в советском авиапроме. В итоге на фоне заявленных патриотических починов трудовой коллектив завода им. В.П. Чкалова постоянно срывал заказы фронта по выпуску боевых самолетов.

В конце января 1942 г. с целью идейной мобилизации трудящихся в Новосибирске прошло собрание городской общественности, в ходе которого секретарь горкома ВКП(б) И.Д. Яковлев поставил задачу по улучшению работы предприятий. Собрание приняло обращение к рабочим и ИТР о выполнении двухмесячной программы к 24-й годовщине Красной армии, численном росте двух- и трехсотников. Затем прошла церемония вручения орденов и медалей 80 лучшим работникам. Передовые заводские коллективы города удостоились переходящих знамен обкома партии и облизполкома¹⁶. Торжественные ритуалы увязывались с двухсотничеством как одним из критериев награждения атрибутами производственной славы. Вскоре в связи с изменением коммуникативной ситуации, обусловленной победой советских войск под Москвой, в центре внимания агитпропа оказались рабочие, выполнявшие нормы более чем на 1000%, что символизировало дискурс наступления в труде.

Движение тысячников. В феврале 1942 г. фрезеровщик Уралвагонзавода Д.Ф. Босый первым в стране начал постоянно вырабатывать более десяти норм. Развитию его инициативы способствовал приказ Наркома обороны СССР И.В. Сталина от 23 февраля 1942 г., ориентировавший рабочий класс на выпуск военной продукции с удвоенной энергией¹⁷. В Западной Сибири первым к движению тысячников примкнул токарь комбината

¹⁵ ГАНО. Ф.П-22. Оп.3. Д. 1107. Л. 59, 61.

¹⁶ Советская Сибирь. 1942. 27 января.

¹⁷ Правда. 1942. 23 февраля.

«Сибметаллстрой» П.Е. Ширшов, который 15 марта выдал за смену 10,9 норм¹⁸. Газета «Советская Сибирь» опубликовала 1 апреля обращение стахановцев предприятия к работникам Новосибирской области с призывом поддержать дело Босого и Ширшова¹⁹. Новосибирский обком ВКП(б) 5 апреля постановил организовать на заводах фронтовые вахты в честь грядущего Первой²⁰. В регионе началась кампания по подъему производительности труда на фоне сложного освоения военно-промышленных технологий и повышения норм выработки согласно директивам отраслевых наркоматов²¹.

Новосибирская пресса 9 апреля обнародовала переписку Ширшова и Босого, инициировавшую профессиональное состязание тысячников Сибири и Урала²². А уже 10-го числа участники совещания хозяйственников Новосибирска решили оценивать итоги деятельности оборонных заводов по динамике роста численности многосотников и тысячников²³, 26 апреля состоялось общегородское собрание по вручению орденов и медалей 107 стахановцам, добившимся грандиозных производственных побед. Параллельно группа орденосцев предложила организовать соревнование по выполнению месячных планов за 20 дней²⁴. Катализатором инициативы послужил приказ Наркома обороны от 1 мая 1942 г., мобилизующий тружеников тыла на дальнейший подъем производства²⁵. С выходом данной директивы в СССР стартовало всесоюзное соревнование за завоевание знамен ГКО и ЦК ВКП(б). К середине года агитационная поддержка стахановского рекордсменства была свернута в пользу культивирования коллективного трудового героизма, первоначально сохранявшего наступательный смысл.

¹⁸ Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Сб. док. Новосибирск, 2005. С. 279.

¹⁹ Советская Сибирь. 1942. 1 апреля.

²⁰ Советская Сибирь. 1942. 7 апреля.

²¹ Например, приказ Наркомата авиационной промышленности от 20 апреля 1942 г. ориентировал авиазаводы на перестройку системы нормирования в соответствии мерами по улучшению организации и методов труда – см. ГАРФ. Ф. Р-7678. Оп. 6. Д. 68. Л. 27–28.

²² Советская Сибирь. 1942. 9 апреля.

²³ Советская Сибирь. 1942. 10 апреля.

²⁴ Советская Сибирь. 1942. 29 апреля.

²⁵ Правда. 1942. 1 мая.

Весной и в начале лета 1942 г. ярким примером успешного функционирования побудительной коммуникации оставался комбинат «Сибметаллстрой», на котором 30 марта состоялся митинг, завершившийся решением о «выращивании» новых стахановцев²⁶. В начале апреля Ширшов провел совещание по обмену опытом работы с многосотниками завода № 188²⁷. В цехах комбината размещались плакаты, восхвалявшие тысячников П. Е. Ширшова, И. А. Савельева, Марцинкевича, Микина. Досрочно выполнившие месячное задание бригады (появились в феврале 1942 г.) получали статус «фронтowych», заключали друг с другом договоры об организации соревнования. В мае после вступления Сибметаллстроя в состязание с заводом им. В. П. Чкалова по перевыполнению плана главным стал лозунг «Каждый комсомолец – двадцатник»²⁸. В начале июня 1942 г. на комбинате были введены звания «лучший цех» и «лучший завод», присуждавшиеся с вручением знамен и крупных премий передовым структурным подразделениям. Передовики награждались Грамотой гвардейца трудового фронта с размещением их фотопортретов на досках почета²⁹, они также получали в столовой двойную норму горячего блюда и сто-, двухсотграммовые прибавки к хлебному пайку (с мая 1942 г.). Сочетание различных моральных стимулов позволяло объединить коллективную и индивидуальную героику в единую символическую систему, дополнявшуюся денежными и натуральными поощрениями.

Но на многих эвакуированных заводах коммуникативные практики еще по-настоящему не вошли в трудовую повседневность. Нередко руководители производства вместо того, чтобы поддерживать в людях энтузиазм, переводили их на казарменное положение. Этот режим работы требовал от персонала круглосуточного нахождения в цехах до выполнения месячного плана. Полагаясь на администрирование, парторганизации предприятий не занимались пропагандой. Иногда начальники цехов открыто ставили под сомнение полезность агитации, поскольку в ответ работники настойчиво просили наладить нормальное снабжение

²⁶ Советская Сибирь. 1942. 31 марта.

²⁷ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1034. Л. 2–4.

²⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 8. Д. 60. Л. 9–10.

²⁹ ГАНО. Ф. Р-1686. Оп. 1. Д. 16. Л. 6, 7.

материалами и инструментом³⁰. Данные факторы, а также низкая квалификация рабочих-новичков и медленный переход к эффективному нормированию станочных операций затрудняли создание в заводских коллективах атмосферы героико-патриотического ударничества.

Другой распространенной причиной ослабления мотивации к интенсивному труду оставались нерешенные вопросы материально-бытового обеспечения производственников в условиях гиперинфляции и первого военного госзайма (апрель 1942 г.). Наладить стахановское питание многим эвакуированным заводам тоже было трудно – из-за отсутствия собственных подсобных хозяйств. Решение назревших проблем находилось в русле включения заводских коллективов в общесоюзный военно-промышленный «марафон». Но дело осложнялось кризисом наступательного дискурса из-за поражений советских войск под Харьковом и в Крыму.

От преобладания коллективных форм к их паритетному сочетанию с индивидуальной героикой (июль 1942 г. – март 1943 г.). В середине 1942 г. коммуникативную ситуацию в СССР определяло начало наступления немецких войск на юге страны. В данных условиях агитпроп сосредоточился на прославлении предприятий, перевыполнявших задания по выпуску оборонной продукции и олицетворявших возврат к дискурсу обороны в труде.

Всесоюзное соревнование. Всесоюзное соревнование (с мая 1942 г.) породило традицию борьбы за завоевание знамен ГКО и ЦК ВКП(б). С этой целью 12 августа 1942 г. рабочие военных заводов Новосибирска встали на «фронтную» вахту под девизом «В августе работать лучше, чем в июле»³¹. Газета «Советская Сибирь» опубликовала 9 сентября письмо одной из сибирских частей РККА, призывавшей земляков встретить 25-летие Октября перевыполнением планов. Новосибирский обком ВКП(б) поручил партийным организациям отреагировать на послание фронтовиков³², в ответ трудовые коллективы приняли обязательства по реализации месячных заданий за 25 дней³³.

³⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 140. Л. 66, 68.

³¹ Советская Сибирь. 1942. 12 августа.

³² Советская Сибирь. 1942. 9 сентября.

³³ Советская Сибирь. 1942. 15 сентября.

Предоктябрьское соревнование 1942 г. породило новые формы побудительной коммуникации. Так, партбюро завода им. В. П. Чкалова дополнило процедуру взятия сообразительств принесением клятвы бойцов трудового фронта. Были разработаны бланки «Мой подарок матери-Родине», куда стахановцы вписывали свою фамилию, имя, отчество и после фразы «Торжественно обещаюсь к XXV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» указать запланированные показатели. Текст клятвы зачитывался на цеховом собрании и подписывался в присутствии двух свидетелей³⁴. Данный способ стимулирования труда вместе с активизацией организационно-технических мероприятий по улучшению нормирования работ позволил «чкаловцам» в октябре 1942 г. впервые завоевать знамя ГКО. К концу года трудовой коллектив выполнил годовой план по выпуску боевых самолетов на 103,7% [Савицкий, 2005. С. 412]. С этого момента завод им. В. П. Чкалова стал соответствовать пропагандистскому образу передового советского предприятия.

Заметную роль в деятельности оборонных заводов Новосибирска играли так называемые «фронтовые бригады». На участках, где трудились эти коллективы, висели панно с их названиями, доски показателей, отражавшие достижения каждого работника и всей бригады. Выполнение сменных заданий фиксировалось в «боевых листках», «молниях», обсуждалось на производственных совещаниях. По итогам работы за месяц лучшим коллективам присваивались знамена заводских комитетов комсомола³⁵, хотя время героической славы рабочей молодежи еще не наступило.

Распространению передового опыта, повышению квалификации и норм выработки помогали стахановские школы. В них передовики перенимали друг у друга эффективные методы работы. В военпроме Новосибирской области насчитывалось не менее тысячи стахановских школ³⁶. Все это наряду с некоторым улучшением материально-технического снабжения способствовало общему росту производительности, превращало агитационные приемы в действенный инструмент побуждения

³⁴ Советская Сибирь. 1942. 22 сентября.

³⁵ ГАНУ. Ф. Р-1117. Оп. 1. Д. 10. Л. 204.

³⁶ ГАНУ. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 671. Л. 70.

к труду. Неслучайно И. В. Сталин в своем докладе от 6 ноября 1942 г. отметил, что сознательных тружеников становится все больше³⁷. Прозвучавший тезис создавал коллективный образ народа-героя в контексте советского тыла.

Действительно, в течение 1942 г. на оборонных предприятиях быстро росла численность передовиков. Так, в Новосибирске на заводе № 617 («Светлана») количество стахановцев увеличилось в 32,5 раза, в том числе двухсотников и многосотников – в 14,2 раза³⁸. Однако, несмотря на подъем стахановского движения, доля премий в годовом фонде оплаты труда оставалось крайне низкой – всего 1,6%³⁹. Премияльные выплаты и дополнительное питание получали очень немногие «гвардейцы тыла».

Поэтому одновременно с трудовым энтузиазмом в рабочей среде нарастало количество дисциплинарных проступков. Например, в январе – ноябре 1942 г. на заводе № 564 («Точмаш») число прогульщиков увеличилось в 10,2 раза, «дезертиров» – в 24,9 раза⁴⁰. Очевидно, это в итоге и побудило Совнарком СССР принять постановление о первоочередном материально-бытовом снабжении добросовестных работников⁴¹. С тех пор публичное восхваление героев труда стало все чаще дополняться натуральным премированием, в первую очередь, за счет ресурсов подсобных хозяйств предприятий, заработавших к осени 1942 г.

Усилению эффекта морального стимулирования способствовало также возвращение к дискурсу наступления в труде, вызванное окружением немецких войск под Сталинградом. Это событие, а также день рождения И. В. Сталина (21 декабря) в 1942 г. было решено отметить максимальной реализацией суточного производственного графика. Победители соревнования получили право поднять красные знамена⁴². В первых числах января 1943 г. 175-тысячный митинг новосибирцев объявил о создании фонда сверхплановой продукции к 25-летию Красной армии⁴³. Уже через две недели на слете стахановцев многосотники и тысячники

³⁷ Правда. 1942. 7 ноября.

³⁸ ГАНО. Ф. Р-1750. Оп. 1. Д. 5. Л. 14.

³⁹ ГАНО. Ф. Р-1750. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

⁴⁰ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 706. Л. 49.

⁴¹ Постановление СНК СССР от 18 октября 1942 г. «О порядке снабжения продовольственными и промышленными товарами рабочих промышленных предприятий».

⁴² Советская Сибирь. 1942. 16, 19 декабря.

⁴³ Советская Сибирь. 1942. 3 января.

рассказали о первом вкладе в «фонд победы»⁴⁴. В феврале новосибирские рабочие выступили с почином проведения фронтového двухнедельника⁴⁵, инициатива была подхвачена трудовыми коллективами по всей стране. Венцом агиткампании стал выход приказа Верховного Главнокомандующего от 23 февраля 1943 г., подчеркивавшего необходимость мобилизации новых резервов для борьбы с врагом⁴⁶. Одним из таких резервов стали молодые рабочие, пришедшие на производство на рубеже 1941–1942 гг.

Паритетное сочетание коллективной и индивидуальной героики (март 1943 г. – май 1945 г.). В рамках коммуникативной ситуации, обусловленной коренным переломом в войне, ведущее место в пропаганде заняли молодежные бригады. Они символизировали новое наступление на военно-хозяйственном фронте за счет соединения элементов коллективного и индивидуального героизма.

Движение фронтовых бригад. Выдвижение юных стахановцев в герои тыла привело к позиционированию бригадных коллективов как главной движущей силы всесоюзного соревнования. Отправной точкой в данном процессе стали комсомольские форумы. В Новосибирской области 21–22 марта 1943 г. состоялся Первый съезд рабочей молодежи. С его трибуны передовики рассказали делегатам о профессиональных достижениях и инициативах. Участники мероприятия призвали молодых рабочих региона встретить 25-летие комсомола перевыполнением месячных заданий⁴⁷. Начавшаяся кампания проходила под знаком технологической интенсификации выпуска вооружения и боеприпасов.

«Фронтовые бригады» включались в движение новаторов, поднимавшихся на пьедестал трудовой славы. В октябре 1943 г. газета «Советская Сибирь» опубликовала сообщения о бригадах Анатолии Азарове и Николае Титове, названных «золотым фондом Сибметаллстроя»⁴⁸. Спустя неделю в Новосибирске состоялся митинг, инициировавший «боевую» вахту в честь комсомольского юбилея⁴⁹. В этом контексте цитата из доклада

⁴⁴ Советская Сибирь. 1943. 16 января.

⁴⁵ Советская Сибирь. 1943. 16 февраля.

⁴⁶ Правда. 1943. 25 февраля.

⁴⁷ Советская Сибирь. 1943. 26 марта.

⁴⁸ Советская Сибирь. 1943. 13 октября.

⁴⁹ Советская Сибирь. 1943. 22 октября.

И. В. Сталина от 6 ноября 1943 г. о беспримерном подвиге народа в защите Родины свидетельствовала о косвенном признании вклада молодежи в оборону страны⁵⁰. Данный тезис позволял агитпропу балансировать между персонифицированным и коллективным образом доблестных юных тружеников.

На фоне побед Красной армии на Курской дуге и Днепре появлялись новые пропагандистские установки. В сентябре 1943 г. на заводе № 69 было утверждено положение о «фронтовых бригадах». Молодые рабочие давали клятву выполнить месячный план, на основании чего директор предприятия издавал приказ о присвоении коллективу почетного звания. На заводском участке размещались плакат «Фронтальная комсомольско-молодежная бригада имени 25-летия ВЛКСМ» и показатели ежедневной работы⁵¹. При выполнении задания общественное признание доставалось как всему коллективу, так и его руководителю.

О позитивном влиянии моральных стимулов на рабочую молодежь, занятую в передовых бригадах, свидетельствуют воспоминания тружеников новосибирского военпрома. Так, ветеран завода «Искра» Т. М. Егорова подчеркивала стремление юношей и девушек сохранить за своими коллективами звания «фронтовых» [Букин, 2001. С. 80]. Бывшая работница предприятия М. А. Пирогодова отмечала, что самым ярким событием за всю войну стало вручение ее бригаде переходящего знамени за победу в соревновании [Там же. С. 93, 94].

Победители межбригадных соревнований получали коллективные премии в размере 2000–3000 руб., но из-за продолжавшегося роста рыночных цен и товарного дефицита самыми желанными были натуральные премии. Например, А. М. Романова (завод «Искра») вспоминала о радостных эмоциях, пережитых ею при получении пары туфель по ордеру, заработанному на заводской «вредности» [Букин, 2001. С. 96]. Такие подарки выдавались двухсотникам, многосотникам, тысячникам и членам молодежных бригад.

Однако значительная часть рабочих, лишенная возможности сменить изношенную одежду и обувь, ощущавшая постоянное недоедание, быстро утрачивала мотивацию к труду. В 1943 г.

⁵⁰ Правда. 1943. 7 ноября.

⁵¹ ГАНУ. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 812. Л. 86.

с предприятий Новосибирска сбежали 20 тыс. рабочих [Савицкий, 2005. С. 322]. В этот год, несмотря на рост производственного энтузиазма, число дисциплинарных проступков в военпроме достигло максимума.

В то же время на фоне напряженной социально-трудовой ситуации начала приносить позитивные плоды комплексная модернизация военного производства. В течение 1943 г. факторами интенсификации труда все больше становились рационализация и механизация технологических процессов. Например, в оборонных отраслях внедрялись кокильное и стальное литье, машинная формовка металлических конструкций, а свободнаяковка деталей заменялась на их горячую штамповку. В заводских цехах осуществлялся монтаж конвейеров и потоков для транспортировки комплектующих изделий, оснащение станков техустройствами для подъема и передвижения тяжелых заготовок и деталей. Эти мероприятия, направленные на сокращение временных и материальных затрат, трудоемкости изготовления продукции, создавали объективные предпосылки для развития феномена стахановской героики военного времени.

В конце 1943 г. в связи с конвейеризацией производства зародился почин московского бригадира Е. Г. Барышниковой «С меньшим числом рабочих – больше продукции». По ее примеру фронтные бригады Новосибирска сокращали состав, не уменьшая выработку. В предмайском соревновании 1944 г. данный критерий использовался при оценке результатов участия юношеских коллективов в борьбе за право подписи рапорта И. В. Сталину⁵².

Значимым мероприятием стал Второй съезд рабочей молодежи Новосибирской области (17–18 июня 1944 г.), призывавший юношей и девушек создавать новые микроразводские ячейки⁵³. Прославившиеся на уровне региона бригады выдвигались кандидатами в победители всесоюзного соревнования. В июле 1944 г. в промышленности вооружения Новосибирска на эту позицию претендовал коллектив Лаврентия Виноградова. Его работники трижды завоевывали знамя заводского комитета ВЛКСМ. Бригадир был награжден орденом Трудового Красного Знамени,

⁵² Советская Сибирь. 1944. 1–30 апреля.

⁵³ Советская Сибирь. 1944. 20 июня.

грамотами дирекции предприятия, областных и городских органов власти⁵⁴.

Профессиональные успехи передовых бригад помогали военным заводам добиваться первенства во внутриотраслевом состязании в масштабах всей страны. Все это позволило И. В. Сталину в докладе 6 ноября 1944 г. отметить, что молодежь проявила «доблесть и героизм на фронте труда»⁵⁵. Юные труженики оценивались главой СССР в качестве одной из ключевых групп советского народа-героя, одержавшего экономическую победу над врагом.

С приближением победного финала войны получила распространение инициатива уральского стахановца Е. П. Агаркова по объединению смежных цеховых участков и бригад. Зимой–весной 1945 г. «агарковский метод» широко внедрялся на предприятиях Новосибирска⁵⁶. Данная пропагандистская акция вылилась в последнюю кампанию по повышению производительности труда с участием «фронтовых бригад».

К этому времени на пьедестал производственной славы поднялись молодые бригадиры Феликс Немировский, Лаврентий Виноградов, Оксана Власюк, Александра Калинкина, Владимир Великий, Петр Свириденко, Леонид Голандаев, Нелли Рузис, Мария Кобзева, Ефим Раппопорт и другие. Благодаря их коллективам заводы № 69 (им. В. И. Ленина), № 153 (им. В. П. Чкалова), № 564 (завод «Точмаш»), комбинат № 179 («Сибметаллстрой») многократно получали знамена ГКО и ЦК ВКП(б), награждались орденами. Паритетное сочетание индивидуальной и коллективной героики давало возможность решать в тесной связке коммуникативные, технологические, кадровые проблемы и добиваться результативной отдачи от военной индустрии.

В целом к концу военного времени социально-трудовая ситуация в новосибирском оборонпроме заметно улучшилась. На 1 января 1943 г. в составе рабочей молодежи предприятий Новосибирской области процент стахановцев и ударников равнялся 18,9%, на 17 июня 1944 г. – 65,7%, в том числе двухсотников

⁵⁴ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 811. Л. 3.

⁵⁵ Правда. 1944. 6 ноября.

⁵⁶ Советская Сибирь. 1945. 9, 10, 13, 16, 17, 31 января; 11, 18 февраля.

и многосотников – 1,2 и 25,0 %⁵⁷. В начале 1943 г. в молодежных бригадах было занято 2–3% юных производственников, 1944-го – 13%, 1945-го – 35–40%⁵⁸.

Рост влияния моральных стимулов на оборонщиков был обусловлен не только формированием культа героев тыла, но и некоторым повышением роли материального вознаграждения. Этому способствовало снижение рыночных цен, начавшееся в 1944 г., хотя его позитивное воздействие на зарплату ослаблялось непрерывным ростом военного налога и госзаймов, а также небольшой долей стимулирующих надбавок в фонде оплаты труда. Так, на заводе № 617 удельный вес премий в ФОТ за 1944 г. составлял 3,3%⁵⁹. В данной ситуации важным бонусом становились прибавки продовольственного снабжения. В 1944 г. столовые комбината «Сибметаллстрой» в качестве дополнительного питания выдали 4265,7 тыс. блюд и 1658,6 тыс. стограммовых порций хлеба⁶⁰.

Конечно, этих мер было недостаточно, чтобы полностью справиться с проблемой трудового «дезертирства». В 1944 г. предприятия Новосибирска самовольно покинули 10,2 тыс. чел. [Савицкий, 2005. С. 322]. Тем не менее это количество дисциплинарных проступков вдвое меньше, чем в 1943 г. И данное сокращение произошло на фоне беспримерного роста производственного энтузиазма в завершающий период войны. Так, на 1 января 1945 г. в Новосибирской области 1957 молодежных бригад выполняли задания на 100–150%, 859 бригад – на 150–200, 538 бригад – на 200–300, 148 бригад – свыше 300%⁶¹. На этом фоне оборонная промышленность Новосибирска в целом справлялась с выполнением заказов фронта⁶². То есть высокие процентные показатели выработки, как правило, отражали реальную производительность, что свидетельствовало об успешной реализации тружениками тыла заявленных патриотических починов.

⁵⁷ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 962. Л. 87.

⁵⁸ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 8. Д. 175. Л. 10.

⁵⁹ ГАНО. Ф. Р-1750. Оп. 1. Д. 10. Л. 22.

⁶⁰ ГАНО. Ф. Р-1686. Оп. 1. Д. 26. Л. 10, 11.

⁶¹ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 946. Л. 76.

⁶² К концу 1944 г. оборонная промышленность Новосибирска выполнила годовой план на 101,1% – подсчитано по данным исследования [Савицкий, 2005. С. 412–413].

Итоги реализации «прометеевской» стратегии: повышение экономического эффекта. Поступательный подъем патриотических настроений трудящихся стал действенным рычагом повышения экономического эффекта в «оборонке». В 1942 г. в Новосибирске по сравнению с предыдущим годом среднемесячная выработка одного авиастроителя увеличилась на 40,2%, в 1943 г. – на 48,3%, 1944 г. – на 41,0%. В 1943–1944 гг. у боеприпасников указанный индикатор хозяйственной эффективности составил соответственно 24,6 и 34,5%. В 1943 г. производственная отдача от каждого рабочего новосибирского военпрома возросла в среднем на 32,2%, в 1944 г. – 31,5%⁶³. Динамика роста этих показателей превышала подъем производительности труда на всесоюзном уровне⁶⁴. К концу войны выработка в авиапроме и промышленности боеприпасов Новосибирска стала выше, чем ее средний уровень в данных отраслях советского ВПК.

Одной из причин такого рывка стало стремление основной массы работников к перевыполнению норм выработки. Наиболее весомый вклад в ее наращивание вносили стахановцы и «фронтвые бригады», получавшие денежные и натуральные премии. В 1942 г. – первом полугодии 1945 г. на оборонных заводах Новосибирска было подано 30325 рационализаторских предложений, из них реализовано – 12776 (42,1%). Общая экономия от внедренных новаций достигла 329,7 млн руб. [Савицкий, 2005. С. 421]. Благодаря этому с 1943 г. до середины 1945 г. большинство предприятий крупнейшего оборонно-промышленного центра Сибири выполняло и перевыполняло годовые планы по производству вооружения и боеприпасов.

Выводы

В годы Великой Отечественной войны в оборонной индустрии Сибирского региона была реализована стратегия «Выше производительность – выше слава», нацеленная на усиление трудовой мотивации рабочих за счет применения моральных

⁶³ Подсчитано по данным исследования [Савицкий, 2005. С. 415–416].

⁶⁴ В 1942 г. прирост выработки на одного авиастроителя в СССР составил 30,0%, боеприпасника – 51,8%, 1943 г. – 15,9 и 20,7%, 1944 г. – 9,5 и 13,9% – Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2976. Л. 36; Ф. 7678. Оп. 7. Д. 74. Л. 210–211.

стимулов. В первой половине 1940-х гг. данный феномен как институциональное сочетание индустриального модерна и архетипа героя достиг исторического максимума в ходе развития новых военно-промышленных центров в восточных регионах СССР. В этот период основным инструментом побуждения к интенсивной занятости стали информационно-пропагандистские технологии, внедрившие в массовое сознание работников тыла стереотипы героического труда.

Анализ указанных процессов на уровне одного из крупнейших городов Сибири показал, что культ творческой стахановской работы в оборонном комплексе формировался посредством соревнования, служившего механизмом комбинирования широкого круга коммуникативных практик. Совокупность устных и письменных сообщений, цифровых показателей, наглядных образов и наградных атрибутов позволяла партийным и комсомольским комитетам военных заводов транслировать преимущественно в среду рабочей молодежи сверхактуальный призыв к патриотической сознательности. Его значение особенно возросло в результате ювенального поворота в сфере агитпропа, совпавшего с технической модернизацией производства. Усилению эмоциональной компоненты идеологического символизма способствовали законодательно установленные практики натурального вознаграждения передовиков, без которого героическая мотивация труда была обречена на быстрое затухание. Так же как и при отсутствии информационно-пропагандистского сопровождения материальное поощрение оказалось бы абсолютно безрезультативным, поскольку в условиях военного времени рабочие балансировали на грани физического выживания.

Благодаря указанным процессам сформированные заводские коллективы, несмотря на распространенность в них нарушений трудовой дисциплины, все активнее реагировали на моральное стимулирование. В этих условиях «прометеевская» стратегия стимулирования обеспечила безусловный экономический эффект, приблизив победу СССР над нацистской Германией. На фоне общих успехов труженики Новосибирска работали более результативно, что дает возможность считать этот сибирский город одним из мощных «драйверов» советской военной экономики 1941–1945 гг. Это стало возможным благодаря эффективной

реализации системы стимулов и плодотворной работе идеологов и организаторов «трудового фронта».

Литература

Букин С. С. Завод «Искра» в годы Великой Отечественной войны. Исторический очерк и воспоминания ветеранов. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2001. 111 с.

Зотова Т. В., Стеклова О. Е. Моральное стимулирование труда // Вестник УлГТУ. 2012. № 3. С. 71–73.

Савицкий И. М. Важнейший арсенал Сибири: Развитие оборонной промышленности Новосибирска в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 449 с.

Статья поступила 12.01.2022

Статья принята к публикации 26.01.2022

Для цитирования: Романов Р. Е. Реализация прометеевской стратегии стимулирования труда рабочих в сибирском военпроме (1941–1945 гг.) // ЭКО. 2022. № 5. С. 157–177. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2022-5-157-177

Summary

Romanov, R.E., Cand. Sci. (Historical), Institute of History SB RAS, Novosibirsk
Implementation of the Prometheus Strategy for Stimulating Workers' Labor in the Siberian Military Industry (1941–1945)

Abstract. The paper analyzes the historical experience of applying the strategy “Higher Productivity – Higher Glory” in the sphere of moral stimulation of defense industry workers in Siberia during the Great Patriotic War. Its socio-cultural preconditions were rooted in the synthesis of industrial modernity and the archetype of the hero, embodied in the original image of Prometheus. In the first half of the 1940s the Promethean strategy was successfully adapted to the task of creating and developing large military-industrial centers in the eastern regions of the USSR. The tool for its implementation was agitprop technology, which served as a mechanism of labor communication in the new factory teams of defense workers, which had a predominantly youth composition. These technologies were embodied in the form of campaigns to increase labor productivity through the formation of a heroic cult of two-hundred-workers, thousand-workers, participants in the All-Union competition, front-line brigades and their leaders. The approach taken ensured an economic effect that made the USSR's victory over Nazi Germany unconditional. Such a high result was achieved due to the fact that the bulk of production workers were morally motivated to increase production of arms and ammunition.

Keywords: Great Patriotic War; Siberia; defense industry; workers; labor incentives; Prometheus strategy

References

Bukin, S.S. (2001). *The Iskra plant during the Great Patriotic War. Historical essay and memoirs of veterans*. Novosibirsk, Institut istoriy SO RAN. 111 p. (In Russ.).

Zotova, T.V., Steklova, O.E. (2012). Moral stimulation of labor. *Vestnik UIGTU*. No. 3. Pp. 71–73. (In Russ.).

Savitskii, I.M. (2005). *The most important arsenal of Siberia: The development of the defense industry of Novosibirsk during the Great Patriotic War*. Novosibirsk, izd-vo SO RAN. 449 p. (In Russ.).

For citation: Romanov, R.E. (2022). Implementation of the Prometheus Strategy for Stimulating Workers' Labor in the Siberian Military Industry (1941–1945). *ECO*. No. 5. Pp. 157–177. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-5-157-177

Российский опыт адаптации к внешним для экономики шокам (о книге «Ответ российского бизнеса на пандемию COVID-19»)

В.Е. ДЕМЕНТЬЕВ, доктор экономических наук, чл.- корр. РАН
E-mail: vedementev@rambler.ru; ORCID: 0000-0001-5612-3999
Центральный экономико-математический институт РАН, Москва

JEL: L16, L22, L52, H12

Аннотация. В статье обсуждается монография, подготовленная по результатам совместного проекта НИУ ВШЭ и РСПП, в рамках которого исследовались отраслевые кейсы реагирования компаний на вызванный пандемией COVID-19 кризис и рассматривались сценарии посткризисного развития. Представлены уроки, которые можно извлечь из опыта этого реагирования для повышения устойчивости российской экономики к кризисам и внешним шокам. Обсуждаются дающиеся прогнозы. Особое внимание уделяется ограниченной емкости внутреннего рынка, способной затруднить цифровую трансформацию отечественной экономики. Обозначена актуальная сфера использования апробированной в монографии методологии мезоэкономического анализа, во многом оставшаяся за рамками рассматриваемого исследования.

Ключевые слова: пандемия COVID-19; экономический кризис; адаптационный потенциал; отраслевые рынки; экономическая политика; взаимодействие государства и бизнеса; цифровизация экономики

Все, что не убивает, делает нас сильнее

Анализ влияния пандемии COVID-19 на экономику занимает особое место в исследовании кризисов. Уникальный характер развитию мировой экономики в 2020 г. придает то, что кризис возник под влиянием экзогенных обстоятельств. На тенденции увеличения рисков, связанных с внешними для экономики шоками, фокусируют внимание несколько исследований [The human cost..., 2020; The Global Risks..., 2021; Миркин, 2020].

Одним из приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации провозглашена «возможность эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учетом

взаимодействия человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе применяя методы гуманитарных и социальных наук»¹. Действия бизнеса в ходе пандемии COVID-19, предпринимаемые государством меры – это важный и требующий изучения опыт приспособления экономики к таким вызовам. Полученный опыт должен послужить подготовке разных уровней управления к развитию в условиях перманентных рисков.

Известно, что на инновационное развитие экономики большое влияние оказывает структура отраслевых рынков [Aghion et al., 2005], то есть мезоуровень экономической системы. Относящиеся к нему крупные корпоративные объединения (бизнес-группы) внесли свой вклад в экономическое чудо Японии, Германии, Южной Кореи, Китая. В ряде работ рассматривается реагирование ТНК на ограничения, связанные с пандемией COVID-19 [Guedhami et al., 2021; Zhang, 2021]. Многие транснациональные корпорации первыми испытали шоковое воздействие из-за сбоя поставок из Китая. Пандемия усилила ориентацию компаний из списка Fortune Global 500 на свой внутренний регион [Pisani, 2021]. Отраслевые рынки предстают важной сферой адаптации экономик к шоку, вызванному пандемией.

Как приспособливаются к этому шоку отрасли отечественной экономики? Само название коллективной монографии «Ответ российского бизнеса на пандемию COVID-19 (на примере шести отраслевых кейсов)» достаточно точно отражает ее содержание. Особенности реагирования секторов российской экономики на коронакризис раскрываются на примере шести из них: сектора информационных технологий, розничной торговли, туризма, фармацевтического, химического производств и автомобилестроения [Ответ..., 2021]². Картина происходящих изменений выглядит особенно рельефной на фоне описания предшествующего развития (2011–2021 гг.) этих отраслей. Выполненные авторами межстрановые сопоставления показывают специфику адаптации российского бизнеса к условиям пандемии COVID-19.

¹ Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642.

² По материалам этих отраслевых исследований в журнале «ЭКО» в 2021 г. был опубликован цикл статей.

Обсуждаются также перспективы развития рассматриваемых отраслей в посткризисный период.

Сложность соответствующих прогнозов усугубляет тот факт, что преодоление последствий пандемии приходится на период радикального обновления технологической базы экономики на основе цифровых технологий, что требует и существенных институциональных изменений. В таких условиях особенно важно выявить микроэкономические основания мезоэкономической динамики. Эта задача решается в исследовании с помощью углубленных интервью с представителями предприятий и отраслевых бизнес-ассоциаций.

Хотя содержащийся в монографии экскурс в историю развития российской экономики до 2020 г. полезен для понимания исходной ситуации в рассматриваемых отраслях, наиболее важной и особенно интересной представляется информация, полученная в ходе интервью. Она позволяет определить изменения в моделях поведения фирм, лучше понять реальную ситуацию в отрасли. Интервью показали, как менеджеры/собственники бизнеса понимают проблемы, с которыми они столкнулись из-за пандемии, какие пути их преодоления выбирают, какой видят деятельность своих компаний в среднесрочной перспективе, как оценивают меры государственной антикризисной поддержки.

Однако возникает вопрос о репрезентативности (объективности) данных микроанализа. Его решение авторы видят не в том, чтобы расширять выборку или жестко формализовать опрос. Чтобы избежать некорректного обобщения выборочных наблюдений и их трансляции на мезо- и макроуровень, «сами исследователи должны четко определить для себя границы в отношении тех выводов, которые можно делать на основе микроанализа» [Там же. С. 432]³.

Как отмечают авторы исследования, смягчению негативного влияния коронакризиса на начальных стадиях во многом способствовал опыт предшествующих испытаний в 2008, 2014 гг. «Те компании, руководители и собственники которых извлекли из него уроки, оказались лучше подготовлены к антикризисным действиям в период пандемии» [Там же. С. 420].

³ Здесь и далее без указания источника приводятся страницы из обсуждаемой монографии.

Каждый сектор экономики встретил 2020 г. со своим багажом накопленных проблем, своей структурой рынка и организацией кооперационных связей. Существенные различия между отраслями определили разные траектории их развития в кризисный период, потребовали учета отраслевой специфики при предоставлении мер государственной поддержки.

В последней главе авторы задаются вопросом: «Можно ли за частотолом отраслевой специфики увидеть какие-либо общие уроки реагирования компаний и государства на кризис, вызванный пандемией, и, самое главное, дать оценку трендов посткризисного развития?» [Там же. С. 410].

Выявление таких трендов, конечно, полезно. Однако не менее (если не более) важно попытаться извлечь те уроки, которые позволят повысить адаптационный потенциал российской экономики при усиливающейся турбулентности внешней среды. Их осмысление послужит практическому воплощению афоризма Ф. Ницше, вынесенного в заголовок данного раздела статьи.

Уроки вызванного пандемией кризиса

Один из уроков состоит в том, что при определении механизмов поддержки отраслей «представления государства о секторах экономики в ряде случаев оказались упрощенными» [Там же. С. 423]. Даже в обычных условиях это снижает эффективность государственной экономической политики. В кризисной ситуации неверное представление об объекте управления становится просто опасным. В период пандемии «серьезной проблемой стали условия отбора предприятий, действительно пострадавших от кризиса, так как селекция таких компаний на уровне кодов видов экономической деятельности оказалась весьма грубой. Предприятия могли столкнуться с существенным падением выручки, но не получить поддержку, так как их деятельность не вошла в перечень наиболее пострадавших отраслей российской экономики» [Там же. С. 423]. Практика не показала высокой результативности такого инструмента поддержки бизнеса, как перечень системообразующих компаний.

Еще один урок пандемии состоит в том, что в условиях кризиса исключительную важность приобретает активное взаимодействие государства и бизнеса. В 2020 г. «результатом такого взаимодействия стало оперативное решение ряда проблем отраслевого

регулирования и смягчение отдельных ограничений» [Там же. С. 423]. Государство на федеральном уровне продемонстрировало способность прислушиваться к мнению бизнеса об актуальности различных мер поддержки.

Так, в рамках анализа автомобильной промышленности говорится об активном участии крупных отечественных производителей в разработке пакета антикризисных мер для отрасли, причем их предложения были по большей части учтены [Там же. С. 337]. Однако не все органы власти оказались одинаково эффективными. «В одних случаях мы видели комплексную и быструю реакцию на запросы бизнеса – запуск новых мер поддержки, своевременную корректировку избыточно жестких ограничений, в других – представители компаний говорили о том, что в их отрасли нет эффективного партнера со стороны власти, а равно и ее готовности отвечать на новые вызовы» [Там же. С. 10].

Оперативной была реакция государства на бедственную ситуацию, возникшую в сфере туризма. Авторы исследования отмечают, что пандемия COVID-19 при всех негативных ее последствиях создала новое «окно возможностей» для развития сектора, в первую очередь за счет смещения фокуса внимания на внутренний туризм. Указывается, что развитие внутреннего и въездного туризма имеет особое значение для России, поскольку создает рабочие места в сфере услуг и может способствовать снижению регионального неравенства. Особенность туристического сектора в том, что он развивается за счет частных инвестиций, так как только частные фирмы способны эффективно удовлетворить запросы множества разнообразных клиентов. Государство же может стимулировать спрос и содействовать привлечению частных инвестиций. «Соответственно, для системного развития туризма требуются активное вовлечение всех игроков и серьезная координация их действий» [Там же. С. 228].

Хорошим уроком стало предоставление главам регионов России возможности самостоятельно принимать решения о смягчении, сохранении или ужесточении ограничительных мер из-за ситуации с коронавирусом. Как некоторое свидетельство в пользу рациональности такого шага можно рассматривать полученный в одном из зарубежных исследований [Acemoglu et al., 2020] вывод о том, что дифференцированная блокировка перемещений с учетом различных групп риска (более строгие ограничения для

старших групп по сравнению с более молодыми) может сильнее сократить число потерянных жизней и негативные экономические последствия по сравнению с единообразными мерами блокировки для всех возрастных групп.

Оборотной стороной дифференциации ограничений по регионам России стала потребность в координации условий деятельности для участников межрегиональных производственных цепочек. Соответствующие усилия потребовались, в частности, для восстановления работы поставщиков автокомпонентов и автодилеров [Ответ., 2021. С. 337]. Таким образом, для повышения устойчивости экономики в условиях чрезвычайной ситуации важно иметь отработанный порядок взаимодействия бизнеса как с федеральными, так и с региональными органами власти, и не только своего региона.

Авторы обращают внимание на разное отношение бизнеса к мерам прямой государственной поддержки. Она может быть желательной при реализации инвестиционных проектов с прогнозируемым и понятным уровнем риска [Там же. С. 10]. Однако даже в кризис не все компании готовы иметь дело с бюджетными средствами, остерегаясь их «токсичности». Имеются в виду опасения проверок и давления со стороны контролирующих органов, вплоть до уголовного преследования первых лиц компаний [Там же. С. 157]. Это свидетельствует об отсутствии доверия к этим органам. Между тем, как показывает опыт многих стран в условиях пандемии COVID-19, адаптационные качества экономики существенно зависят от уровня доверия правительству [Дементьев, 2021].

Практика показала, что «среди предложенных на федеральном уровне мер поддержки оказалось недостаточно инструментов, направленных на компании “второго эшелона” (малый бизнес принято поддерживать, крупный – имеет большую переговорную силу)» [Ответ..., 2021. С. 423]. Это, помимо прочего, приводит к тому, что в отечественной экономике может давать сбой классический вариант поддержки секторов с вертикальной координацией (например, автомобилестроения). Речь идет о закупках для государственных нужд конечной продукции у крупнейших производителей в расчете на распространение вниз по кооперационной цепочке соответствующих эффектов поддержки [Там же. С. 413–414]. То, что средние предприятия

существенно реже, чем крупные, имели возможность продолжать функционирование в период локдауна, негативно сказывалось и на их крупных партнерах, особенно в секторах с вертикальной координацией. Непосредственный комментарий этой ситуации свелся к тому, что «существенной оказалась проблема неразвитости сетей субподряда, ограниченной конкуренции среди поставщиков» [Там же. С. 224]. Этот комментарий не дает ответа на вопрос, почему производственные потребители продукции средних фирм часто оставляли последних без поддержки. Уязвимость компаний второго эшелона ослабляет шокоустойчивость экономики в целом.

К выводу о необходимости учитывать проблемы всего спектра участников привел и анализ сектора торговли. Указывается, что «государственная поддержка розничной торговли не может быть универсальной для всего сектора и должна ориентироваться на отдельные его сегменты» [Там же. С. 127].

В исследовании отмечается, что относительно слабое, по сравнению с компаниями развитых стран, участие российского бизнеса в глобальных сетях создания стоимости позволило ему пережить коронакризис с меньшими потерями. «Сказался фактор некоторой смещенности в предпочтениях российских предприятий от эффективности к надежности поставок, при этом в период кризиса наличие у компаний запасов и ограниченность применения инструментов just in time оказались благом» [Там же. С. 420]. Судя по проблемам компаний второго эшелона, предпочтения надежности поставок часто не сопровождаются реальными действиями по поддержке поставщиков, укреплению связей с ними. Между тем существуют риски «переключения поставщиков сырья на внешний рынок, монополизма в различных звеньях цепочек поставок» [Там же. С. 419]. При этом смена поставщиков сопряжена с риском поставок продукции с недостаточным уровнем качества [Там же. С. 329].

Вопрос о том, какой урок из кризиса можно извлечь относительно вертикальной интеграции производственных цепочек, остается дискуссионным и заслуживает отдельного обсуждения. Отход от интеграции с поставщиками часто связывают с необходимостью самоорганизации предприятий при нестационарности условий экономической деятельности [Ozcan, Eisenhardt, 2009; Snow, 2018]. Авторы отмечают, что «ставка на вертикаль управ-

ления ограничивает конкуренцию на различных стадиях переделов (что ощутимо в автомобилестроении и фармацевтической промышленности) и делает кооперационные цепочки слишком неустойчивыми к резким внешним изменениям» [Там же. С. 417]. Однако практика показала, что интеграция добывающих и перерабатывающих предприятий в вертикально интегрированные нефтяные компании снижает их уязвимость при непредсказуемых изменениях в динамике цен на нефть [Алекперов, 1996]. При форс-мажорных обстоятельствах вертикаль управления обеспечивает быстрое маневрирование ресурсами, тогда как конкуренция за ограниченные ресурсы может затормозить их перераспределение [Дементьев, 2019]. Наиболее жизнестойкими в таких случаях оказываются организации с относительно простыми правилами взаимодействия участников [Davis et al., 2009], что достижимо при иерархической координации действий. Другое дело, что, когда изменения экономических условий носят не шоковый характер, жесткие кооперационные связи могут быть излишне инерционными.

Перспективы посткризисного развития

Большое место в исследовании занимает обсуждение перспектив развития рассматриваемых отраслей. Здесь вспоминается российский афоризм о том, что «прогнозирование – чрезвычайно сложная вещь, особенно когда речь идет о будущем». Эти слова приобретают совсем не шуточный смысл в периоды радикальных изменений в экономике, когда уже не обойтись отслеживанием прежних трендов, да и новые не всегда дают надежные ориентиры.

Если в сфере торговли все-таки видится продолжение уже намечившихся тенденций, то в автомобилестроении иная ситуация. Примером здесь, казалось бы, может служить общий курс в развитии европейского автомобилестроения на переход к электрической тяге. Как резонно указывается в монографии, для нашей страны полный отказ от использования двигателей внутреннего сгорания вряд ли оправдан. Тому есть ряд объективных оснований: «большие расстояния, неспособность пока батареи удерживать такой большой объем электроэнергии, неразвитость пока зарядных структур» [Ответ., 2021. С. 340]. Существенные потенциальные преимущества для России, включая экспортный

потенциал, имеет «дальнейшее развитие производства автотехники с традиционными двигателями внутреннего сгорания, поскольку отнюдь не все страны мира готовы в обозримом будущем отказаться от использования этого типа двигателей» [Там же. С. 341].

Большое внимание авторы уделяют последствиям пандемии для цифровой трансформации экономики, особенно для сектора информационных технологий. Показано, что влияние кризиса на сектор было весьма разнонаправленным. С одной стороны, для многих фирм жесткие противоэпидемические ограничения стали серьезным вызовом, с другой – кризис ускорил процессы внедрения цифровых технологий в самых разных сферах и открыл новые возможности для их развития [Там же. С. 174].

Действительно, по данным Росстата, объем производства по собирательной классификационной группировке видов экономической деятельности «Сектор информационного-коммуникационных технологий» в 2020 г. вырос в 1,5 раза по сравнению с 2018 г.⁴ В качестве источников расширения спроса на ИТ-продукты и услуги выделяются такие отрасли, как розничная торговля, здравоохранение, образование, банковские услуги, а также сфера государственного управления. Авторы допускают возможность реализации в России модели опережающего экономического развития, если проводимая правительством политика в отношении сектора информационных технологий будет иметь системный и последовательный характер [Там же. С. 179]. Пока же перспективы цифровизации промышленности и участия ИТ-индустрии в данном процессе оцениваются неоднозначно [Там же. С. 176].

Одно из направлений развития цифровых технологий – робототехника. Основным потребителем промышленных роботов остается автомобилестроение. Как показано в исследовании, трудности наращивания выпуска в России автомобильной электроники и других автокомплекующих в существенной мере

⁴Технологическое развитие отраслей экономики. Объем инновационных товаров, работ, услуг по Российской Федерации по видам экономической деятельности. Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами. Собирательная классификационная группировка видов экономической деятельности «Сектор информационного-коммуникационных технологий».URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11189>

определяются ограниченностью внутреннего рынка, не позволяющей реализовать эффект масштаба производства [Там же. С. 320]. Подобным образом может тормозиться и становление российского производства робототехники. Отставание нашей страны от ведущих стран по уровню внедрения робототехники оценивается в десять лет⁵. И этот разрыв может сохраняться при любом повышении уровня локализации автомобильных компонентов действующими в России иностранными фирмами.

Хотя российское фармацевтическое производство почти единодушно воспринимается обществом как бенефициар пандемии, авторы объясняют, почему и в этой отрасли ситуация является сложной. Показано, что кризис стал катализатором в налаживании диалога между бизнесом и правительством по ряду чувствительных для отрасли вопросов, а принятые меры продемонстрировали, что уровень бюрократизации управления может быть существенно снижен. Констатируется переориентация производителей на развитие собственных каналов сбыта и прямое взаимодействие с покупателями посредством цифровых технологий. Этой тенденции отвечает смещение мер государственной политики с регулирования производства к регулированию всей цепочки создания стоимости от производства сырья до поставки лекарственных препаратов конечному потребителю. Вместе с тем и здесь ограниченность масштабов внутреннего спроса является препятствием для налаживания конкурентоспособного производства субстанций [Там же. С. 284].

К дальнейшим исследованиям

Мировая экономика после сокращения выпуска на 3,1% в 2020 г. продемонстрировала довольно энергичный восстановительный рост на уровне 5,9% в 2021 г.⁶ Такая динамика настраивает на оптимистические ожидания дальнейшего экономического развития. Однако начавшийся после острой фазы кризиса быстрый рост экономики был во многом обеспечен отложенным

⁵ Автоматизация поневоле: как развивается рынок робототехники в России. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/617fd2f59a79476a8f848479>

⁶ International Monetary Fund. World Economic Outlook: Recovery during a Pandemic—Health Concerns, Supply Disruptions, Price Pressures. Washington, DC. 2021 October. P. 6. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/10/12/world-economic-outlook-october-2021> (дата обращения: 15.11.2021).

спросом. «Этот импульс ограничен во времени, и если не будет поддержан дополнительными мерами экономической политики, то экономика выйдет на “плато”, динамика на котором будет обеспечиваться более низким, чем докризисный, балансом спроса и предложения» [Широв, 2021. С. 8].

На таком фоне заслуживают особого внимания предупреждения о том, что наибольшие экономические издержки пандемии COVID-19 могут возникнуть уже после ее преодоления вследствие долгосрочных изменений в поведении экономических агентов [Kozlowski et al., 2020]. То есть пандемия не пройдет бесследно. После нее на экономике останутся своего рода рубцы в виде изменившегося восприятия того, насколько вероятны экстремальные шоки в дальнейшем. Усиливающиеся опасения таких шоков ведут к устойчивому снижению инвестиционной активности, что уже наблюдалось ранее [Correia, 2020].

Это может негативно сказаться на возможности придать экономике «инвестиционный импульс» [Rosenstein-Rodan, 1943], на реализации инфраструктурных проектов, на долгосрочном развитии производства инвестиционных товаров. В российской экономике последняя сфера является одной из самых проблемных. Отечественная экономика сильно зависит от импорта оборудования. Хотя общий импорт России в 2020 г. уменьшился на 5,7%, в его товарной структуре по-прежнему преобладают машины и оборудование, их доля даже выросла – с 46,1% до 47,6%. За 10 месяцев 2021 г. этот показатель еще увеличился, достигнув 49,4%⁷. Высокая доля импорта ограничивает возможности реализации эффекта масштаба при развитии отечественного производства оборудования. Дополнительные трудности на этом пути создаст усиление конкуренции при снижении спроса на инвестиционные товары.

В условиях коронакризиса международные связи не увеличили частоты проблем для российских компаний в части поставок комплектующих и сырья по сравнению с отечественными связями [Волчкова, 2021]. Однако если будут вводиться ограничения на импорт оборудования, такие внешние шоки способны стать серьезным испытанием для отечественной экономики.

⁷ Товарная структура импорта Российской Федерации со всеми странами. URL: <https://customs.gov.ru/folder/521>

Представленный в монографии опыт мезоэкономических исследований свидетельствует о целесообразности использования апробированной в ней методологии для анализа и прогнозирования отраслей, производящих инвестиционные товары.

В послесловии авторы выражают надежду, что «книга не только станет некоторым шагом к лучшему пониманию устройства отраслей российской экономики, но также пробудит интерес к проведению многоплановых исследований отраслевого уровня и подтолкнет спрос на результаты таких исследований» [Ответ., 2021. С. 433]. И для этого есть все основания.

Литература

Алекперов В. Ю. Вертикально интегрированные нефтяные компании России. Методология формирования и реализация. М.: АУТОПАН, 1996.

Волčkova Н. А. Российские экспортеры в условиях экономического кризиса, вызванного пандемией // Журнал НЭА. 2021. Т. 52. № 4. С. 252–257. DOI: 10.31737/2221–2264–2021–52–4–14

Дементьев В. Е. «Черные лебеди» и социальные институты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 3. С. 54–66. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.3

Дементьев В. Е. Жизнеспособность иерархических организаций в условиях изменчивости экономической среды // Российский журнал менеджмента. 2019. Т. 17. № 3. С. 367–386. <https://doi.org/10.21638/spbu18.2019.304>

Миркин Я. М. Трансформация экономической и финансовой структур мира: воздействие растущих шоков катастроф // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 4. С. 97–116. <https://doi.org/10.23932/2542–0240–2020–13–4–5>

Ответ российского бизнеса на пандемию COVID-19 (на примере шести отраслевых кейсов) [Текст]: коллект. моногр. / Под науч. ред. Т. Г. Долгопятовой, Н. В. Акиндиной, Ю. В. Симачева, А. А. Яковлева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 446 с.

Широв А. А. Пандемический кризис как вызов экономическому анализу и политике // Проблемы прогнозирования. 2021. № 3. С. 6–17. DOI: 10.47711/0868–6351–186–6–17.

Acemoglu D., Chernozhukov V., Werning I., Whinston M. D. A Multi-Risk SIR Model with Optimally Targeted Lockdown. National Bureau of Economic Research. Working Paper. No. 27102. 2020. <https://doi.org/10.3386/w27102>

Aghion P., Bloom N., Blundell R., Griffith R., Howitt P. Competition and Innovation: an inverted U relationship // The Quarterly Journal of Economics. 2005. Vol. 120. No. 2 (May). Pp. 701–728.

Correia S., Luck S., Verner E. Pandemics Depress the Economy, Public Health Interventions Do Not: Evidence from the 1918 Flu. 2020. [Эл. ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3561560> (дата обращения: 05.01.2022).

Davis J. P., Eisenhardt K. M., Bingham C. B. Optimal structure, market dynamism, and the strategy of simple rules // *Administrative Science Quarterly*. 2009. Vol. 54. No. 3. Pp. 413–452.

Guedhami O., Knill A. M., Megginson W. L., Senbet L. W. The Dark Side of Globalization: Evidence from the Impact of COVID-19 on Multinational Companies. 2021. [Эл. ресурс]. URL: <https://ssrn.com/abstract=3868449> (дата обращения: 03.01.2022).

Kozlowski J., Veldkamp L., Venkateswaran V. Scarring Body and Mind: The Long-Term Belief-Scarring Effects of Covid-19. National Bureau of Economic Research. Working Paper. No. 27439. 2020. DOI: 10.3386/w27439.

Ozcan C. P., Eisenhardt K. M. Origin of alliance portfolios: Entrepreneurs, network strategies, and firm performance // *Academy of Management Journal*. 2009. Vol. 52. No. 2. Pp. 246–279.

Pisani N. How COVID-19 Will Change the Geography of Competition // *MIT Sloan Management Review*. 2021. May 13., 2021. [Эл. ресурс]. URL: <https://sloanreview.mit.edu/article/how-covid-19-will-change-the-geography-of-competition/> (дата обращения: 26.12.2021).

Rosenstein-Rodan P. N. Problems of Industrialisation of Eastern and South-Eastern Europe // *The Economic Journal*. 1943. Vol. 53. No. 210/211. Pp. 202–211.

Snow C. C. Research in Journal of Organization Design, 2012–2018 // *Journal of Organization Design*. 2018. Vol. 7. No. 9. Pp. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1186/s41469-018-0033-6>.

The Global Risks Report 2021. World Economic Forum. 2021. [Эл. ресурс] URL.: <https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2021> (дата обращения: 20.10.2021).

The human cost of disasters: an overview of the last 20 years (2000–2019). UN Office for Disaster Risk Reduction. 2020. [Эл. ресурс] URL.: <https://www.undrr.org/media/48008/download> (дата обращения: 10.9.2021).

Zhang H. The Impact of COVID-19 on Global Production Networks: Evidence from Japanese Multinational Firms. ERIA Discussion Paper Series No. 364. 2021. [Эл. ресурс] URL.: <https://www.eria.org/uploads/media/discussion-papers/ERIA-Research-on-COVID-19/The-Impact-of-COVID-19-on-Global-Production-Networks-Evidence-from-Japanese-Multinational-Firms.pdf> (дата обращения: 11.12.2021).

Статья поступила 24.01.2022

Статья принята для публикации 01.02.2022

Для цитирования: Дементьев В. Е. Российский опыт адаптации к внешним для экономики шокам (о книге «Ответ российского бизнеса на пандемию COVID-19») // ЭКО. 2022. № 5. С. 178–192. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-5-178-192

Summary

Dementiev, V.E., Doct. Sci. (Econ.), Corresponding Member RAS, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Science, Moscow

Russian Experience of Adaptation to External Shocks for the Economy (About the Book “The Response of Russian Business to the COVID-19 Pandemic”)

Abstract. Modern economic development is characterized by significant turbulence, which arises as a result of not only internal economic factors. The pandemic provides an important experience in adapting the economy to external shocks. The article is devoted to the discussion of a monograph prepared based on the results of a study that analyzed both the reaction of business and the state to the crisis caused by the COVID-19 pandemic and post-crisis development scenarios. The article presents the lessons that can be learned from the experience of this response to increase the resilience of the Russian economy to crises and external shocks. Some forecasts of post-ovoid development contained in the monograph are discussed. Particular attention is paid to the limited size of the domestic market, which can complicate the digital transformation of the Russian economy. The actual scope of further research using the methodology of mesoeconomical analysis approved in the monograph is outlined.

Keywords: *COVID-19 pandemic; economic crisis; adaptation potential; industry markets; economic policy; interaction between government and business; digitalization of the economy*

References

- Acemoglu, D., Chernozhukov, V., Werning, I., Whinston, M.D. (2020). A Multi-Risk SIR Model with Optimally Targeted Lockdown. *National Bureau of Economic Research. Working Paper.No. 27102*. <https://doi.org/10.3386/w27102>
- Aghion, P., Bloom, N., Blundell, R., Griffith, R., Howitt, P. (2005). Competition and Innovation: an inverted U relationship. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 120. No. 2 (May). Pp. 701–728.
- Alekperov, V. Yu. (1996). *Vertically integrated oil companies of Russia. Methodology of formation and implementation*. Moscow. AUTOPAN. (In Russ.).
- Correia, S., Luck, S., Verner, E. (2020). Pandemics Depress the Economy, Public Health Interventions Do Not: Evidence from the 1918 Flu. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3561560> (accessed 05.01.2022).
- Davis, J.P., Eisenhardt, K.M., Bingham, C.B. (2009). Optimal structure, market dynamism, and the strategy of simple rules. *Administrative Science Quarterly*. Vol. 54. No. 3. Pp. 413–452.
- Dementiev, V.E. (2019). Viability of Hierarchical Organizations under Variability of Economic Environment. *Russian Management Journal*. Vol. 17. No. 3. Pp. 367–386. DOI: 10.21638/spbu18.2019.304. (In Russ.).
- Dementiev, V.E. (2021). “Black swans” and social institutions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 14. No. 3. Pp. 54–66. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.3. (In Russ.).
- Guedhami, O., Knill, A.M., Megginson, W.L., Senbet, L.W. (2021). The Dark Side of Globalization: Evidence from the Impact of COVID-19 on Multinational Companies. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3868449> (accessed 03.01.2022).
- Kozlowski, J., Veldkamp, L., Venkateswaran, V. (2020). Scarring Body and Mind: The Long-Term Belief-Scarring Effects of Covid-19. *National Bureau of Economic Research. Working Paper*. No. 27439. DOI: 10.3386/w27439.

Mirkin, Ya.M. (2020). Transformation of the economic and financial structures of the world: the impact of growing shocks of catastrophes. *Contours of global transformations: politics, economics, law*. Vol. 13. No. 4. C. 97–116. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-4-5>. (In Russ.).

Ozcan, C.P., Eisenhardt, K.M. (2009). Origin of alliance portfolios: Entrepreneurs, network strategies, and firm performance. *Academy of Management Journal*. Vol. 52. No. 2. Pp. 246–279.

Pisani, N. (2021). How COVID-19 Will Change the Geography of Competition. *MIT Sloan Management Review*. Available at: <https://sloanreview.mit.edu/article/how-covid-19-will-change-the-geography-of-competition/> (accessed 26.12.2021).

Rosenstein-Rodan, P.N. (1943). Problems of Industrialisation of Eastern and South-Eastern Europe. *The Economic Journal*. Vol. 53. No. 210/211. Pp. 202–211.

Shirov, A.A. (2021). The Pandemic Crisis as a Challenge for Economic Analysis and Policy. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 32. № 3. Pp. 229–237. (In Russ.). DOI: 10.1134/S1075700721030138

Snow, C.C. (2018). Research in Journal of Organization Design, 2012–2018. *Journal of Organization Design*. Vol. 7. No. 9. Pp. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1186/s41469-018-0033-6>.

The Global Risks Report 2021. (2021). World Economic Forum. Available at: <https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2021> (accessed 20.10.2021).

The human cost of disasters: an overview of the last 20 years (2000–2019). (2020). UN Office for Disaster Risk Reduction. Available at: <https://www.undrr.org/media/48008/download> (accessed 10.09.2021).

The response of Russian business to the COVID-19 pandemic (using the example of six industry cases). (2021). Collective monograph edited by T.G. Dolgopyatova, N.V. Akindinova, Yu.V. Simachev, A.A. Yakovlev. National Research University “Higher School of Economics”. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 446 p. (In Russ.).

Volchkova, N.A. (2021). Russian exporters in the economic crisis caused by the COVID-19 pandemic. *Journal of the New Economic Association*. Vol. 52. No.4. Pp. 252–257. (In Russ.).DOI: 10.31737/2221-2264-2021-52-4-14.

Zhang, H. (2021). The Impact of COVID-19 on Global Production Networks: Evidence from Japanese Multinational Firms. *ERIA Discussion Paper Series No. 364*. Available at: https://www.eria.org/uploads/media/discussion-papers/ERIA-Research-on-COVID-19/The-Impact-of-COVID-19-on-Global-Production-Networks_Evidence-from-Japanese-Multinational-Firms.pdf (accessed 11.12.2021).

For citation: Dementiev, V.E. (2022). Russian Experience of Adaptation to External Shocks for the Economy (About the Book “The Response of Russian Business to the COVID-19 Pandemic”). *ECO*. No. 5. Pp. 178–192. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-5-178-192

В следующих номерах вы прочтете:

- Проблема регулирования уровня озера Байкал
 - Где на Руси жить хорошо?
 - Поведенческий империализм
- и три стадии развития поведенческой экономики
- Газификация Забайкалья: проблемы и перспективы
 - К вопросу о стратегии развития железных дорог России в долгосрочной перспективе
- Российский рынок акций в 2015–2020 гг.: волатильность и рыночная доходность
- Зеленые финансы – проблемы классификации
 - Промышленный симбиоз как инструмент декарбонизации
 - Продовольственная безопасность России
- в свете последних политических и иных событий
- Новые реалии научной жизни в России
- и необходимость ее переформатирования
- Динамика численности и структуры населения и рабочей силы Тюменской области в XXI в.

Подготовлено к печати Сибирским отделением РАН.

«ЭКО» (Экономика и организация промышленного производства).

ISSN 0131-7652

E-ISSN 2686-7605

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77 - 77209 от 20.11.2019

2022. № 5. 1–192

Художник В.П. Мочалов

Технический редактор Н.Н. Сидорова

Адрес редакции: 630090 Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17.

Тел./факс: (8-383) 330-69-25, тел. 330-69-35

E-mail: eco@ieie.nsc.ru

Адрес издателя: Сибирское отделение РАН
630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17

© АНО «Редакция журнала «ЭКО», 2021. Выход в свет 30.05.2022

Формат 84x108 1/32. Цифровая печать. Усл. печ. л. 10,08

Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 230. Заказ 178. Цена свободная

Отпечатано в Сибирском отделении РАН

630090, г. Новосибирск, Морской просп. 2

Тел. 330-84-66

E-mail: e.lyannaya@sb-ras.ru

<https://www.sibran.ru>